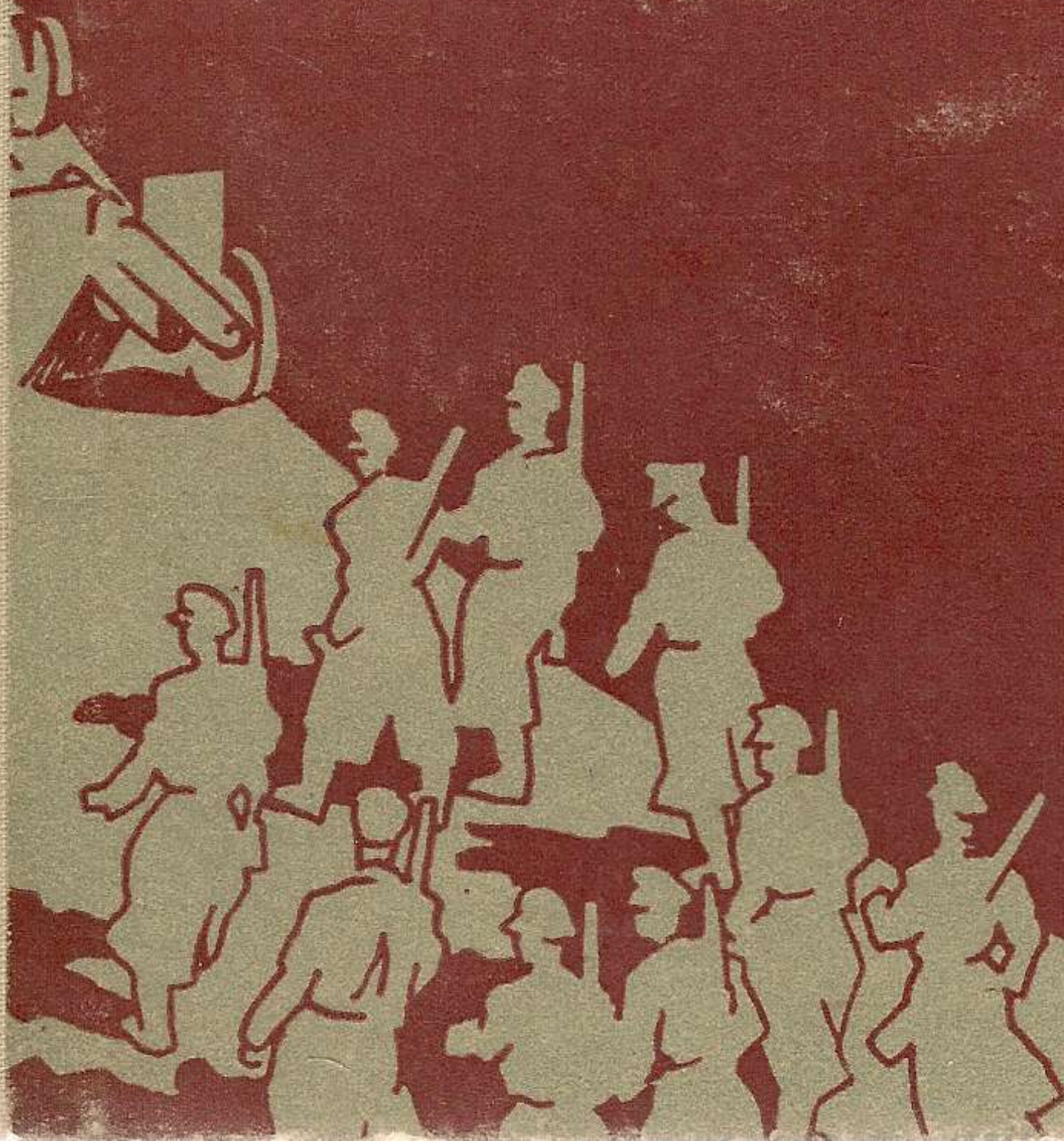

П. Драудин

БОЕВОЙ ПУТЬ

Латышской
стрелковой
дивизии

(1917 - 1920)

Т. Я. ДРАУДИН

БОЕВОЙ ПУТЬ

ЛАТЫШСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
В ДНИ ОКТАБРА И В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1917—1920)

*Под редакцией
кандидата исторических наук
А. А. Дризула*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
РИГА 1960

Латышские стрелковые полки принадлежали к числу тех отрядов революции, которые не только сразу, без колебаний, перешли на сторону Советской власти, но и активно, с оружием в руках, встали на ее защиту.

«История гражданской войны», т. 2,
стр. 470.

Латышские красные бойцы

Латыш хорош без аттестации.
Таков он есть, таков он был:
Не надо долгой агитации,
Чтоб в нем зажечь геройский пыл...

Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, пиши:
Любые фланги обеспечены,
Когда на флангах латыши.

Где в бой вступает Латдивизия,
Там белых давят, как мышей.
Готовься, врангельская физия,
К удару красных латышей!

Демьян Бедный

СОЗДАНИЕ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВЫХ ПОЛКОВ

В дни Великой Октябрьской социалистической революции и в суровые годы гражданской войны на всех фронтах молодой Советской республики в составе пролетарской Красной Армии, плечом к плечу со своими русскими товарищами, за победу и упрочение Советской власти самоотверженно боролись латышские стрелки — Латышская советская стрелковая дивизия.

Латышская советская стрелковая дивизия или отдельные ее части в борьбе за Советскую власть и победу социализма прошли славный боевой путь от Даугавы до Волги, от Балтийского до Черного моря. В годы гражданской войны латышские соединения были четыре раза удостоены высшей боевой награды — Красного Знамени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

Свою первую боевую закалку латышские стрелковые полки получили еще в рядах старой русской армии в годы первой мировой войны.

Латышские стрелковые батальоны — первые национальные воинские части в русской армии — были созданы летом 1915 г. Инициатива их организации принадлежала латышской буржуазии, которая через своих представителей в Государственной думе обратилась к царскому правительству с просьбой разрешить ей формирование добровольческих отрядов из латышей. Многие представители русского военного командования и прогермански настроенные придворные круги относились отрицательно к самой идее создания в русской армии национальных частей. Особенно резко они возражали против комплектования национальных частей из латышских рабочих и крестьян, которые во время революции 1905—1907 гг. шли в авангарде революционного движения в стране. Но русская армия летом 1915 г. терпела жестокие поражения, а создание добровольческих частей сулило возможность получения дополнительных людских резервов для важного участка русско-германского фронта. Вот почему верховное военное командование в лице тогдашнего верховного главнокомандующего, великого князя

Николая Николаевича, 29 мая 1915 г. санкционировало создание латышских добровольческих батальонов. Это решение поддерживали военное командование Северного фронта и начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев. Известную роль в разрешении создания латышских добровольческих отрядов сыграли и особенности военной обстановки в Латвии: местное немецкое меньшинство, главным образом прибалтийские немецкие бароны-помещики, не скрывало своих прогерманских симпатий; в тылу русских войск действовали многочисленные шпионы и пособники неприятеля, набранные из среды прибалтийских немцев. Вековая ненависть латышского крестьянства и всего латышского трудового народа к прибалтийскому немецкому дворянству была общеизвестна и могла послужить своего рода гарантией шовинистических настроений среди бойцов вновь формируемых латышских добровольческих частей.

Латышские батальоны, по первоначальным планам, должны были заниматься главным образом разведкой в тылу врага и организацией там партизанской войны. 15 июля 1915 г. было утверждено положение об организации батальонов и создан для этой цели гражданский комитет, во главе которого был поставлен член Государственной думы от Лифляндской губернии Ян Голдман. Денежные средства на организацию батальонов щедрой рукой отпускали латышские кулацкие сельскохозяйственные и кредитные общества. Эта щедрость латышской буржуазии и ее «высокий патриотический порыв» были обусловлены рядом веских причин. Поражения царской армии и

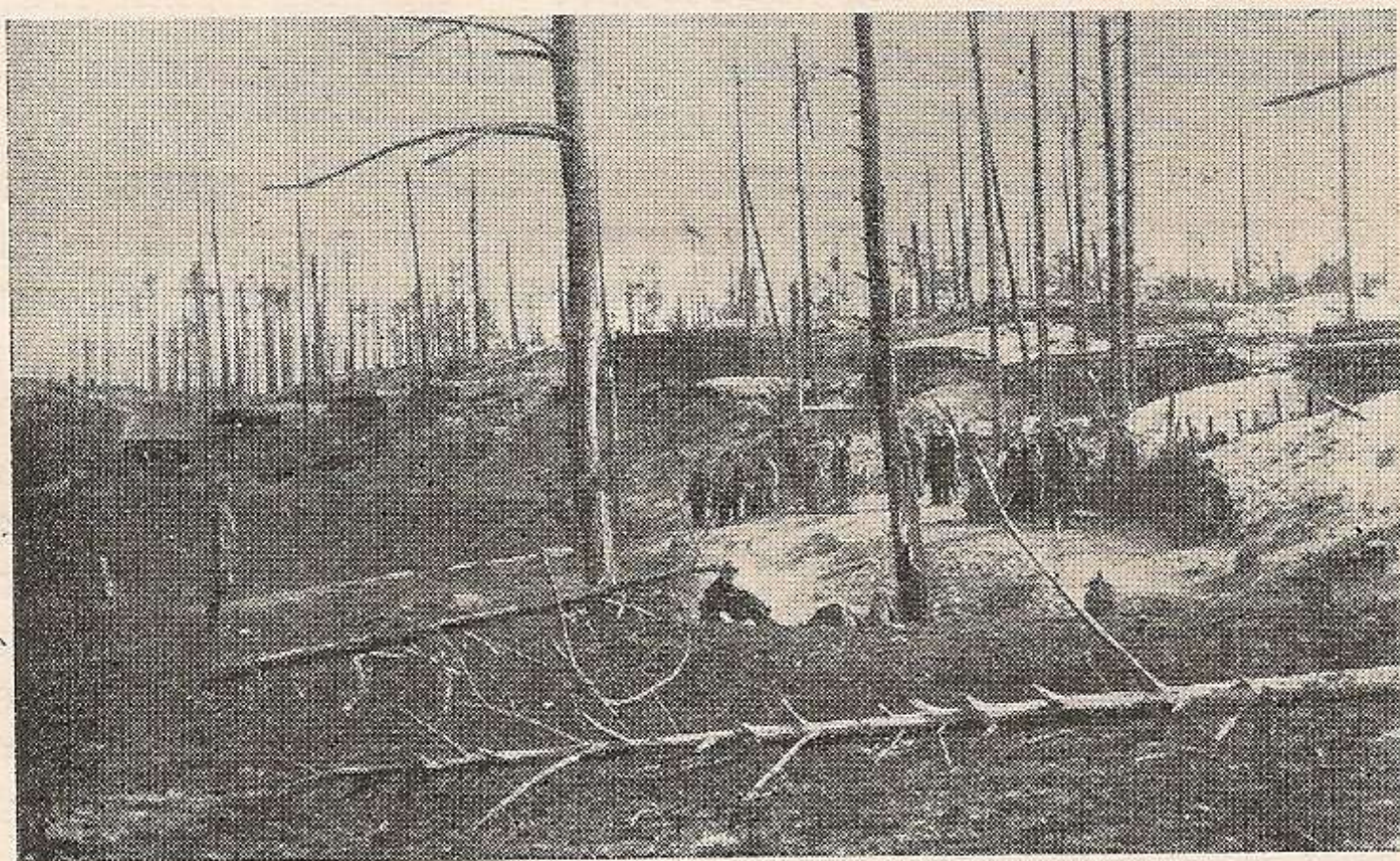

Рис. 1. Пулеметная горка на Рижском плацдарме Северного фронта.

быстрое продвижение германских войск в Прибалтике, приведшие к захвату Курземе немцами летом 1915 г. и приближению линии фронта непосредственно к Риге, ставили под угрозу земельную собственность, капиталы и дома латышской городской и сельской буржуазии. Создавая национальные батальоны, латышская буржуазия надеялась обеспечить защиту своего достоинства от возможного захвата его немцами. Вместе с тем латышская буржуазия, изрядно наживавшаяся на войне, вовсе не была заинтересована в ее скором окончании; при этом она рассчитывала выслужиться перед царизмом и боевыми заслугами сынов латышского народа и пролитой ими кровью купить себе у царского правительства кое-какие выгодные для нее реформы и преимущества.

Прикрывая свои узкоклассовые интересы националистическими и «патриотическими» лозунгами, латышские домовладельцы, кулаки и буржуазная интеллигенция умело играли на национальных чувствах латышского народа, на его вековой ненависти к прибалтийским немецким баронам-помещикам, ко всему эксплуататорскому немецкому привилегированному меньшинству в Прибалтике.

Вокруг организации добровольческих батальонов латышской буржуазией была поднята большая «патриотическая» шумиха. Газеты, журналы, буржуазные латышские писатели и поэты призывали латышских крестьян идти в добровольцы, чтобы освободить Курземе от немецких колонизаторов, громить немецких баронов — вековых врагов латышского народа. В выпущенном специально по этому поводу воззвании «К сынам Латвии» говорилось: «Соберемся же под сенью русского двуглавого орла со своими национальными знаменами». Так латышская буржуазия верноподданнически служила царскому самодержавию.

Революционная Социал-демократия Латышского края выступила против организации латышских батальонов. СДЛК осталась верна принципам интернационализма, полностью поддерживала большевиков и В. И. Ленина во всех его выступлениях на международных социалистических конференциях во время войны и свою партийную линию против войны проводила под ленинским лозунгом превращения империалистической войны в войну гражданскую. Центральный орган СДЛК газета «Циня»¹ в декабре 1915 г. писала: «Бессмертной исторической заслугой Социал-демократии Латышского края является то, что она в столь грозный час мировой истории решительно выступала против военного психоза и шовинизма латышской буржуазии и противопоставила им пролетарский интернационализм и непримиримую классовую борьбу. Организованные рабочие объявили войну войне и настойчиво убеж-

дали дезориентированные массы, что деспоты сидят не только в Берлине, но и в Царском Селе и что народный гнев должен быть направлен против классового врага — царского самодержавия. . .

Мы считаем создание латышских батальонов преднамеренным преступлением против народных масс и глубоко жалеем тех, которые являются жертвами этого преступления».

Несмотря на всю патриотическую трескотню, поднятую латышской буржуазией вокруг организации стрелковых батальонов, ее затея не встретила особого сочувствия в латышском народе.

Приток добровольцев в батальоны оказался весьма небольшим. В 1915 г. было завербовано всего 6296 человек, причем основной контингент их составляла молодежь, подлежащая призыву в том же году. Батальоны пришлось доукомплектовывать солдатами-латышами, переведенными из других частей Северного фронта, а также из частей далекого тыла. В следующем году число добровольцев еще более уменьшилось и от принципа добровольчества пришлось отказаться. В латышские стрелковые батальоны принудительно стали направлять всех подлежащих призыву латышей.

В конце 1916 г. четырехротные латышские стрелковые батальоны были пополнены в порядке мобилизации и переформированы в восьмиротные полки. Всего было сформировано 8 стрелковых полков — 1-й Даугавгривский (Усть-Двинский), 2-й Рижский, 3-й Курземский, 4-й Видземский, 5-й Земгальский, 6-й Тукумский, 7-й Бауский и 8-й Валмиерский. Полки были объединены в две бригады с общим количеством бойцов 38 тыс. человек при одной тысяче офицеров и стояли на передовых позициях. Кроме того, в армейском тылу — в Юрьеве (Тарту) — был сформирован Латышский резервный полк, численный состав которого колебался от 10 до 15 тыс. солдат.

Латышские стрелковые полки в основном (на 90 и более процентов) были укомплектованы латышами, но в них были и солдаты других национальностей — русские, эстонцы, литовцы, поляки и др. По социальному составу латышские стрелковые полки состояли из пролетариев и полупролетариев — рабочих, ремесленников, сельскохозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян, причем крестьянская беднота составляла свыше 50 процентов всего состава полков. Как комплектовались латышские батальоны в 1915 г., можно судить хотя бы по тому, что в батальоны были зачислены даже подростки-школьники 15—16 лет без разрешения на то их родителей. Для характеристики состава латышских частей приведем данные о 6-м Тукумском латышском батальоне; в нем состояло: солдат-латышей, переведенных из русских частей, — 933 человека

Рис. 2. Полковник И. И. Вацietис, командир 5-го Земгальского латышского полка.

(53,6 процента); мобилизованных — 387 (20,9 процента); добровольцев — 472 (25,5 процента). Латышей в батальоне было 87,7 процента, эстонцев — 5 процентов, русских — 2,8 процента, литовцев — 2,5 процента, солдат других национальностей — 2 процента. По социальному составу 6-й батальон представлял следующую картину: сельскохозяйственных рабочих, безземельных и мелких арендаторов в нем было 597 человек, или 32,3 процента, ремесленников-подмастерьев и рыбаков — 544 (27,8 процента), фабричных рабочих — 354 (19,1 процента), крестьян-усадебовладельцев — 233 (12,6 процента), работников интеллигентного труда — 102 (5,5 процента), ремесленников — собственников небольших мастерских — 30 (1,5 процента), школьников — 22 (1,2 процента).

Из этих данных видно, что 6-й Тукумский батальон был в основном пролетарским или полупролетарским. Приблизительно таким же был социальный состав и остальных батальонов. В 8-м Валмиерском батальоне преобладали сельскохозяйственные рабочие, батраки, бобыли, мелкие арендаторы и сельские ремесленники. Процент городских рабочих в батальонах был невысок, так как после эвакуации рижских заводов промышленных рабочих в Латвии оставалось очень мало. Бывший главнокомандующий вооруженными силами молодой Советской республики И. Вацietис², отлично знавший латышских стрелков и прошедший с ними весь их славный боевой путь, писал, что основную массу латышских стрелков составляли батраки, т. е. сельскохозяйственные рабочие.

С притоком в полки мобилизованных в разных городах России латышей, среди которых было много рабочих, социальный состав латышских стрелковых полков изменился в сторону еще большей пролетаризации, при этом в полки попало значительное число членов нелегальной большевистской партии.

Латышские стрелковые полки входили в состав войск Северного фронта, которые прикрывали подступы к Петрограду. Вместе с сибирскими частями XII армии они занимали боевые позиции на Рижском плацдарме, защищая Ригу от германских войск со стороны оккупированной немцами Курземе³. Рижский плацдарм имел важнейшее стратегическое значение, так как Рига для немцев являлась ключом к Петрограду, а немцы уже в 1915 г. стояли в нескольких десятках километров от Риги, занимая позиции у р. Лиелупе и далее по левому берегу р. Даугавы.

Латышские стрелковые полки начиная с 1915 г. участвовали во всех операциях на Рижском плацдарме, проявляя при этом высокие боевые качества и воинскую доблесть. В основе этого лежало естественное стремление латышского народа защитить свою родину от посягательств германского империализма, от чуждых и ненавистных иноземных захватчиков.

На Рижском плацдарме особенно кровопролитными были так наз. Рождественские бои на исходе 1916 г., предпринятые русским командованием для того, чтобы отбросить немцев от Риги и выбить их из Елгавы (в 40 км от Риги).

Накануне этих боев, в декабре 1916 г., обе латышские бригады были объединены в Латышскую стрелковую дивизию под командованием генерала Мисиня. Однако это объединение в связи с неудачным исходом Рождественских боев в дальнейшем практически ничем не было закреплено, и аппарат по управлению дивизией тогда не был создан.

Рождественские бои, продолжавшиеся две недели, не дали положительных результатов и вызвали большое озлобление среди солдат XII армии. Такие настроения определялись также и общим положением на фронте. Тяготы длительного пребывания в окопах, захватнические цели войны, чуждые солдатам — крестьянам и рабочим, развал в тылу и на фронте, многочисленные случаи очевидного предательства в штабах и т. п. — все это вызывало открытое недовольство солдат.

В создавшихся условиях антивоенная пропаганда большевиков встречала широкий отклик среди солдат Северного фронта. Частыми становились отказы идти в наступление и неисполнение боевых приказов. Во время декабрьских боев недовольство солдат вылилось в открытое возмущение. 23 декабря отказался идти в наступление 1-й батальон 17-го Сибирского полка, его примеру последовал 2-й батальон того же

полка. Солдаты мотивировали свой отказ продажностью и изменой высшего командного состава. Антивоенные выступления произошли и в других полках, например в 54-м и 55-м Сибирских стрелковых полках.

Военное командование жестоко расправлялось с восставшими: по решению военно-полевых судов солдат расстреливали перед строем. 1 января 1917 г. перед строем были расстреляны 24 солдата 17-го Сибирского стрелкового полка и 39 солдат 55-го полка. 7-й Сибирский корпус был переформирован и переброшен на румынский фронт.

Военное командование одной из причин антивоенных выступлений солдат считало широко проводившуюся в войсках антивоенную пропаганду, центром которой была Рига. 6 февраля 1917 г. главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский в секретном письме командующему XII армией генералу Радко-Димитриеву писал: «Во время последних боев под Ригой, как известно, имели место крайне прискорбные и нетерпимые в армии случаи уклонения и даже отказа нижних чинов некоторых полков идти в бой. Случаи эти, как уже отмечено в письме за № 547/Б, указывают, что в среде нижних чинов несомненно велась и ведется интенсивная пропаганда пацифистских идей, своевременно не обнаруженная и не ликвидированная мерами ближайшего начальства.

Результаты преступной пропаганды наиболее резко выразились в войсковых частях 2-го Сибирского армейского корпуса и 14-й Сибирской стрелковой дивизии, а в последнее время стали проявляться признаки такой же пропаганды также в частях 21-го армейского корпуса, охватывая, таким образом,

Рис. 3. 5-я рота 8-го Валмиерского полка в 1917 г.

именно ту группу войск, которая расположена в непосредственной близости гор. Риги и имеет с ней тесное и постоянное общение. Последствия преступной пропаганды, как Вам известно, обнаружались и в 7-м Сибирском армейском корпусе, ранее находившемся в районе Риги».

Антивоенные выступления сибирских стрелков захватили и находившихся рядом с ними на боевых позициях латышских стрелков. Во время Рождественских боев первый батальон 4-го Видземского латышского полка и одна рота 8-го Валмиерского латышского полка, до конца измотанные в боях предыдущих дней, также отказались идти в наступление. В этом в значительной степени сказалось и влияние большевистской антивоенной пропаганды и агитации, которую Социал-демократия Латышского края вела как в тылу, так и на фронте.

Под влиянием большевистской агитации на фронте и роста революционного движения народных масс в стране в конце 1917 г. на Северном фронте и его Рижском плацдарме росли и ширились революционные выступления. Фронт и вся Россия шли к революционной развязке, к свержению царизма, и когда в конце февраля 1917 г. в Петрограде восставший народ одним ударом сверг ненавистную власть самодержавия, вся русская армия присоединилась к революционному народу и этим обеспечила быструю и полную победу революции.

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В 1917 Г.

С первых же дней Февральской революции войска Северного фронта, как и вся армия, включились в бурную политическую жизнь, которой тогда жила вся страна, тем более что Северный фронт и его XII армия находились в непосредственной близости к революционному Петрограду.

В первой половине 1917 г. XII армия занимала позиции от г. Слока на Рижском взморье до Кекавы и Икшкильского предмостного укрепления, так наз. «Навес сала» («Остров смерти») ⁴, и далее по правому берегу Даугавы до Стукмани, где начиналось уже расположение V армии, размещенной в Латгалии (т. е. в Витебской губернии), с центром в Даугавпилсе

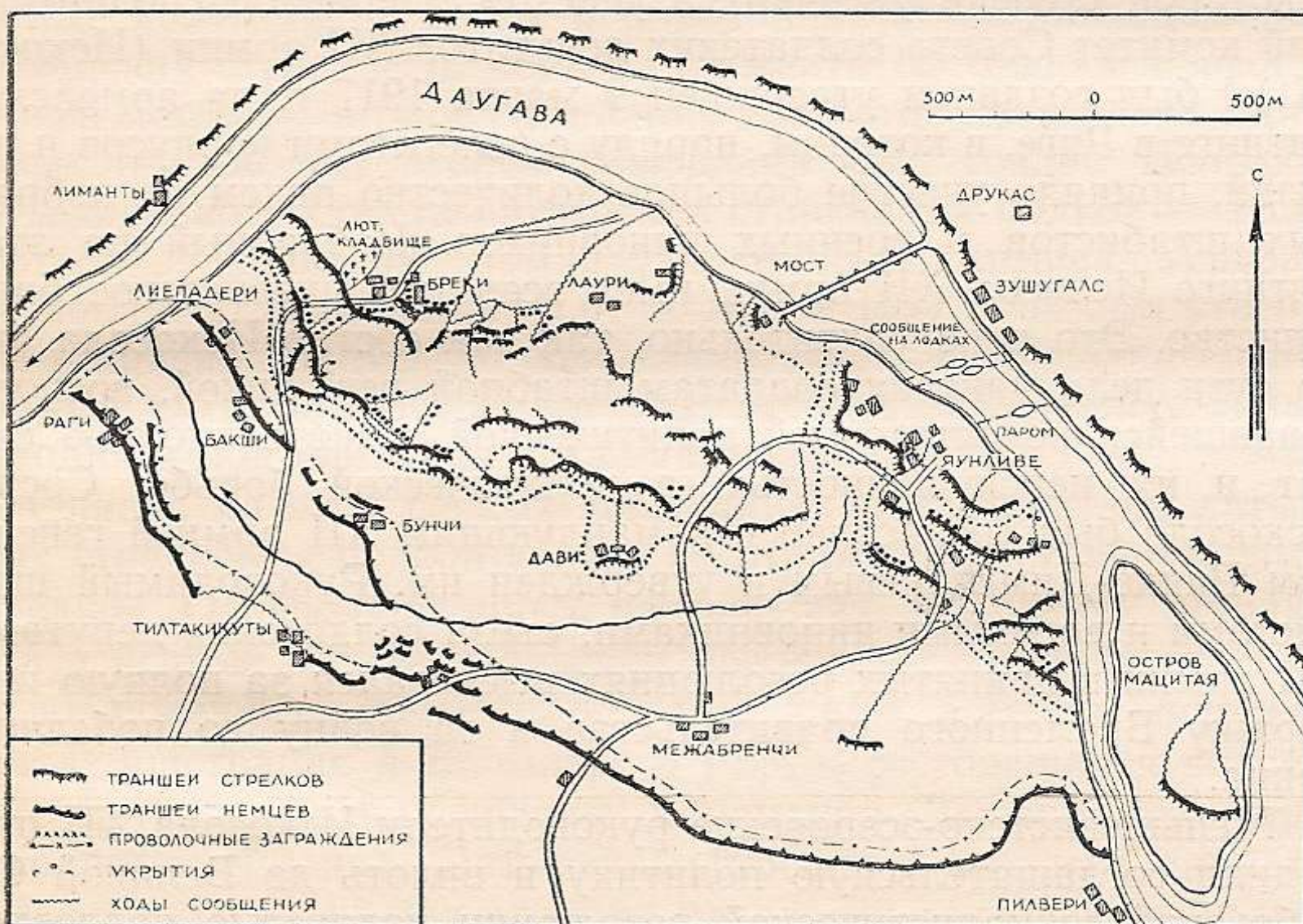

Схема «Острова смерти».

(Двинске). Видземе для XII армии была армейским тылом. Важнейшим участком фронта XII армии был Рижский плацдарм, так наз. Рижский фронт, который охватывал узкую полосу Рижского взморья между р. Лиелупе и Рижским заливом и окрестности Риги до Огре. Войска, стоявшие на Рижском плацдарме, непосредственно прикрывали Ригу. Среди этих войск важное значение имели латышские стрелковые полки, занимавшие на Рижском плацдарме ключевые позиции. XII армия в целом, защищая Ригу и весь правый берег Даугавы, тем самым прикрывала подступы к Петрограду и являлась по своему значению, по оснащению и по количеству солдат важнейшей армией Северного фронта.

Политическое настроение полумиллионной XII армии, в основном крестьянской по своему составу, сильно беспокоило Временное правительство. В течение первых месяцев 1917 г. XII армию неоднократно в агитационных целях посещали министры и члены IV Государственной думы Гучков, Керенский, Ефремов, Макогон и другие, которые объезжали фронт и проносили перед солдатами «патриотические речи», призывая их к продолжению войны «до победного конца».

Много усилий русской буржуазии и Временного правительства было направлено к тому, чтобы создать в XII армии такой Совет солдатских депутатов, который был бы оплотом Временного правительства. Усилия буржуазных партий и соглашателей подчинить себе солдатскую массу XII армии в некоторой степени увенчались успехом. Первый Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов XII армии (Искосол XII) ⁵ был создан и утвержден 9 марта 1917 г. на армейском митинге в Риге, в котором, наряду с делегатами корпусов и дивизий, приняло участие большое количество никем не избранных штабистов и военных чиновников. Избранный на этом митинге Искосол XII армии имел эсеро-меньшевистское большинство. Это и не удивительно, так как состав Искосола был по сути дела навязан солдатам штабной верхушкой, воспользовавшейся недостаточной политической сознательностью солдат и их неискушенностью в политической борьбе. Состав Искосола был согласован с командующим XII армией генералом Радко-Димитриевым и утвержден им. Руководимый штабистами и военными чиновниками, съезд солдатских депутатов XII армии в принятых резолюциях высказался за полную поддержку Временного правительства и за войну до победного конца.

Меньшевистско-эсеровские руководители Искосола XII проводили соглашательскую политику и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции полностью поддерживали Временное правительство и все мероприятия военного

командования. Искосол XII, прикрываясь революционными фразами, на деле был послушным орудием в руках реакционного военного командования Северного фронта и командующего XII армией.

Вместе с тем Искосол XII все более терял связь с солдатами. Солдатская масса после свержения самодержавия быстро пробуждалась к активной политической деятельности. Огромное значение для политической организации солдатских масс на фронте имел «Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»⁶. Все попытки соглашателей ограничить район действия приказа только Петроградом или выхолостить его революционное содержание последующими приказами и разъяснениями не возымели никакого действия на солдатские массы. На всех фронтах были созданы солдатские комитеты, политическое значение которых с каждым днем возрастало. В XII армии наряду с армейским Исполнительным комитетом были созданы корпусные, дивизионные, бригадные, полковые, ротные и иные комитеты. Все эти комитеты стояли значительно ближе к солдатам и были роднее фронтовикам, нежели Искосол XII — Армейский исполнительный комитет. В дивизионных и полковых комитетах руководство часто осуществляли большевики, например в дивизионном комитете 109-й дивизии и во всех полковых комитетах этой дивизии.

На основании приказа № 1 латышские стрелки в первые дни Февральской революции также создали свои полковые и ротные комитеты, а затем и объединенную организацию всех латышских стрелковых полков. 13 марта состоялось первое, а 27—29 марта — второе совещание делегатов латышских стрелковых полков. На втором совещании был создан Исполком Объединенного Совета латышских стрелковых полков — Исколастрел⁷. Приказом командующего XII армией генерала Радко-Димитриева за № 90 от 30 марта 1917 г. он был утвержден в правах корпусного совещания. Вначале Исполнительный комитет Объединенного Совета латышских стрелковых полков находился под влиянием соглашателей.

Однако на этих первых совещаниях представители латышских стрелковых полков далеко не отражали настроения самих стрелков. О революционных настроениях латышских стрелков уже в первые дни Февральской революции свидетельствовали их вооруженные стычки в Риге с полицией, а также вооруженная демонстрация в Валмиере 5 марта, состоявшаяся вопреки категорическому запрещению командира Латышского запасного полка Франца. Латышские стрелки с каждым днем все более выходили из-под влияния идеологии латышской буржуазии и переходили на позиции большевиков.

Наступившая в дальнейшем быстрая большевизация латышских стрелковых полков была обусловлена прежде всего тем, что подавляющая масса стрелков по социальному происхождению состояла из фабричных рабочих и безземельных крестьян, одетых в солдатские шинели. Большое значение имело то, что латышские стрелки, находившиеся на позициях в своем родном крае, сохранили непосредственные связи со своим народом, родными и близкими. Они поддерживали тесные связи со своими товарищами по работе — рабочими и безземельными крестьянами и жили одними с ними политическими интересами. Латышским стрелкам особенно близка и понятна была борьба СДЛК, которую она вместе с русскими большевиками вела за демократический мир без аннексий и контрибуций, за власть трудового народа.

Большевизация латышских стрелков шла не самотеком, а под руководством ЦК СДЛК и большевистской Организации СДЛК латышских стрелковых полков⁸. Наличие в составе латышских полков значительного числа членов партии — подполщиков позволило после Февральской революции быстро развернуть работу этой организации. Организационное оформление большевистской организации в действующих латышских стрелковых полках состоялось в Риге 26 марта 1917 г. В учредительном собрании участвовали представители всех полков — 71 член партии. Был избран Временный комитет большевистской Организации СДЛК латышских стрелковых полков в составе Э. Юревича, Э. Викмана, Я. Олдберга, П. Эйланда, О. Лациса, Г. Валдбаха и М. Шталя.

Фронтовые условия вынуждали работу организации в начале революции вести из двух центров: из Риги — для стрелков-фронтовиков, из Валмиеры — для запасного полка. Наиболее крупной в первое время была партийная организация Латышского резервного полка. Она была тесно связана с местной Валмиерской организацией СДЛК. Уже в марте 1917 г. во время выборов полкового и ротных комитетов большевики во всех 16 ротах и в полковом комитете запасного полка обеспечили себе руководство. Стрелки-большевики запасного полка принимали активное участие также в местной жизни. В окрестностях Валмиеры, в районе расположения запасного полка, уже в апреле—мае вся фактическая власть, через районные и волостные Советы безземельных, находилась в руках большевиков.

Количество членов Организации СДЛК латышских стрелковых полков быстро увеличивалось, а вместе с тем росло и влияние большевиков в ротах, полках и бригадах. С этим вынужден был считаться Исполнительный комитет Объединенного Совета латышских стрелковых полков — Исколастрел. 6 апреля

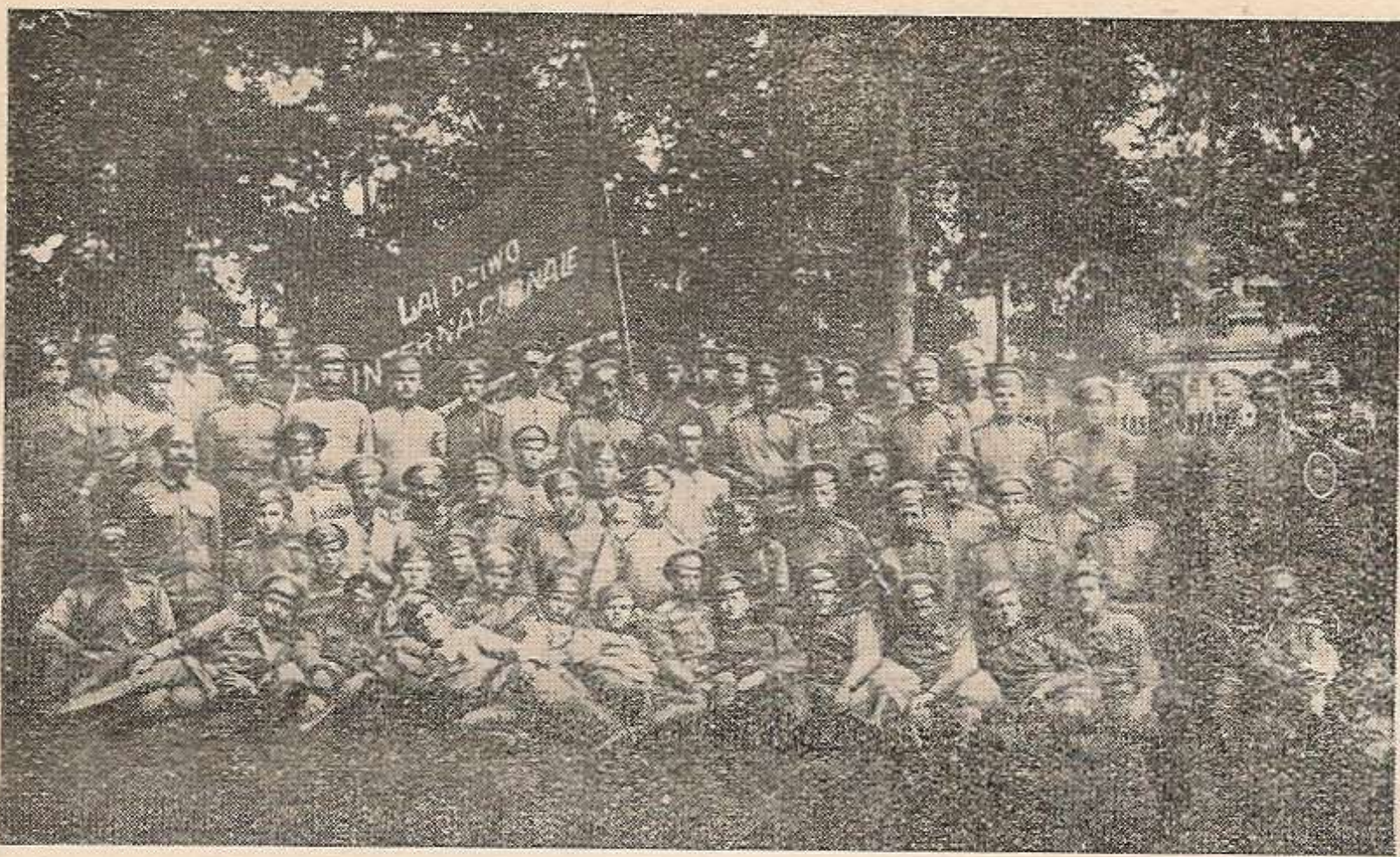

Рис. 4. Латышский резервный полк в 1917 г. Маршевая рота в местечке Стренчи. На знамени надпись: «Да здравствует Интернационал!»

1917 г. Исколастрел принял решение кооптировать весь состав комитета Организации СДЛК латышских стрелковых полков в агитационный комитет Исколастрела. Это постановление открыло комитету организации свободный доступ во все полки и бригады латышских стрелков. Комитет, действуя от имени Исколастрела, установил также прочные связи с солдатами русских полков, особенно с сибирскими полками XII армии.

Организация СДЛК латышских стрелковых полков работала совместно с Военной организацией большевиков XII армии, связанной, в свою очередь, с Военной организацией большевиков при ЦК РСДРП (большевиков) и с русской секцией при Рижском комитете СДЛК. Русская секция при Рижском комитете СДЛК возникла еще в марте 1917 г. Она сыграла очень большую роль в создании большевистской Военной организации XII армии.

В марте — апреле 1917 г. большевистские группы среди солдат XII армии были созданы во многих полках — в Новоладожском, Кадниковском, Тираспольском и др. Наиболее сильная и сплоченная группа большевиков, возглавляемая А. Васильевым, Р. Сиверсом и Д. Гразкиным, была в 436-м Новоладожском полку. Весь полк находился под ее влиянием. Полковой комитет был большевистским. О политическом настроении полка свидетельствует резолюция, принятая на общем собрании солдат Новоладожского полка 22 апреля 1917 г., которая гласила: «Ввиду постоянной задержки и уклонения

Временного правительства от осуществления демократических мероприятий собрание протестует против подобных действий Временного правительства, выражает ему негодование и считает себя свободным от присяги Временному правительству (согласно примечанию при принятии присяги). Товарищам из полкового Совета предлагаем не идти ни на какие уступки Временному правительству. . . Наши штыки готовы поддержать вас. Протестуем против лиц, называющих себя социалистами, а на деле стоящих за продолжение кровожадной братоубийственной бойни с целью захвата чужих земель».

Солдатский комитет 436-го Новоладожского полка вел за собой остальные полки 109-й дивизии, в состав которой он входил. Комитет этот явился и создателем солдатской газеты «Окопная правда»⁹, влияние которой простиралось далеко за пределы не только полка и XII армии, но даже Северного фронта.

Редактором первых двух номеров «Окопной правды» был прапорщик Ф. Хаустов, который тогда не был еще членом большевистской партии. С третьего номера редактором газеты становится солдат Новоладожского полка А. Васильев, член Военной организации при ЦК РСДРП(б) от XII армии, большевик с 1905 г., бывший рабочий питерского завода «Новый Леснер». Газета стала органом русской секции и Военной организации XII армии при Рижском комитете СДЛК и поддерживала тесную связь с Военной организацией при ЦК РСДРП(б) в Петрограде.

Благодаря близости фронта к Петрограду широкое распространение среди солдат XII армии имели также газеты «Правда» и «Солдатская правда», которые проникали в окопы несмотря на все запреты военного командования.

«Правда», «Окопная правда» и другие органы большевистской печати являлись в руках фронтовых большевиков могучим агитационным средством, при помощи которого члены партии смогли развернуть в армии большую революционно-пропагандистскую работу. Эта работа сблизила и спаяла латышских стрелков и русских солдат — таких же рабочих и крестьян — в общей борьбе за Советскую власть и за мир.

«Окопная правда», сообщая, что она является органом Военной организации при Рижском комитете СДЛК, писала: *1а)* «Местная рабочая партия, именуемая СДЛК, объединена с РСДРП(б) и вполне разделяет идейную позицию Российской партии. Рука об руку с петербургским пролетариатом пролетариат Риги боролся и будет бороться за общие пролетарские цели. Военная организация работает в тесном единении с партией, «Окопная правда» будет ответственным органом Военной организации и вместе с тем — партии».

«Окопная правда», ведя последовательную революционную пропаганду среди солдат, разоблачала соглашательскую политику меньшевистского Искосола XII и призывала солдат требовать его переизбрания. В то же время газета призывала солдат к поддержке Рижского Совета рабочих депутатов¹⁰, как подлинного выразителя дум и интересов трудящихся. Следуя призывам «Окопной правды» и большевиков, Новоладожский, Тираспольский и другие русские полки на Рижском плацдарме демонстративно отказывались посылать своих представителей в меньшевистский Искосол XII и требовали создания вместе с Рижским Советом рабочих депутатов, большинство которого составляли латышские рабочие, объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов Рижского фронта. Они вели настойчивую борьбу за перевыборы Искосола XII, чтобы устранить препятствие к объединению революционных рабочих и солдат района XII армии.

В борьбе латышских большевиков за массы, за высвобождение стрелков из-под влияния националистической латышской буржуазии огромное значение имело то, что лозунги большевиков отвечали насущным классовым интересам рабочих и крестьян. Только большевики вели решительную и принципиально ясную борьбу против империалистической политики Временного правительства. Призыв большевиков к братанию на фронте, их требование немедленно заключить мир без аннексий и контрибуций отвечал чаяниям народных масс и солдат. Только большевики выдвигали лозунг немедленной конфискации всех помещичьих земель, что особое значение имело в Латвии, где немецкие бароны владели половиной всех земель, а безземельное крестьянство составляло $\frac{3}{4}$ всего сельского населения. Только национальная программа большевиков, принятая на Апрельской конференции РСДРП(б), требовала равноправия всех национальностей, уничтожения всех форм национального гнета, предоставления всем народам права на свободное самоопределение и указывала путь к действительному разрешению национального вопроса в интересах огромного большинства трудящихся угнетенных наций России, в том числе и латышского трудового народа. В ходе развития политической борьбы латышские стрелки на деле убеждались, что латышская националистическая буржуазия, ранее пресмыкавшаяся перед царским самодержавием, а теперь полностью поддерживавшая буржуазное Временное правительство, не может разрешить ни аграрного, ни национального вопроса в Латвии. В революционном пламени быстро испарился шовинистический угар, затемнявший вначале сознание латышских стрелков, и они становились под знамена пролетарского интернационализма и дружбы народов. Политическим руководством Социал-демократии

Латышского края охватывались все более широкие массы латышских стрелков. Говоря о причинах глубокого влияния СДЛК на широкие трудовые массы латышского народа, В. И. Ленин еще в 1910 г. указывал: «Несомненно, что среди тех причин, которыми объясняются успехи латышской социал-демократии, необходимо поставить на первое место более высокую степень развития капитализма, как в городе, так и в деревне, большую ясность и определенность классовых противоречий, обострение их национальным гнетом, концентрацию латышского населения и более высокую степень его культурного развития» *.

В силу всего этого после Февральской революции процесс большевизации латышских стрелков шел особенно быстро.

Соглашательский Исколастрел, каким был его первый состав, ни в какой мере не отражал настроения стрелков-фронтовиков. Уже в конце апреля перевыборы Исполнительного комитета стали неизбежны, и Исколастрел вынужден был назначить на май объединенный съезд делегатов всех латышских стрелковых полков — так называемый Большой Совет¹¹ — для перевыборов Исполнительного комитета.

Выборы делегатов на съезд проходили при исключительной политической активности стрелков. Везде первым и основным вопросом был вопрос о мире и ликвидации войны. В полках и ротах влияние большевиков было преобладающим, и своими депутатами на Большой Совет стрелки посылали главным образом большевиков. В своих резолюциях они голосовали за немедленный мир без аннексий и контрибуций, за Советскую власть, против Временного правительства.

12 (25) мая в Риге в торжественной обстановке открылся съезд делегатов (заседание Объединенного Совета) латышских стрелковых полков.

Попытки военного командования и офицерства XII армии, а также меньшевистских и эсеровских заправил выборных организаций XII армии — Искосола и Искомофа — парализовать влияние большевиков и подчинить съезд делегатов латышских полков влиянию соглашателей оказались тщетными. 17 (30) мая съезд после трехдневных горячих дебатов огромным большинством голосов принял резолюцию о политическом положении в стране, предложенную Ю. Данишевским¹² от имени ЦК СДЛК. В принятой резолюции латышские стрелки требовали передачи всей власти в стране Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и выражали свое резко отрицательное отношение к буржуазному Временному правительству. На этом

* В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 236.

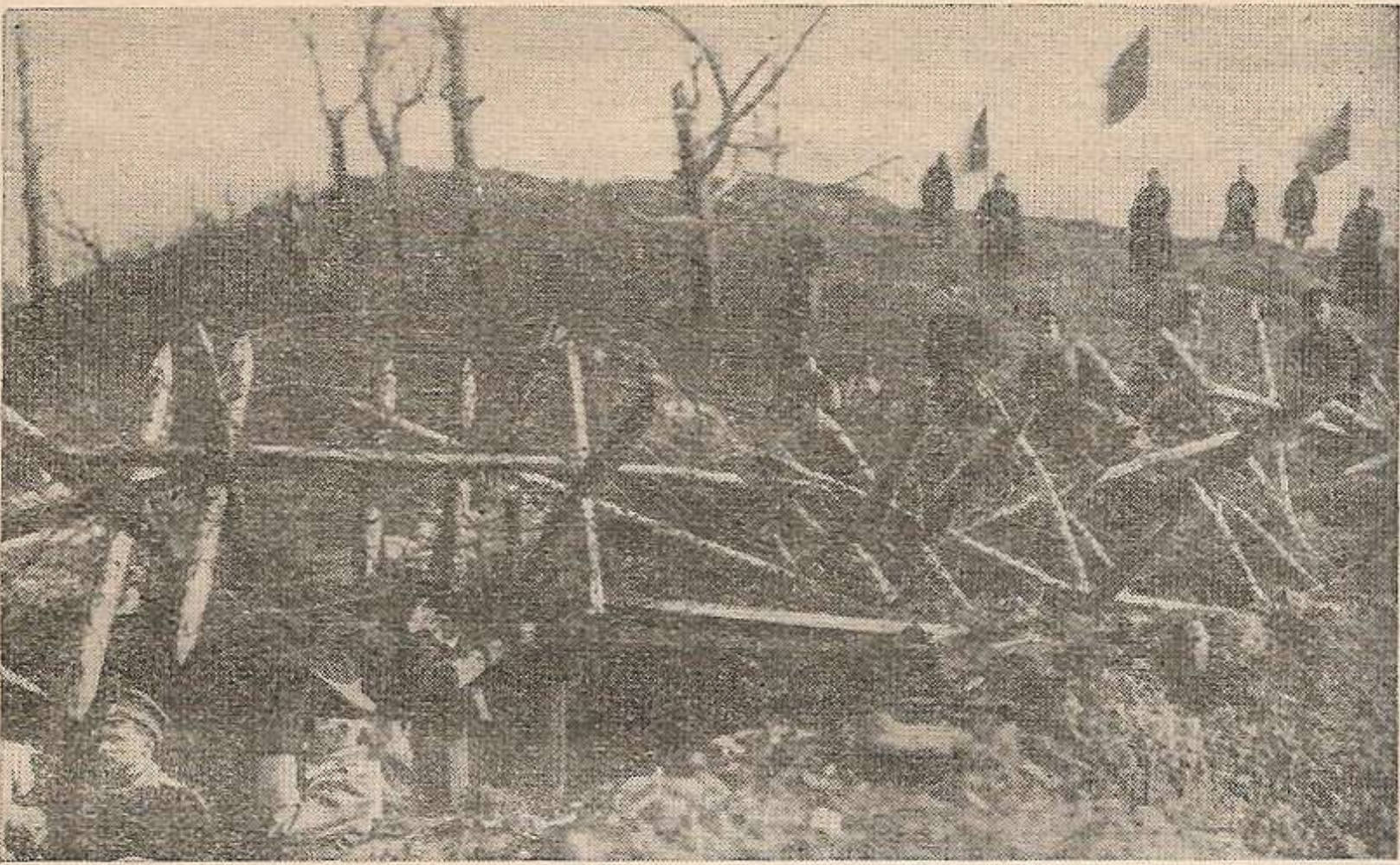

Рис. 5. Первое Мая 1917 г. на Рижском плацдарме.

съезде латышские стрелки заявили, что их лозунгом является лозунг партии большевиков «Вся власть Советам!»

Смелой политической демонстрацией со стороны съезда было его постановление послать приветственную телеграмму Владимиру Ильичу Ленину. Посылка такой телеграммы В. И. Ленину с фронта от имени крупной воинской части в тот период была открытым вызовом, брошенным стрелками военному командованию и соглашателям из Искосола XII. В телеграмме говорилось: «Мы приветствуем Вас как величайшего тактика пролетариата России, подлинного вождя революционной борьбы, выразителя наших дум, и желаем видеть Вас в нашей среде».

Съезд послал также приветствия Карлу Либкнехту, вождю германского пролетариата, газетам «Правда» и «Циня» и ветеранам революционного пролетарского движения Латвии — П. Стучке¹³, Ф. Розиню¹⁴ и поэту Я. Райнису¹⁵. На заключительных заседаниях съезда состоялись выборы нового Исполнительного комитета Совета латышских стрелковых полков. Во вновь избранном Исколастреле большевики получили подавляющее большинство.

День 17 (30) мая стал переломным моментом в политической жизни латышских стрелковых полков. Латышские стрелки окончательно высвободились из-под влияния латышских буржуазных и соглашательских партий и твердо встали на славный путь самоотверженной борьбы за победу Советской власти. Принятие латышскими стрелками большевистской резолюции

было важным событием в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии.

Резолюция 17 (30) мая явилась рубежом, отделившим латышские национальные стрелковые полки, служившие интересам латышской буржуазии, от революционных латышских стрелков, высоко поднявших интернациональное знамя пролетарской революции и в годы гражданской войны выступавших в ударной группе войск Красной Армии на фронтах борьбы против буржуазно-помещичьей контрреволюции.

О том, с каким вниманием уже тогда следил за процессом большевизации латышских стрелков В. И. Ленин и какое большое значение он придавал принятию ими большевистской резолюции, рассказывает П. Стучка, являвшийся представителем СДЛК в ЦК РСДРП(б). «Мне хотелось бы отметить, — писал П. Стучка, — что великий вождь мировой революции расценивал латышских стрелков, как борцов за победу пролетарской революции и защитников Советской власти. Когда я в мае 1917 года после съезда стрелков вернулся из Риги в Петроград и сообщил товарищу Ленину о рижских событиях, он уделил факту большевизации латышских стрелков чрезвычайно большое внимание. По предложению В. И. Ленина я должен был для газеты «Правда» написать статью, которая под видом «Письма из Риги» помещена в № 73 «Правда» от 4 (17) июня 1917 г. Там была отмечена и резолюция стрелков. Этой резолюции наш великий вождь Ленин дал высокую оценку». В «Письме из Риги», напечатанном в «Правде», П. Стучка подчеркнул, что резолюция стрелков созвучна с решением Апрельской конференции большевиков, что она направлена против Временного правительства и выдвигает требование перехода всей власти к Советам.

Большую роль в политическом воспитании стрелков сыграла фронтовая газета латышских стрелков «Бривайс стрелниекс»¹⁶ («Свободный стрелок»). После принятия 17 (30) мая стрелками большевистской резолюции редакция газеты перешла в руки большевиков. Под руководством новой редакции газета заняла почетное место среди большевистских органов печати. Она пользовалась широкой популярностью среди стрелков, а также среди гражданского населения Латвии. Газете латышских стрелков «Бривайс стрелниекс» вместе с «Окопной правдой» и центральным органом ЦК СДЛК газетой «Циня» пришлось выдержать ожесточенный бой со всей буржуазной печатью, набросившейся с яростными нападениями на латышских стрелков за принятие большевистской резолюции 17 (30) мая 1917 г.

Открытое заявление латышских стрелков о том, что они в революции стоят на стороне большевиков, вызвало бурю

возмущения в лагере буржуазии. Националистическая латышская буржуазия начала гнусную кампанию травли стрелков. Латышская буржуазия никак не могла простить стрелкам их «измену» и готова была просить Временное правительство послать против латышских стрелков карательную экспедицию. Латышские кулаки грозили задушить стрелков голодом. Кулацкая газета «Лидумс» («Новь») писала в эти дни: «Правительство вынуждено будет послать войска, чтобы усмирить латышей». Газета советовала военному интендантству прекратить снабжение латышских полков продовольствием. В другом номере та же газета писала: «Впредь не будем жертвовать большевистским полкам ни одного гроша до тех пор, пока они не откажутся от преступной резолюции, ведущей наш народ к разрухе и уничтожению».

Яростную кампанию вели против стрелков и латышские меньшевистские газеты — выходящая в Петрограде меньшевистская «Страдниеку авизе» («Рабочая газета») и рижская «Яунайс вардс» («Новое слово»). Широко распространялось грязное клеветническое измышление о «немецких деньгах», которыми якобы были подкуплены латышские стрелки — делегаты съезда.

Офицерство, военное чиновничество и соглашатели — меньшевики и эсеры в латышских стрелковых полках требовали переголосования резолюции. Это требование было поддержано командующим XII армией генералом Радко-Димитриевым. Переголосование резолюции было проведено во всех ротах и полках латышских стрелков, а также на общегарнизонном собрании в Риге. Но эта «проверка» не принесла ее инициаторам ничего, кроме позорного провала. Результаты голосования были ошеломляющими для военного начальства. На всех ротных и полковых собраниях большевистская резолюция была единодушно одобрена стрелками, которые, кроме того, выносили решения подвергнуть решительному бойкоту все буржуазные газеты за клевету на латышских стрелков. Так, например, на общем собрании стрелков рижского гарнизона, созванном 20 мая для «проверки» резолюции 17 (30) мая, стрелки отказались слушать офицера, пытавшегося призывать к продолжению войны, устроили восторженную овацию П. Стучке и полностью одобрили резолюцию. Общее полковое собрание стрелков 8-го Валмиерского полка 26 мая постановило выразить решительный протест против действий Искосола XII и заявило, что выразителями дум и убеждений стрелков являются газеты «Правда», «Окопная правда», «Циня» и «Бривайс стрелниекс». Собрание приветствовало тех офицеров, которые «готовы идти со стрелками рука об руку в бой за светлое будущее и за идеалы всего человечества».

Латышских стрелков в борьбе против гнусных клеветников и провокаторов поддерживали русские солдаты XII армии. В ответ на обвинение в том, что латышские стрелки якобы отказываются от защиты своих позиций, «Окопная правда» писала: «Мы не предлагаем втыкать в землю свои штыки, побросать оружие и разбежаться — как про нас и латышей лгут разные авантюристы, например Ромм на заседании Совета депутатов XII армии. Повторяем: оружие не бросать и стойко держаться спайки! Но против провокационных выступлений будем бороться всеми силами. И пока «наши союзники» придерживаются платформы, выработанной ими совместно со свергнутым царским правительством, мы заявляем: ни капли крови русского солдата ради чуждых ему интересов».

В конце мая во всех латышских стрелковых полках была проведена новая проверка резолюции 17 (30) мая. В последние дни мая 1917 г. состоялось новое заседание Объединенного Совета латышских стрелковых полков. На созыве заседания настояли командующий и командный состав XII армии и офицерство латышских стрелковых полков. Военное командование и Искосол вновь приложили все усилия, чтобы склонить делегатов латышских стрелковых полков отказаться от резолюции 17 (30) мая. Особое усердие при этом проявил комиссар XII армии меньшевик Дюбуа. Но и этот съезд делегатов латышских стрелковых полков огромным большинством 30 мая (12 июня) подтвердил резолюцию 17 (30) мая.

Большевистская Военная организация XII армии, куда входили и представители партийных организаций латышских стрелковых полков, провела огромную агитационно-пропагандистскую работу в русских полках, чтобы разъяснить солдатам-фронтовикам позицию латышских стрелков по важнейшим политическим вопросам и причины принятия латышами большевистской резолюции 17 (30) мая. Эта пропагандистская работа, несомненно, еще более укрепила взаимопонимание и дружбу между русскими и латышскими стрелками.

Орган Военной организации при ЦК РСДРП(б) газета «Солдатская правда», выходящая в Петрограде, отметив, что резолюция 17 (30) мая получила одобрение большинства латышских стрелков, писала: «Большевики XII армии организовали широкое обсуждение резолюции латышских стрелков среди русских солдат XII армии. Всюду на митингах и собраниях, где обсуждалась эта резолюция, она получила полную поддержку солдатских масс». Представитель XII армии на конференции военных организаций при ЦК РСДРП(б) говорил: «Резолюция латышских стрелков в русских частях XII армии пользуется большими симпатиями. На всех солдатских митингах, где ее предлагали, она прошла».

На Рижском фронте резолюцию латышских стрелков полностью поддерживали Новоладожский и Тираспольский полки. 9 июня 1917 г. 1-й батальон Тираспольского полка на солдатском митинге, созванном для обсуждения текущего момента, постановил: «Всецело присоединяемся к резолюции латышских стрелковых полков».

Делегации от латышских полков постоянно посещали русские полки и осведомляли их о своих решениях и политической оценке текущего момента. В свою очередь, русские солдаты бывали у своих латышских товарищей, обсуждали с ними положение в стране. Это содействовало укреплению дружбы между латышскими и русскими полками на Рижском плацдарме и создавало боевое содружество и общность их политических действий, срывая планы контрреволюционного генералитета.

В острой политической борьбе за резолюцию 17 (30) мая сильно возросли влияние и вес Социал-демократии Латышского края не только среди широких масс трудящихся Латвии, но и во всей XII армии, укрепились ее интернациональные связи, а также усилилось влияние большевистской Организации СДЛК латышских стрелковых полков. 4 июня 1917 г. в Риге собралась конференция большевистских организаций латышских стрелковых полков. По данным мандатной комиссии, в 8 латышских полках к этому времени уже имелось 1537 членов партии; кроме того, более 200 членов партии было в Латышском запасном полку. Конференция подчеркнула необходимость дальнейшего сплочения Военной организации большевиков XII армии, которая объединяла партийные коллективы в латышских, сибирских и других полках XII армии и имела свои организации в 17 полках армии, в том числе в 9 латышских и 8 русских. Вскоре большевистские военные организации были созданы еще в 6 русских полках, что еще более укрепило объединенную организацию большевиков XII армии.

Резолюция 17 (30) мая, с которой 48 тыс. вооруженных латышских стрелков выступили против буржуазного Временного правительства и встали в первые ряды борцов за власть Советов, сильно встревожила Временное правительство и русскую буржуазию. Контрреволюционная буржуазная печать Петрограда и Москвы резко выступала против латышских стрелков, призывая Временное правительство немедленно расформировать латышские полки. Газета «Армия и флот свободной России» — официальный орган военного министерства — считала такое расформирование необходимым мероприятием для «оздоровления» армии.

В июльские дни 1917 г. главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Клембовский в письме к комиссару

Северного фронта Станкевичу предложил осуществить следующие меры: закрыть газеты «Окопная правда» и «Циня», удалить из района армии всех известных большевистских агитаторов, распустить Исколастрел. В письме генерала особенно подчеркивалось, что «обособление двух латышских бригад не имеет основания», т. е. они подлежат расформированию.

С этой целью генерал Клембовский предложил отвести обе латышские стрелковые бригады в армейский тыл. Но латышские стрелки отказались уйти с фронта. Отказ латышей подчиниться приказу полностью поддержали сибирские стрелки. Командующий XII армией был вынужден признаться в своей бессилии. 6 июля генерал Радко-Димитриев телеграфировал командующему Северным фронтом: «Доношу, что предназначенная в ваш резерв с расположением в Вольмаре первая латышская бригада отказалась выполнить приказание следовать по назначению, мотивируя этот отказ опасением, что везут их туда для расформирования, так и тем, что для прочности защиты Риги от наступления противника присутствие их крайне необходимо здесь. Ввиду текущих событий назначить в Вольмар из состава армии какую-либо другую бригаду в данное время не нахожу возможным, а латышскую бригаду прошу оставить здесь». Дополнительно к этому в секретном письме Клембовскому Радко-Димитриев отмечал, что применение к латышам вооруженной силы затрудняется «возбужденным состоянием двух бригад дивизий второго Сибирского корпуса... возбуждением рижских рабочих латышской национальности в связи с петроградскими событиями и общим состоянием духа почти во всех частях армии».

В июне 1917 г. Временное правительство по требованию русской буржуазии и союзников предприняло попытку втянуть армию в наступление. Однако эта авантюра провалилась. Несмотря на применение командованием репрессивных мер, революционно настроенные солдаты, в том числе в XII армии, отказались идти в наступление. Некоторые подразделения были разоружены и расформированы. Спаянные боевой дружбой со своими русскими товарищами, отказывались выступать и латыши. 7-й Бауский полк, находясь на позициях у «Пулеметной горки»¹⁷ и получив 23 июня приказ перейти в наступление, отказался его выполнить. Отказались наступать также стрелки 2-го Рижского полка, занимавшие позиции у Олайне.

16 июля 1917 г. на совещании в ставке верховного главнокомандующего генерал Клембовский заявил: «XII армия должна была демонстративными действиями и огнем отвлечь внимание противника. Однако командующий армией (ген. Радко-Димитриев) донес, что открывать артиллерийский огонь он не решается, так как солдаты этого не допускают... Поло-

жение в V армии не блестящее, но все же в V армии лучше, чем в XII. Я (ген. Клембовский) предложил командующему XII армией применять для водворения порядка оружие, но у командующего не оказалось надежных частей. Я дал надежную 5-ю кавалерийскую дивизию, но командующий, боясь пустить в ход силу, остановил дивизию в 40—50 верстах от позиции. . . Следует отметить поведение латышей. В декабре прошлого года — это были герои; теперь же они — наиболее зараженный элемент. . . Наряду с армейским комитетом возник комитет латышских бригад, узаконенный генералом Радко-Димитриевым. Это — чисто большевистский комитет, поддерживающий два издания большевистского направления. . . Исколастрел не одобрил формирования батальона смерти как крепкой части, и комитет (Исколастрел) разнес этот батальон». По настоянию генерала Клембовского в июле генерал Радко-Димитриев был смещен с поста командующего XII армией и заменен генералом Парским.

После провала июньского наступления контрреволюционная буржуазия и военщина перешли в открытое наступление против рабочего класса, революционных солдат и матросов, против партии большевиков и ее вождей. По приказу Временного правительства 3—4 июля в Петрограде были расстреляны мирные демонстрации рабочих и солдат. В приказе Керенского июльское выступление рабочих и солдат приписывалось деятельности немецких шпионов и провокаторов. Контрреволюционеры всех мастей натравливали на большевиков малосознательные слои населения, обвиняя большевиков в провале наступления, объявляя их немецкими агентами. Временное правительство решило расформировать все воинские части, принимавшие участие в «вооруженном мятеже» 3—5 июля. Был издан приказ об аресте В. И. Ленина. Власть в стране целиком захватила контрреволюционная буржуазия.

Временное правительство самое пристальное внимание обращало на близлежащий к Петрограду Северный фронт и Рижский плацдарм, где большевистское влияние было особенно сильным. Прежде всего снова была предпринята попытка расформировать революционно настроенные воинские части, в том числе латышские стрелковые полки. Еще до июльских дней по распоряжению Временного правительства и приказу ставки верховного главнокомандующего штаб XII армии, опираясь на меньшевистско-эсеровский Искосол XII, стягивал в Ригу и ее окрестности для борьбы с революцией «батальоны смерти», казачьи и другие контрреволюционные воинские части. После июльского расстрела в Петрограде казачьи отряды и «батальоны смерти» начали провоцировать в Риге стычки с сибирскими и латышскими стрелками и производили налеты на революци-

онные рабочие и солдатские организации. В Риге создалась тревожная обстановка, «когда ружья сами стреляют». В ночь с 5 на 6 июля в Риге на Мариинской улице контрреволюционной военщиной было спровоцировано кровавое столкновение между «батальоном смерти» и стрелками 3-го Курземского латышского стрелкового полка. Оно окончилось поражением и бегством «смертников». Подобные же столкновения происходили и в других городах, например в Слоке. Встречая решительный отпор вооруженных стрелков, «ударники» и «смертники» повсюду вынуждены были отступить.

В эти дни газета «Циня» в статье от 6 июля «При помощи артиллерии расчищают дорогу» писала, что контрреволюция стремится преждевременно вызвать революционную демократию на бой.

Несмотря на наступление контрреволюции, соотношение классовых сил в районе XII армии складывалось явно не в ее пользу. Оценивая это соотношение сил, представитель латышских большевиков на VI съезде РСДРП(б) А. Дижбит¹⁸ заявил, что 48 тыс. штыков латышских стрелковых полков всецело идут за Социал-демократией Латышского края. «Теперь, — говорил А. Дижбит, — штаб сожалеет, что он допустил формирование национальных полков, но расформировать 8 латышских полков уже нельзя. Латышские стрелки заявили, что они этого не допустят. Сибирские полки заявили, что если будут расформировывать латышские полки, придется считаться и с ними. И наоборот. Единение между латышскими и сибирскими полками полное, и если штабу не удастся спровоцировать нас на выступление, то я надеюсь, что мы сумеем сделать XII армию «красной армией». В XII армии 23 полка, в том числе латышские стрелковые полки, были готовы в любую минуту с оружием в руках отразить наступление реакции.

В самый разгар июльского кризиса, против воли командующего XII армией, в Риге 9 (22) июля собрался под охраной латышских стрелков V съезд латышской социал-демократии. Представители Временного правительства и военного командования не в силах были воспрепятствовать созыву и работе съезда.

V съезд Социал-демократии Латвии рассмотрел важнейшие политические вопросы, в том числе вопрос о работе большевистских военных организаций. Съезд постановил, что все большевики, находящиеся в армии на территории Латвии, должны быть объединены в единую военную организацию при ЦК СДЛ, т. е. в организацию, общую для всех солдат-большевиков вне зависимости от их национальной принадлежности.

Рис. 6. Латышские стрелки на Рижском фронте летом 1917 г.

V съезд СДЛ имел большое значение в подготовке большевиков Латвии к VI съезду РСДРП(б), одной из территориальных организаций которой являлась СДЛ. В работе VI съезда большевистской партии, открывшегося в Петрограде 26 июля 1917 г., участвовала и группа делегатов от большевиков Латвии, среди которых были и представители латышских стрелков.

Исторический VI съезд РСДРП(б), констатировав, что мирный период революции кончился, нацелил партию и всех трудящихся на вооруженное восстание, на захват власти путем свержения Временного правительства.

Борьба между революцией и контрреволюцией по всей стране развернулась с новой силой. Контрреволюция продолжала наступать. 21 июля в Риге отряд казаков произвел налет на редакции газет «Окопная правда» и «Циня». По приказу Керенского газета «Окопная правда» была закрыта. Но уже через день она снова вышла под названием «Окопный набат».

Контрреволюционная военщина решила провести еще одну пробу сил и устроила в Риге в августе 1917 г., как раз накануне выборов в Рижскую городскую думу, новую провокацию. Днем 12 августа солдаты «батальона смерти» 38-й дивизии, заранее стянутого в Ригу по приказу командующего XII армией, напали в Московском предместье города на стрелков 2-го латышского полка, несшего в то время охрану города. «Смертники» обвиняли латышей в том, что они якобы сорвали предвыборный плакат какой-то монархической организации. Начавшееся вооруженное столкновение быстро перекинулось на другие районы города. На помощь контрреволюционерам были брошены вооруженные броневики. Эта провокация кем-то была

тщательно подготовлена. Разоблачая подлые цели реакции, ЦК и Рижский комитет СДЛ, а также объединенная Военная организация XII армии в воззвании к армии и населению города по поводу этой провокации писали: «В Риге, так же как в Питере (3—5 июля), оказались заранее подготовленные пулеметы на крышах и балконах; стреляли по толпе без всякого разбора одновременно на многих улицах: Московской, Двинской, Романовской, Гоголевской, Гертрудинской, Матвеевской, около Гризенберга * и пр. Все было рассчитано на то, чтобы вызвать русские и сибирские полки на бой с латышскими стрелками, а также еврейский погром. Люди, кричавшие о своем патриотизме, решились перед лицом врага, на самом фронте провоцировать братоубийственную бойню».

2-й латышский полк при поддержке революционных солдат гарнизона Риги подавил контрреволюционную вылазку «смертников». Выступление контрреволюции 12 августа на улицах Риги являлось одним из звеньев в общем плане наступления реакции на демократические свободы рабочих и солдат, в том числе против латышских стрелков. Об этом свидетельствует и телеграмма генерала Лукомского из ставки верховного главнокомандующего от 13 августа: «Согласно резолюции главкома, надлежит немедленно возбудить перед военмином ходатайство о закрытии газет «Вольный стрелок» и «Циня», комитеты распустить, латышскую бригаду отвести в тыл и привести в порядок. Агитаторов... немедленно арестовать».

Однако в районе XII армии контрреволюция была бессильна осуществить свои планы. Революционные организации здесь были очень сильны. Для достижения своих целей контрреволюционеры пошли на государственную измену. В. И. Ленин писал: «... Помещики и буржуазия, с партией к.-д. во главе, и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян»**.

Генералитет, замышляя сдачу Риги германским войскам, заранее снимал войска с важнейших оборонительных рубежей и оголял фронт. Еще 16 (29) июля 1917 г. на уже упоминав-

* Современные названия упомянутых улиц: Московская — ул. Маскавас, Двинская — ул. Даугавпилс, Романовская — ул. Лачплеша, Гертрудинская — ул. Карла Маркса, Матвеевская — ул. Революцияс, Гризенберг — парк 1905 года (Гризинькалн).

** В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 290.

шемся нами совещании в ставке командующий Северным фронтом генерал Клембовский сообщил, что в XII армии «развал» достиг крайней степени и генерал Радко-Димитриев, «сознавая неустойчивость армии», дважды просил разрешить очистить часть территории, занятой частями армии. «Я уже разрешил 15 июля очистить Икшкильское предместное укрепление, — сказал Клембовский. — Теперь он (ген. Радко-Димитриев) просит разрешить очистить часть полосы вдоль побережья. XII армия небоеспособна и не имеет никакой устойчивости. Если противник против нее перейдет в наступление, она сдаст позиции.»

Такое заявление являлось злостной клеветой на революционных солдат Рижского плацдарма. ЦК СДЛ, Исколастрел и другие революционные организации неоднократно заявляли, что революционные солдаты, в том числе латышские стрелки, грудью будут отстаивать от врага родную Ригу. Газета «Окопная правда» писала: «Ни шагу назад! Наш лозунг — полное и беспрекословное выполнение оборонительных приказов в грозный момент натиска противника, геройское отстаивание своих позиций, своих окопов». Но военщина не прекращала своей клеветнической кампании против революционных солдат. Генерал Корнилов, выступая на государственном совещании в Москве 13 августа 1917 г., вновь сознательно оклеветал русских солдат, заявив, что XII армия небоеспособна. Одновременно военщина готовила предательство. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что отвод по приказу генерала Клембовского с Икшкильского предместного укрепления русских войск означал подготовку к сдаче Риги немцам. И действительно, 19 августа (1 сентября), когда немцы начали наступление, они, открыв ураганный огонь, форсировали Даугаву как раз у Икшкиле.

После отвода по приказу генерала Клембовского русских войск с Икшкильского предместного укрепления немецкие войска заняли весь левый берег Даугавы. Этот район был богат лесами. Под их прикрытием была произведена перегруппировка германских войск. По данным, опубликованным немцами, в наступлении на Ригу участвовали три германских корпуса в составе 11 пехотных и 2 кавалерийских дивизий. В районе удара, на протяжении 10—12 километров напротив Икшкиле, немцы сконцентрировали большое количество артиллерии — 109 легких и 81 тяжелую батарею. Артиллерия эта была перебросена немцами с галицийского фронта.

Свое наступление немцы начали с обстрела русских позиций химическими снарядами. Чтобы форсировать реку, они навели три моста. 108-я дивизия XII армии, занимавшая окопы вдоль правого берега Даугавы, после слабых попыток воспре-

пятствовать переправе противника оставила свои позиции и, бросив пушки, отошла в тыл. Путь немцам через Даугаву был открыт. В течение двух последующих дней латышские стрелки на участке фронта между Икшкиле и рекой Малая Югла вели ожесточенные бои с германскими войсками. Весь состав Исколастрела постоянно находился вместе с войсками на поле боя. Стрелки решили не пропустить немцев к мосту через Юглу. Но соотношение сил было не в пользу русских войск.

Несмотря на огромный численный и технический перевес врага, четыре полка 2-й латышской бригады без артиллерии и резервов на линии Штали—Мелнмугуре—Скрипте—Вилишкали—Тинужи наносили чувствительные удары четырем пехотным дивизиям 51-го корпуса германских войск, которых поддерживала, кроме того, кавалерийская дивизия. Ожесточенные стычки часто доходили до рукопашных схваток. Исключительное мужество и героизм в боях против немцев у Малой Юглы проявили 5-й Земгальский и 7-й Бауский полки. И. Вацietис, командовавший тогда 5-м латышским полком, впоследствии

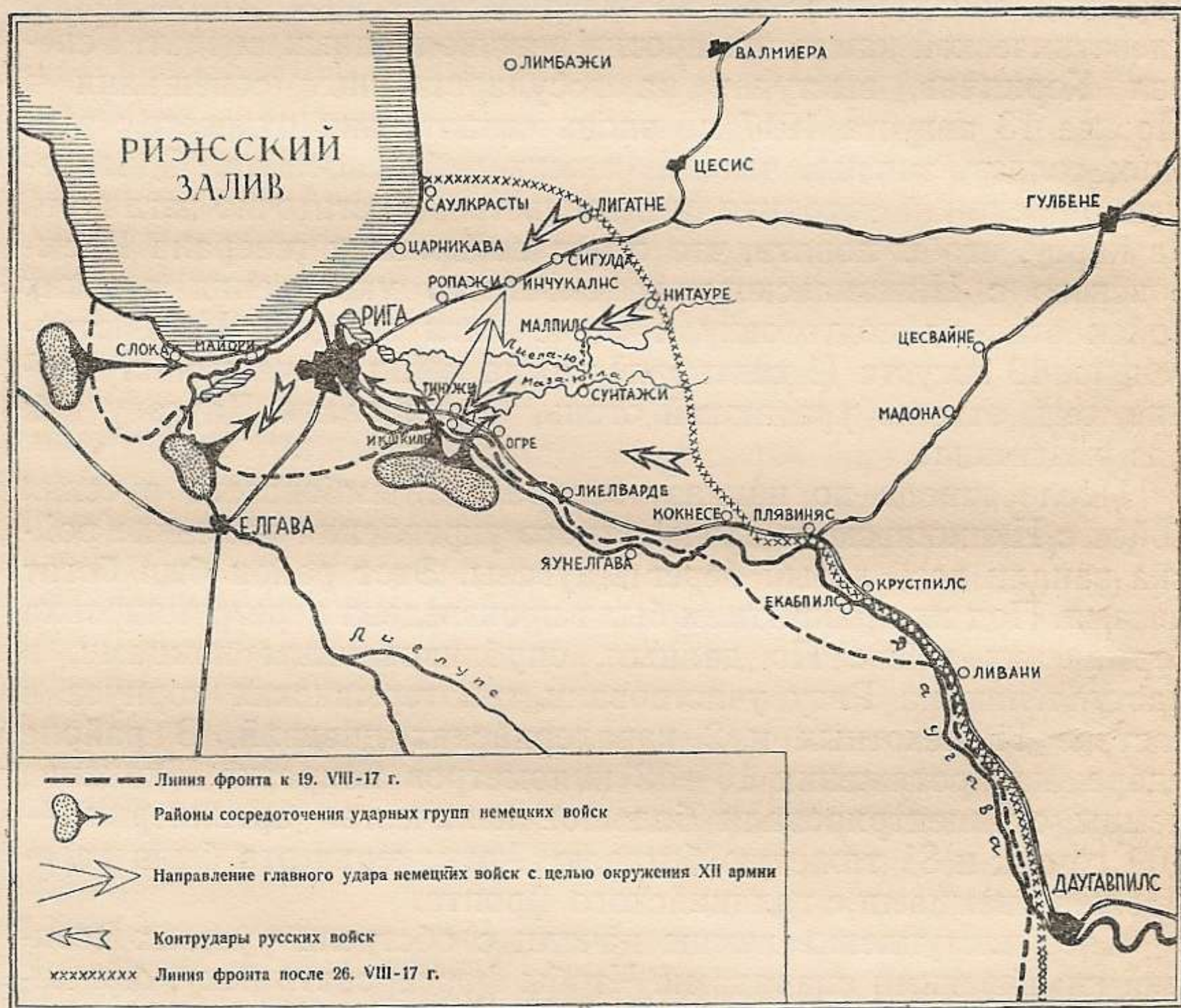

Схема Рижской операции, август 1917 г.

писал, что стрелки боролись, как львы, и нанесли противнику громадный урон. Но и 5-й Земгальский полк понес большие потери: из строя выбыло 80 процентов командного состава и 67 процентов стрелков.

«Перед окопами стрелков, — писал Р. Кисис¹⁹, — накапливались целые груды немецких трупов. К вечеру 20 августа, после того как много часов подряд немецкая артиллерия концентрированным ураганным огнем разрушала позиции стрелков и когда казалось, что ничего живого на этих позициях уже не осталось, немцы со всеми своими резервами бросились в атаку на всем фронте Малой Юглы. Но и после этого они не пробились вперед. Опять заговорили пулеметы стрелков. Многие немецкие колонны были скошены, прижаты к земле. Там, где немцам удавалось ворваться в окопы стрелков, происходили самые ожесточенные рукопашные бои. В ход пускались гранаты, штыки, камни, котелки, кулаки и зубы».

Среди тех, кто своей жизнью защищал родину от наступавшего врага, были и солдаты революционного 436-го Новоладожского полка, но нигде не было видно ни «батальонов смерти», ни «ударников», ни казаков, ни искосольских «патриотов» и штабных «героев». Все они давно «эвакуировались», т. е. бежали в Сигулду, а потом дальше — в Цесис (Венден), бросив армию на произвол судьбы.

Латышские стрелки, задерживавшие в течение двух дней наступление германских войск на речках Малая и Большая Югла и у озера Югла, дали возможность частям Рижского плацдарма со стороны Рижского взморья выйти из окружения. Доблестно сражаясь, защищая свою страну и свой любимый город Ригу, латышские стрелки вместе с тем преграждали немцам путь на Петроград.

В боях за Ригу революционные русские полки XII армии и латышские стрелки понесли огромные потери. По сведениям штаба XII армии, в августовских боях армия потеряла 25 734 бойца, из них 8806 убитыми и без вести пропавшими и 16 928 ранеными. Особенно пострадали латышские стрелковые полки. Их потери составили 25 процентов от общего числа потерь всей XII армии (41 процент убитых или пропавших без вести и 17 процентов раненых). Однако эти жертвы оказались бесцельными и напрасными, так как XII армия в целом уже имела приказ штаба верховного главнокомандующего отступить и занять новые оборонительные рубежи на линии Айнажи—Лигатне—Стукмани²⁰.

После падения Риги вся буржуазная печать вновь развернула бешеную кампанию лжи и клеветы против солдат и Советов, против латышских стрелков, обвиняя их в сдаче Риги,

связывая падение Риги с деятельностью большевистских организаций на фронте.

Но ни для кого не было тайной, кто был истинным виновником сдачи Риги.

«Перед лицом всей России заверяю, — телеграфировал комиссар XII армии Войтинский, — что ... войска честно выполняли все приказы командования, переходя местами в штыковую атаку и идя на верную смерть».

Газета «Правда» уже значительно позднее опубликовала телеграмму румынского посла Диаманди своему правительству о его беседе в августе 1917 г. с генералом Корниловым, в которой говорилось: «Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии. Генерал Корнилов рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении, в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии».

В преступной сдаче Риги был повинен не один генерал Корнилов. Эта сдача была задумана и осуществлена с ведома и согласия Временного правительства, Керенского и его ближайших помощников. Об этом неопровержимо свидетельствуют архивные материалы. 22 августа комиссар Северного фронта Станкевич телеграфировал Керенскому: «Передаю телеграмму Войтинского: «Нахожусь в районе Двинского прорыва. Положение грозное, но надеюсь, что цель, ради которой мы отдали Ригу, будет достигнута».

Рига была сдана, и подступы к Петрограду были открыты для германских войск. Контрреволюционная буржуазия, прикрываясь лицемерным негодованием и ведя разнузданную травлю большевиков и латышских стрелков, приветствовала сдачу Риги и готовилась сдать также революционный Петроград. На съезде «общественных деятелей» в Москве бывший председатель IV Государственной думы М. Родзянко с циничной откровенностью заявил: «Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На это я возражал, что был бы очень рад, если бы эти учреждения погибли, потому что, кроме зла, они ничего не приносят. После сдачи Риги там водворился такой порядок, какого никогда не видели: расстреляли десяток человек главарей, вернули городовых, и теперь город в полной безопасности».

Временное правительство, участвовавшее в преднамеренной сдаче Риги немцам, решило воспользоваться созданным положением для разгрома большевистских организаций в армии. Как раз после падения Риги Керенский приказом за № 1138 запретил издание латышских большевистских органов «Циня» и «Бривайс стрелниекс». Всем цензорам 25 августа 1917 г. была

дана телеграмма: «Военным министром воспрещен выход в свет газет «Свободный стрелок» и «Циня».

Контрреволюционные мероприятия Временного правительства вызвали всеобщее возмущение. Даже меньшевистский Искосол XII, который не мог полностью игнорировать настроение солдат XII армии, был вынужден выступить с протестом. В своей телеграмме Керенскому и Центральному Исполнительному Комитету Советов Искосол писал: «Героические латышские стрелки только что вышли из огня боев. Они понесли тяжелые потери и, как львы, боролись за свободу России и Латвии. Запрещение органа этих героев не может быть истолковано иначе, как акт притеснения свободы слова латышской демократии».

Латышские стрелки не стали ждать разрешения вопроса о своей газете Временным правительством и на другой же день выпустили свою большевистскую газету под новым названием «Латвю стрелниекс» («Латышский стрелок»).

Генерал Корнилов, сдав Ригу и Рижский уезд немцам, сразу же начал расчищать себе путь к установлению военной диктатуры. Однако революционный народ, по призыву партии большевиков, разгромил корниловский мятеж в течение нескольких дней.

Латышские стрелки, только что вышедшие из кровавых боев с немецкими захватчиками, также повернули свои штыки на борьбу с генеральской контрреволюцией. Латышский запасной стрелковый полк 29 августа 1917 г. послал телеграмму ВЦИК: «Распоряжайтесь нашими штыками против контрреволюции».

Полковой комитет 1-го Даугавгривского латышского полка 2 сентября 1917 г. принял резолюцию, в которой требовал «высшей меры наказания организаторам контрреволюционного заговора генералу Корнилову и его сообщникам; провести немедленную чистку командного состава, провести расследование сдачи Риги немцам и отдать виновных под суд; отменить немедленно запрещение газеты «Бривайс стрелниекс» («Вольный стрелок»); немедленно начать мирные переговоры». По отношению к командиру первой бригады полковнику Гопперу полковой комитет пришел к заключению, что он «является корниловцем и подлежит аресту».

3 сентября 1917 г. Исколастрел в своем обращении к ВЦИК заявил: «Для спасения страны и революции Центральный Исполнительный Комитет обязан немедленно взять власть в свои руки, причем он найдет полную поддержку всех латышских стрелковых полков».

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Разгром корниловщины показал, какую огромную революционную силу представляют собой пробудившиеся к активной политической жизни рабочие и солдатские массы. Эту мощную народную революционную силу на смертный бой со старым миром всколыхнула и подняла большевистская партия. Быстрый разгром корниловщины революционным народом, поднявшимся по призыву партии большевиков на борьбу против генералов, помещиков и капиталистов, показал всю обреченность буржуазной контрреволюции и великую притягательную силу идей большевизма и лозунга борьбы за Советскую власть. Назрел момент для того, чтобы путем вооруженного восстания свергнуть Временное правительство и пресечь возможности выступлений контрреволюционных генералов.

Революционный народ горячо приветствовал взятый партией большевиков курс на вооруженное восстание. Историческое решение Центрального Комитета партии большевиков от 10 октября 1917 г. начать немедленно активную подготовку к вооруженному восстанию полностью отвечало воле народа. Ленинская резолюция, принятая Центральным Комитетом, гласила: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)» *.

Приняв ответственное решение, партия провела тщательную и широкую подготовку к вооруженному восстанию путем организации масс. На местах были созваны партийные конференции и съезды Советов.

* В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 162.

Особо важное значение в смысле подготовки к вооруженному восстанию В. И. Ленин придавал съезду Советов Северной области, который собрался 11 октября в Петрограде в Смольном. В работе съезда участвовали также представители Советов Латвии и латышских стрелков. От их имени Карл Петерсон²¹ заверил съезд и партию в преданности латышских стрелков делу революции. Петроградские газеты тогда писали: «Трибуну съезда окружает острый частокол штыков; представители латышских стрелковых полков приветствуют съезд. «Латыши, — говорят они, — с первых дней революции выдвинули лозунг — «Вся власть Советам!», и теперь, когда революционный Петроград собирается проводить его в жизнь, латышские стрелки в количестве 40 тысяч штыков готовы оказать этому полную поддержку».

Для подготовки большевиков Латвии, стрелков и солдат XII армии к вооруженному восстанию большое значение имела XV чрезвычайная конференция СДЛ. Она собралась 16 октября в г. Валке в клубе «Лиесма» («Пламя») под охраной латышских стрелков. Делегаты представляли 2426 членов партии — большевиков неоккупированной Латвии. На ней широко были представлены также большевистские организации латышских стрелковых полков. Конференцию открыл и руководил ею член ЦК СДЛ Ян Круминь (Пилат)²². Конференция в своей резолюции указала, что, только свергнув бонапартистское правительство Керенского и создав подлинно революционное рабочее и крестьянское правительство, возможно осуществить передачу земли крестьянам, добиться мира и сокрушить власть капиталистов. «Готовясь к предстоящим боям, пролетариат Латвии должен теснейшим образом объединиться с рабочими революционного Петрограда и Москвы, ставя своей задачей всячески, всеми силами и средствами, поддерживать борьбу пролетариата России за государственную власть».

На конференцию большевиков Латвии с особым поручением от вождя революции В. И. Ленина прибыл специальный уполномоченный ЦК партии большевиков В. Антонов-Овсеенко²³. О своей поездке из Петрограда в Валку В. Антонов-Овсеенко рассказывает, что эту поездку он предпринял по личному распоряжению В. И. Ленина для того, чтобы выяснить, чем Северный фронт в дни восстания может помочь питерскому пролетариату. О самой конференции В. Антонов-Овсеенко вспоминает: «Короткие высказывания. Бодрая боевая резолюция. . . . В перерыве — деловая беседа с руководящим ядром. Добиваются уточнений. Молча, с большим вниманием слушают об указаниях Ильича. Деловито перебирают часть за частью. Что можно сделать? Общий вывод: мы здесь чувствуем себя на охране Питера. Немцев числим пособниками контрреволю-

ции, главной ее силой. Латышские полки можно бы легко двинуть в помощь питерским рабочим. Но они спаялись в боях с сибирскими корпусами. Уйдут латыши — уйдут (не удержишь!) следом сибиряки. Фронт будет оголен... Нужна осторожность. Под сильным напором обещают, однако, подготовить (через неделю) пару латышских полков для Питера... Понемногу выведем 1-й и 3-й полки на Венден, 6-й и 7-й — на Валк. Ближе к цели будет. Уточняем даты этих передвижений. Отъезжаю довольный. Исполнение начато немедленно».

По директиве Центрального Комитета партии и В. И. Ленина большевики Латвии и руководимые ими латышские стрелки и революционные полки XII армии должны были занять железнодорожные станции и любыми средствами воспрепятствовать отправке с фронта XII армии в сторону Петрограда контрреволюционных частей по приказам штабов или по вызову Временного правительства.

Делегаты конференции немедленно после ее закрытия разъехались по всему фронту и на места, чтобы организовать боевую подготовку к вооруженному восстанию.

В ночь с 18 на 19 октября по директиве ЦК большевистской партии в Валмиере подпольно был создан Военно-революционный комитет района XII армии (Главкорев XII) под руководством ЦК СДЛ. Председателем его был избран Ян Чаринь²⁴ — член Исколастрела. В комитет вошли представители всех революционных организаций района XII армии: ЦК СДЛ, Военной организации СДЛ XII армии, левого блока XII армии²⁵, Совета рабочих депутатов XII армии (Искорад XII²⁶), Исколата²⁷, Исколастрела и др.

В революционных сибирских и во всех латышских полках были созданы полковые военно-революционные комитеты, которые вместе с партийной организацией должны были держать свой полк в боевой готовности, чтобы по первому зову партии выступить на помощь восставшим петроградским рабочим и солдатам.

20 октября в г. Цесисе был созван Малый Совет латышских стрелковых полков, который по докладу С. Нахимсона²⁸ о подготовке к вооруженному восстанию определил задачи латышских стрелков в момент вооруженного восстания петроградских рабочих и солдат. В своем решении Малый Совет заявил, что латышские стрелки отказываются от какой бы то ни было поддержки правительства Керенского—Кишкина, требуют немедленного созыва съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и передачи всей государственной власти в руки Советов. Малый Совет заверил, что латышские стрелки всеми средствами будут поддерживать борьбу съезда Советов за власть.

Своими делегатами на II Всероссийский съезд Советов латышские стрелки избрали большевиков К. Петерсона, Р. Кисиса и П. Старке.

21 октября большевистская газета «Латышский стрелок» в передовой статье «Накануне» писала: «Мы стоим на пороге чрезвычайных событий и важных перемен... Мы должны собрать все силы, чтобы взять власть в руки Советов. Это завоевание и сохранение власти не произойдут без борьбы, они потребуют огромных сил, но это наш единственный выход, иного пути нет». Революционный народ готовился к решающей битве, чтобы взять в свои руки государственную власть. Развязка приближалась...

Мобилизовала все свои силы и реакция. Не дремали также контрреволюционные силы XII армии. К Валке, где находился штаб XII армии, были заблаговременно стянуты части 17-й кавалерийской дивизии, 4 «батальона смерти» с 4 бронемашинами и другие «надежные» части. Еще 18 октября начальник валкского гарнизона отдал приказ кавалеристам держать лошадей под седлом и быть в боевой готовности. Кавалеристы задавали вопрос: «Против кого?» Фронт и внешний враг были от Валки далеко, оставался «внутренний враг» — революционные солдаты и рабочие. Против них штаб XII армии и Искосол и готовили свои вооруженные силы.

Настали всемирно-исторические дни. Началась Великая Октябрьская социалистическая революция. 24 октября революционный народ в Петрограде овладел правительственными учреждениями, захватил вокзалы, почту и телеграф. 25 октября в Смольном собрался II Всероссийский съезд Советов. Ночью был взят Зимний дворец и арестовано Временное правительство. II съездом Советов были приняты ленинские декреты о мире и земле и создано Советское правительство во главе с В. И. Лениным. В пламени Октябрьской социалистической революции родилось первое в мире рабоче-крестьянское государство.

В дни восстания Северный фронт и его важнейшая боевая единица — XII армия — в силу своей близости к революционному Петрограду играли большую роль в революционных событиях. На самом съезде Советов разгорелась ожесточенная борьба между делегацией Искосола и представителями латышских полков. Председатель Искосола XII Кучин и его заместитель Хараш, выступая на съезде якобы от имени всей фронтовой группы съезда, заявили, что они против вооруженного восстания и поэтому уходят со съезда, при помощи которого большевики хотят захватить власть. В ответ на призыв Кучина покинуть съезд солдаты — делегаты съезда вскочили со своих мест и закричали: «От чьего имени вы говорите? Кого вы

представляете? Кто вас избрал? Вы представляете не солдат, а офицеров». Достойный ответ меньшевикам, поборникам контрреволюции, дал представитель латышских стрелков К. Петерсон, который, поднявшись на трибуну съезда, сказал: «Вы выслушали заявление двух представителей армейских комитетов. Эти заявления имели бы какую-нибудь ценность, если бы их авторы являлись действительными представителями армии. Они не представляют солдат. XII армия давно настаивала на переизбрании Совета и Искосола, но наш комитет отказался созывать представителей солдатских масс и поэтому эти реакционеры смогли послать на съезд своих лжеделегатов. Я вам говорю — латышские стрелки уже неоднократно заявляли: «Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки». Пусть эти самозванные делегаты уходят. Армия не с ними».

Меньшевики и эсеры, а вместе с ними и искосольцы Кучин и Хараши ушли со съезда. Они организовали контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции». Они ушли к Керенскому, который, опираясь на третий кавалерийский корпус под командой генерала Краснова, готовился вооруженной рукой разгромить красный Петроград. Председатель Искосола XII Кучин, находясь у Керенского, уверял его без всякого на то основания в полной преданности XII армии Временному правительству и ее готовности активно выступить против революционного Петрограда. Голословные заявления искосольцев окрылили контрреволюционную военщину.

Резкая борьба между силами революции и контрреволюции развернулась и в самой XII армии. Искосол принимал все меры, чтобы отрезать армию от революционного Петрограда. Пользуясь телеграфом, находившимся в его распоряжении, Искосол снабжал корпуса и дивизии лживыми сообщениями о вымышленных победах Временного правительства и даже... разгроме большевиков в Петрограде и под Петроградом. При помощи «смертников» Искосол установил в Валке строжайшую цензуру на почте и телеграфе. Ни одна телеграмма революционным организациям и частным лицам из Петрограда не доставлялась адресатам. Телеграммы Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов задерживались. Но мероприятия Искосола не могли иметь успеха. Из Петрограда приезжали на фронт посланцы восставшего народа. Телеграммы Военно-революционного комитета Петроградского Совета окольными путями доходили до частей армии и становились широко известными.

26 октября (8 ноября) в Цесисе (Вендене) вышел из подполья Военно-революционный комитет района XII армии. Он обратился к армии и населению с манифестом, в котором со-

общал о начавшемся в Петрограде восстании рабочих и солдат и призывал солдат XII армии поддержать революционную борьбу петроградского пролетариата за переход всей власти в руки народа. ВРК призывал солдат не выполнять без его санкции приказов штаба армии и Искосола и не допускать отправки с фронта контрреволюционных частей для поддержки Временного правительства и подавления революции. «Ни один солдат XII армии не должен быть послан в Петроград для позорного «усмирения народа» . . . Среди войсковых частей XII армии не должно быть ни одной, которая взяла бы на себя роль палача революции и выполняла приказы эксплуататоров-контрреволюционеров, — говорилось в манифесте. — Запомните, что на карту теперь поставлена будущая судьба рабочих, крестьян и солдат. Сплотитесь вокруг Военно-революционного комитета XII армии».

Выйдя из подполья, Военно-революционный комитет района XII армии, опираясь на революционные полки, во фронтовой полосе (включая города Цесис и Валмиера) взял власть целиком в свои руки. 26 октября он отдал приказ 1-му и 3-му полкам латышских стрелков после замены их на фронте другими воинскими частями двинуться к Цесису и занять там вокзал и железнодорожную станцию, а 6-му и 7-му полкам — занять Валмиеру. Часть командного состава этих полков, пытавшаяся воспрепятствовать исполнению приказа, была арестована.

Весть о начавшемся в Петрограде вооруженном восстании была воспринята стрелками с большим воодушевлением. Приказ выступить в Цесис, рассказывает К. Поэма²⁹ относительно 3-го Курземского полка, был получен ночью, когда стрелки спали. Но немедленно все поднялись на ноги и ночью же двинулись в сторону Цесиса. Шли туда они, «как на крыльях летели». В город стрелки вошли, не встретив сопротивления со стороны стоявших там войск. Население же горячо приветствовало стрелков.

Свои приказы о перемещении латышских стрелковых полков Главкорев XII отдавал с учетом фронтовой обстановки и возможности германского наступления. Я. Фабрициус³⁰, служивший тогда в 1-м Даугавгривском латышском полку, писал: «В первую очередь нужно было подумать о том, чтобы, сменившись с позиций, не обнажить фронта и этим не открыть путь немцам. Мы обратились к товарищам из 78-го, 79-го и других сибирских полков, заранее подробнейшим образом информированным о положении на фронте и важности момента, с просьбой сменить нас и обещать в случае германского наступления скорее сложить головы, чем отступить и сдать позиции. Сибирские стрелки поклялись в этом и взяли с нас

слово, что мы (латыши) сделаем все, чтобы свергнуть власть Керенского и компании».

Главкорев XII послал своего представителя в Псков, чтобы совместно с Военно-революционным комитетом Северного фронта и Искоборсевом³¹ установить контроль над железной дорогой до Петрограда. В Юрьеве (Тарту) победа революции считалась обеспеченной, так как там находился Латышский запасной полк.

ВРК приказал латышским стрелковым полкам, каждому в своем районе, занять железнодорожные станции и установить над ними контроль. Все эшелоны с солдатами, направлявшиеся по приказам штаба XII армии в сторону Петрограда, в Цесисе и Валмиере были остановлены латышскими стрелками и разгружены.

«7-й Бауский латышский полк, — писал К. Жубит, — получил от Исколастрела приказ направиться в Валмиеру. Неподалеку от города полковой комитет созвал митинг, на котором доложил стрелкам, что полку приказано занять город и станцию Валмиера, чтобы таким образом воспрепятствовать продвижению казаков и батальонов смерти в сторону Петрограда. Офицеры, отказавшиеся идти вместе с полком, были арестованы. Валмиеру мы заняли без боя. Казаки и смертники находились в бараках у станции, а также в близлежащих баронских имениях. Станция железной дороги также была занята без боя. Над продвижением всех поездов и войсковых эшелонов латышскими стрелками был установлен строжайший контроль. Боеприпасы, подлежащие по приказам штаба отправке в Петроград, — разгружались. Прибывавшие с фронта на станцию казачьи части без особого сопротивления подчинялись приказу ВРК и выгружались. Прибывший на станцию батальон смерти, выгруженный стрелками из поезда, снялся и пешим порядком отправился по шоссе в Валк. Вслед за ним отправился 6-й Тукумский полк».

Насколько важны и целесообразны были революционные меры, принятые Главкоревом XII по установлению при помощи латышских полков строгого контроля над железными дорогами в районе XII армии, видно из переговоров, которые в те дни велись по прямому проводу между командованием XII армии, штабом Северного фронта и Петроградом. Еще 25 октября, когда решалась судьба Временного правительства, заместитель комиссара Северного фронта ренегат Войтинский сообщал штабу Петроградского военного округа, что на фронте наиболее решительную позицию в смысле поддержки Временного правительства занял Искосол XII, который «по собственной инициативе организует весьма значительный отряд» для отправки в Петроград. Но вместе с тем Войтинский предупре-

ждал Временное правительство, что «если в Петрограде вы политически изолированы, то никакими усилиями не удастся создать вам поддержку на фронте».

На основании обещаний и заверений Искосола 26 октября генерал Духонин из ставки отдал приказ за № 7948 командующему XII армией генералу Юзефовичу о выделении из XII армии пехотного отряда, преимущественно из ударных батальонов, с артиллерией и о направлении его в Петроград, вслед за третьим корпусом генерала Краснова, для совместных действий против революционной столицы. В свою очередь, Керенский из Гатчины 27 октября требовал отправки из XII армии 5-го броневого дивизиона. Искосол XII заверил Керенского, что «настроение в этом дивизионе прекрасное» и что Искосол его «немедленно отправит» в Гатчину. Тогда же последовал приказ штабу XII армии отправить из армии экстренным поездом «надежную часть» в Псков. Дополнительно к этому XII армия получила приказ об отправке 5-й кавалерийской и 45-й пехотной дивизий и о подготовке к отправке в Петроград 49-го корпуса, находившегося в армейском резерве. Так генералитет, в значительной степени силами XII армии, предполагал подавить революционное движение питерского пролетариата.

Но контрреволюционным генералам не удалось осуществить свои планы. Армия не подчинялась больше царским генералам, и XII армия не дала Керенскому ни одного солдата. 27 октября командующий XII армией генерал Юзефович докладывал командующему Северным фронтом генералу Черемисову, что в XII армии в Цесисе «образовался самозванный Военно-революционный комитет, возглавляемый Исколастрелом, который и вызвал первый и третий латышские полки, ушедшие самовольно по этому вызову из своего района», а 1 ноября, считая, что положение еще более обострилось, доносил: «В латышских бригадах положение чрезвычайно острое. Как я докладывал, первый и третий полки пришли самовольно в Венден, где остаются до сих пор, шестой и седьмой латышские полки перешли самовольно в Вольмар, а оттуда собираются идти в Валк. Начальник второй латышской бригады был арестован, но успел пробраться в Валк. Арестованы почти все офицеры; полками командуют большей частью какие-то прапорщики... Военно-революционный комитет, составленный почти исключительно из латышских организаций, объявил по полкам, что вся власть перешла в руки Комитета, что ему подчинились начальники, и тому подобное...»

Захват власти Военно-революционным комитетом XII армии облегчался тем, что в тылу армии в Юрьеве и его окрестностях находился преданный делу революции Латышский запасной стрелковый полк, который занял железнодорожную станцию в

Юрьеве, минировал полотно дороги и не пропускал ни одной воинской части в Петроград. Этим латышские стрелки в дни Великого Октября выполнили одно из главных обязательств, взятых ими перед партией и революционным пролетариатом Петрограда, — не пропускать из XII армии ни одной воинской части на усмирение Петрограда.

Не только латышские полки, но и русские части выходили из подчинения контрреволюционного военного командования. Вслед за Новоладожским и сибирскими полками все большее число армейских частей становилось на позиции признания Советской власти.

27 октября генерал-квартирмейстер Северного фронта доносил в ставку главнокомандующего, что объединенное «заседание полкового и ротных комитетов 141-го полка вынесло резолюцию с требованием перехода всей власти к Советам, единственно могущим дать мир». 28 октября генерал Юзефович докладывал, что в Особой дивизии настроение большевистское, в 36-й дивизии — напряженное, а 5-й уланский полк совершенно ненадежен. 29 октября 36-я артиллерийская бригада на экстренном собрании заявила о своей готовности полностью поддержать большевистские Советы. XII армия стала революционной армией, и командному составу стало ясно, что Искосол не отражает настроения солдатской массы. Даже генерал Черемисов — командующий Северным фронтом — вынужден был признать, что «настроение Искосола не соответствует настроению масс».

Большевистская военная организация XII армии, в которую входили и латышские полки, давно вела упорную борьбу за изгнание меньшевиков и эсеров из Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов XII армии и за большевизацию его.

28—31 октября в Цесисе проходил армейский съезд XII армии для перевыборов Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов XII армии. В его работе принимали участие 500 делегатов. На съезде развернулась ожесточенная политическая борьба между двумя блоками, правым и левым, — между приверженцами свергнутого Временного правительства и сторонниками новой, Советской власти. В этой борьбе значительную роль играли делегаты латышских стрелков, выступавшие как единая, крепко спаянная большевистская группа. Армейский съезд раскололся на две почти равные части, и исход голосования решался 2—5 колебавшимися делегатами съезда. По ряду вопросов правый блок получил незначительное большинство, но по основному вопросу — об отношении к Октябрьской революции — армейский съезд принял резолюцию, предложенную левым блоком. При выборах нового Искосола,

по соображениям военного порядка (чтобы не дезорганизовать и не раскалывать армию, стоявшую на ответственном участке фронта), было достигнуто формальное соглашение о создании нового Исполнительного комитета Советов армии на паритетных началах, по 22 человека от правого и левого блоков. Паритетный Искосол был временным органом. Съезд постановил, что через две недели должен быть созван чрезвычайный армейский съезд для выборов постоянного Исполнительного комитета Советов армии (Искосола).

В течение последующих двух недель, до нового съезда, в XII армии фактически существовали два Исполнительных комитета. Большевистская часть Искосола осталась в Цесисе и вместе с Военно-революционным комитетом района XII армии продолжала сплачивать силы революции и оказывать всемерную поддержку революционному Петрограду, а также организовывать и укреплять военную и гражданскую власть на местах; меньшевистская же часть Искосола переехала в Валку и там вместе со штабом XII армии превращала Валку в цитадель контрреволюции. Однако позиции меньшевистской части Искосола были значительно ослаблены тем, что главные заправилы контрреволюционных сил в XII армии — Кучин, Хараш, Тумаркин, Белоус и др., руководившие Искосолом XII со дня его образования, — были лишены своих мандатов и не входили более в состав Искосола. Паритетный Искосол, как временный и неоднородный по своему составу орган, не пользовался авторитетом и не мог быть органом власти, а Военно-революционный комитет не выпускал власти из своих рук.

Перебравшись в Валку, меньшевистская часть Искосола, как уже указывалось, при поддержке штаба XII стягивала вокруг Валки крупные контрреволюционные силы. 28 октября генерал Юзефович докладывал генералу Черемисову, что он «счел необходимым, ввиду серьезности обстановки, придвинуть к Валку 20-й драгунский полк и, кроме того, отдал распоряжение о приближении к району Валка остальных полков 17-й кавалерийской дивизии». Меньшевистская часть Искосола 29 октября послала телеграмму в штаб 17-й кавалерийской дивизии и в дивизионный комитет: «Ввиду необходимости усиления охраны города и железнодорожного узла подтверждаем необходимость направить в Валк 17-ю кавалерийскую дивизию».

Штаб XII армии шел на развязывание междоусобной войны. Генерал Юзефович докладывал генералу Черемисову, что им приняты все меры, чтобы не допустить латышей быть хозяевами положения в Валмиере и не пустить их в Валку. «Надо быть готовым, — докладывал Юзефович, — ликвидировать дело вооруженной силой. Нельзя допустить, чтобы латыши захва-

тили Валк». Был отдан приказ командующему 43-м корпусом вооруженной силой выбить латышских стрелков из Валмиеры. Но командующий корпусом не имел сил для выполнения этого приказа.

Перед Военно-революционным комитетом района XII армии встала важная и неотложная задача ликвидировать в Валке центр вооруженной контрреволюции, который в силу своей близости к Петрограду угрожал всему делу революции. 3 ноября ВРК отдал приказ 6-му латышскому стрелковому полку из Валмиеры и революционному 436-му Новоладожскому полку с фронта в боевом порядке двинуться к Валке. Боевыми операциями против контрреволюционного штаба со стороны Военно-революционного комитета руководил командир 5-го латышского полка полковник И. Вацетис. Офицеры 6-го полка, отказавшиеся идти вместе с полком на Валку, были арестованы. Во главе полка стали комиссар полка большевик прапорщик Рудольф Кирхенштейн, председатель полкового комитета Лаубе и руководитель большевистской организации полка Шнука, а остальной командный состав был заменен выборными командирами из стрелков.

После длительного перехода из Айнажи 6-й полк два дня отдыхал в Валмиере, а затем пешим порядком двинулся на Валку. На флангах его находились 436-й Новоладожский полк и один батальон 7-го латышского полка. Штаб XII армии вместе с валкской группой Искосола готовился к бою. 4 ноября командующий армией генерал Юзефович обратился с просьбой к Черемисову срочно перебросить к Валке «одну надежную бригаду 49-го корпуса», чтобы удержать город в руках контрреволюционного штаба, но генерал Черемисов был бессилен: «Чем же я могу помочь? Если у тебя нет надежных войск, на которые ты мог бы опереться, то у меня тем более таких войск нет».

В самой Валке, в ожидании прихода революционных войск, солдатами-большевиками тайком были выведены из гаража и свалены в канаву 2 бронемашины из 4 имевшихся в распоряжении штаба. Сознавая безнадежность своего положения, ударники и «смертники» удирали из города.

7 ноября утром 6-й полк во главе с выборным командным составом, с развернутыми красными знаменами, под звуки «Интернационала» вступил в Валку и, не встретив сопротивления, занял вокзал и железнодорожный узел. Центр контрреволюции в районе XII армии и в Латвии перестал существовать.

О взятии Валки 6-м латышским полком сообщалось и в телеграмме генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта Барановского верховному главнокомандующему: «... обе латышские бригады, арестовав почти всех офицеров и признав власть

Военно-революционного комитета, окончательно вышли из подчинения командному составу, причем 6-й Туккумский полк самовольно пришел сегодня в Валк; 1-й и 2-й латышские полки ушли из корпусного резерва и расположились в Вендене и его районе, а 7-й латышский полк занял город Вольмар. Кроме того, один батальон 436-го Новоладожского полка самовольно пришел и расположился в районе Валка. . . Лозунги большевиков имеют в армии несомненный успех в массах. . . Странное впечатление произвел 6-й латышский стрелковый полк, который сегодня с музыкой, самовольно, но в полном порядке, вошел в город Валк, имея в своих рядах трех-четыре офицеров. Все остальные или арестованы, или скрылись».

Какие-либо действия штаба XII армии против 6-го полка латышских стрелков были обречены на провал и парализованы еще и тем, что в его тылу на севере, в Эстонии (в Тарту), стоял 5-тысячный Латышский резервный полк, который помог эстонским товарищам взять власть в свои руки и имел возможность с тыла ударить по контрреволюционным частям у Валки, если бы штабу XII армии удалось довести дело до кровавой развязки.

Взятие Валки и размещение там 6-го Тукумского латышского полка обеспечили власть Военно-революционного комитета во всем районе XII армии, тем более что вся гражданская власть в неоккупированной части Латвии была взята в руки Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии — Исколата, председателем которого был избран Ф. Розинь-Азис, ветеран пролетарского революционного движения в Латвии.

К этому времени перестал существовать и паритетный Искосол. 14 ноября в Цесисе, согласно решению предыдущего съезда, собрался чрезвычайный съезд XII армии. За время предвыборной кампании большевики в армии провели большую разъяснительную работу о характере рабоче-крестьянской власти в центре и на местах. В корпусах, дивизиях, полках и ротах солдатами страстно обсуждались вопросы об организации власти, о мире и войне. Солдаты горячо приветствовали решительную политику Советской власти по земельному вопросу. В результате широкой разъяснительной работы большая часть корпусных, дивизионных и полковых комитетов XII армии стала на большевистские позиции. Командир 49-го корпуса, на который контрреволюция возлагала большие надежды, 13 ноября доносил в штаб XII армии: «. . . теперь в большинстве частей корпуса власть признается Советская».

Большевики на чрезвычайном съезде армии имели подавляющий перевес. Председателем чрезвычайного съезда был избран комиссар латышских стрелковых полков большевик

С. Нахимсон. По его докладу «Об организации власти» съезд принял 396 голосами против 123, при 26 воздержавшихся, большевистскую резолюцию. «Чрезвычайный армейский съезд XII армии, — писали делегаты съезда, — приветствует Совет Народных Комиссаров, рабочее и крестьянское правительство, призванное волею большинства трудящихся масс встать во главе борьбы за защиту кровных интересов и насущных нужд пролетариата и крестьянства. Неописуемый восторг овладел нами, когда, наконец, долгожданный переход власти в руки Советов совершился. . . Нет сомнения, что борьба за мир, землю и хлеб в надежных руках. . . Да здравствует власть Советов!»

В Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов XII армии вошло 45 представителей от левого и 15 — от правого блока. Председателем был избран С. Нахимсон. В декабре ВРК района XII армии прекратил свою деятельность, передав все функции военной власти новому большевистскому Иско-солу XII, а функции гражданской власти — Исполнительному комитету Советов рабочих, стрелковых и безземельных депутатов Латвии — Исколату. Население и армия горячо поддерживали новую, Советскую власть.

Об этом свидетельствовали и выборы в Учредительное собрание. Большевистская Военная организация XII армии на этих выборах выступила со своим списком под № 5, первым кандидатом которого был Владимир Ильич Ленин. За этот список солдатами XII армии было подано 54 процента всех голосов, причем в латышских полках этот список собрал более 90 процентов всех голосов. Выборы в Учредительное собрание показали обреченность контрреволюции в районе XII армии.

Надежной опорой Советской власти в районе XII армии являлись революционные сибирские и латышские стрелковые полки. Вопрос о власти в неоккупированной Латвии был решен в пользу трудящихся масс. Новая власть встретила горячую поддержку всех рабочих и безземельных Латвии, но особенно горячее признание она получила со стороны латышских стрелков. 14 ноября 6-й Тукумский латышский стрелковый полк на митинге в Валке постановил: «В героической борьбе за государственную власть победил самоотверженный Петроград, и вся власть перешла к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как в центре, так и на местах. Мы, стрелки 6-го Тукумского революционного стрелкового полка, с самого начала революции всеми силами боролись за данный лозунг и сегодня обязуемся всеми силами как морально, так и с оружием в руках быть опорой новой революционной народной власти как в центре, так и на местах. Против любых проявлений контрреволюции, откуда бы они ни грозили, мы решительно без промедления вступим в бой всей силой нашего оружия. Та-

Рис. 7. Стрелки 6-го латышского полка в Петрограде.

кова платформа 6-го Тукумского латышского полка». На такой же позиции стояли все латышские полки.

Основной натиск контрреволюционных сил был тогда направлен на Петроград. Все помыслы буржуазных и соглашательских партий были устремлены к тому, чтобы свергнуть Советскую власть в самом Петрограде. Контрреволюционные заговоры и выступления разных банд в Петрограде вызывали необходимость усиления гарнизона города воинскими частями, преданными Советской власти и стойкими в борьбе с врагами социалистической революции.

Центральному Комитету партии большевиков и вождю партии В. И. Ленину была хорошо известна преданность латышских стрелков интернациональному делу рабочего класса. Когда начался общий развал фронта, латышские стрелки сохранили воинскую дисциплину. Владимир Ильич, учитывая интересы революции, отдал распоряжение о вызове в Петроград, наряду с кронштадтскими матросами, также двух полков латышских стрелков. Об этом говорит В. Антонов-Овсеенко, об этом же более подробно в своих воспоминаниях рассказывает член ЦК СДЛ Карл Гайлис, которому Владимир Ильич Ленин в конце октября лично дал указание поехать из Питера к латышам и организовать отправку в Петроград двух латышских полков.

Исполнительный комитет Объединенного Совета латышских стрелковых полков — Исколастрел в октябре не имел возможности сразу же послать в Питер два полка и в качестве первой, самой срочной меры отправил в Петроград специальный свод-

ный батальон латышских стрелков. Этот батальон для охраны ВЦИК и Совнаркома в Смольном, где тогда находились все центральные руководящие органы партии и Советской власти и где жил и работал великий Ленин, численностью в 250—300 человек был укомплектован по приказу главковерха Н. В. Крыленко³² выборными стрелками, по 40—50 человек от каждого полка, и состоял почти исключительно из коммунистов. Латышские стрелки-коммунисты в Смольном несли почетную службу и по охране кабинета вождя революции. Насколько важно было в тогдашних условиях иметь надежную пролетарскую воинскую часть для охраны Смольного, отмечает в своих воспоминаниях бывший комендант Смольного, а затем и Кремля П. Мальков³³: «Среди войск петроградского гарнизона найти часть, где преобладал бы пролетарский состав, вряд ли было возможно. . . И все же нужные воинские части нашлись. Это были регулярные стрелковые полки, в основной своей массе состоявшие из рабочих, насквозь пронизанные пролетарским духом, почти целиком большевистские, беззаветно преданные революции. Это были полки латышских стрелков, славная гвардия пролетарской революции. . . Это они, мужественные латышские стрелки, вслед за героическими красногвардейцами Питера и доблестными моряками Балтики, выполняли в суровую зиму 1917—1918 года, вечно впроголодь, самые сложные боевые задания сначала Военно-революционного комитета, затем ВЧК, Совнаркома и ВЦИК. Это они, красногвардейцы, матросы и латышские стрелки, бдительно несли охрану цитадели революции — Смольного, охрану первого в мире Советского правительства, охрану Ленина».

После взятия Валки и замены там Тукумского полка 2-м Рижским полком создалась возможность отправить 25 ноября 6-й Тукумский полк в Петроград для усиления столичного гарнизона стойкой и проверенной боевой частью. 28 ноября 6-му Тукумскому полку уже пришлось нести гарнизонную службу в районе Смольного и Таврического дворца, где эсеры и меньшевики в тот день устроили контрреволюционную демонстрацию под лозунгами защиты Учредительного собрания.

5 января 1918 г., в день созыва Учредительного собрания, 6-й Тукумский полк, несший охрану Таврического дворца, получил задание не допускать никаких демонстраций в связи с открытием Учредительного собрания. Когда Учредительное собрание отказалось утвердить принятые II Всероссийским съездом Советов декреты о мире и земле и признать новое, Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, Учредительное собрание было распущено. В отдельных мероприятиях по роспуску Учредительного собрания принимали участие и латышские стрелки 6-го Тукумского полка.

6-му Тукумскому полку в Петрограде по характеру службы неоднократно приходилось участвовать в разоружении разложившихся частей петроградского гарнизона, а также в разоружении на вокзалах Петрограда бежавших с фронта дезертиров. Стрелки принимали деятельное участие в ликвидации вспыхнувшего в Петрограде по подстрекательству контрреволюционеров погрома винных погребов и складов. Латышским стрелкам была поручена также вся военная часть операции по национализации банков, о чем в своих воспоминаниях рассказывает первый управляющий делами Совнаркома В. Бонч-Бруевич³⁴. Как он писал, с национализацией частных банков в Петрограде следовало спешить, даже очень спешить, чтобы буржуи не успели припрятать все ценности в банках и не запутали бухгалтерские книги. Для этого надо было одновременно занять 28 банков и арестовать всех 28 директоров. «Я написал 28 приказов об аресте директоров, для каждой операции выделил по два комиссара, потом вызвал начальника, командовавшего полком латышских стрелков, который находился у нас в Смольном и состоял исключительно из социал-демократов большевиков, и предложил ему совершенно секретно выделить 28 отрядов по 10—20 человек в каждом отряде и немедленно назначить из самых расторопных товарищей-латышей 28 командиров этих отрядов... Кроме того, я предложил выделить по 2 стрелка для ареста каждого из 28 директоров... Ровно без пяти минут семь я сообщил начальнику латышского полка, что надо всех предназначенных к операции поднять и построить на линейке. Начальник приказал пробить тревогу. Ровно в 7 часов все эти многочисленные отряды встали в полной боевой готовности в коридорах Смольного... Рабочие-комиссары, видя эту изумительную быстроту дисциплинированных настоящих боевых войск, так недавно прибывших с Северного фронта из-под действительного огня неприятеля, также выстроились по одному впереди каждого отряда латышских стрелков... Через несколько минут я предложил начальнику латышского полка посадить людей на приготовленные грузовые и легковые автомобили. Раздалась четкая военная команда и отряд за отрядом, отбивая шаг, спустился по лестнице, и мгновенно все стрелки уже находились в предназначенных им автомобилях. Через минуту был отдан приказ шоферам, и все они стройно выехали из ворот Смольного... Мы поделились радостным мнением о стройности, боевой готовности и изумительной дисциплинированности латышских стрелков». Вся операция по национализации банков и аресту директоров латышскими стрелками была проведена в полтора-два часа. Национализация банков была одним из самых необходимых мероприятий Советской власти. Она по-

дорвала экономическую мощь буржуазии. Рабочие убеждались, что Советская власть на деле «экспроприрует эксплуататоров», что она на деле является властью неимущих и трудящихся масс.

Стойкие, дисциплинированные и преданные войска нужны были Советской рабоче-крестьянской власти не только в Петрограде, но и во многих других районах России, где время от времени пыталась поднять голову буржуазная или националистическая контрреволюция. В числе таких войск были и части латышских стрелков, находившиеся в Архангельске, Вологде, Нижнем Новгороде, Рыбинске и других городах России.

Большая угроза для Советской власти создавалась на Западном фронте в связи с выступлением белополяков. В свое время на Западном фронте был сформирован польский корпус под командованием генерала Довбор-Мусницкого. Но руководство корпусом захватили крайние националистические круги, которые носились с идеей создания «великой Польши» за счет белорусских и украинских земель. Довбор-Мусницкий, поддержанный французскими империалистами, объявил войну Советскому правительству и своими войсками угрожал Могилеву, ставке советского главковерха. В январе 1918 г. из XII армии на польский фронт были переброшены два латышских полка — 1-й Даугавгривский и 4-й Видземский, которые вместе с сибирскими стрелками и красногвардейцами у Рогачева наголову разбили белополяков. Район Рогачев—Жлобин—Гомель был освобожден от войск генерала Довбор-Мусницкого. После этого широко распространилась слава о латышских стрелках как о бесстрашных и беззаветных борцах социалистической революции.

Грозное положение для Советской власти создавалось на юге России, где генералу Каледину удалось собрать значительные белогвардейские отряды из зажиточных казаков. На борьбу с генеральской контрреволюцией из Петрограда был направлен В. Антонов-Овсеенко, который, прибыв на место и ознакомившись с обстановкой, обратился к председателю Совнаркома В. И. Ленину с просьбой срочно прислать на юг России 2000 матросов и 2 латышских стрелковых полка. Одновременно В. Антонов-Овсеенко через Исколастрел обратился к латышским стрелкам с письмом-воззванием, в котором писал: «На помощь рабочим Донецкого бассейна, на борьбу с каледицами, разоряющими край труда, придите, братья — латышские пролетарии. Два полка латышей через неделю решили бы дело. Тыл дает и может дать только Красную гвардию, гарнизоны уже полураспущены или слабы духом. Помогите нам, братья-латыши. Голосом тысячи семей, обездоливаемых разбойничьими бандами, голосом борьбы, поднятой донецкими пролета-

риями, призываем вас на помощь. Да сгинут враги революции!»

На письме В. Антонова-Овсеенко о посылке двух латышских полков на юг России В. И. Ленин наложил резолюцию: «Считаю очень важным это дело и очень прошу принять энергичные меры, чтобы исполнить просьбу товарища».

Это распоряжение председателя Совнаркома уже 5 января 1918 г. поступило в Исколастрел, а 6 января был дан приказ 3-му Курземскому полку подготовиться к отправке на юг России. Вместе с ним из XII армии на борьбу с калединцами был направлен и 18-й Сибирский стрелковый полк. 13 января 1918 г. эти два полка прибыли в Петроград и их представители были приняты в Смольном В. И. Лениным. Один из представителей 3-го Курземского полка, Я. Озоларс, так описывал в газете «Бривайс стрелниекс» прием В. И. Лениным представителей стрелков: «Товарищ Ленин принял нас очень радушно. Мы приветствовали его от имени всего полка и заявили о готовности выполнять все распоряжения пролетарской Советской власти. Ленин, в свою очередь, передал приветствие нашему полку и выразил свою радость по поводу нашей готовности направиться на борьбу с Калединым и другими контрреволюционными бандами. Он разъяснил нам текущий момент в связи с нашей задачей в борьбе с контрреволюцией. В заключение товарищ Ленин пожелал нам успехов и выразил надежду, что революционные латышские стрелки нанесут банде Каледина последний и сокрушительный удар»!

В своих воспоминаниях В. Антонов-Овсеенко писал, что прибытие пополнения с Севера изменило обстановку на фронте борьбы с Калединым. Вскоре Ростов и Таганрог были освобождены от калединцев, причем в боях на юге России особенно отличился кавалерийский отряд латышского полка под командованием Яна Кришьяна³⁵.

В то время, как Советская страна напрягала все свои силы на борьбу с внутренней контрреволюцией и хозяйственной разрухой, на Советскую Россию обрушилась военная машина империалистической Германии. В феврале 1918 г., после предательского срыва Троцким мирных переговоров в Бресте, германские войска широким фронтом вторглись в пределы Советской России и ринулись на Петроград. Как предвидел В. И. Ленин, войска молодой Советской республики не смогли оказать серьезного сопротивления германскому наступлению. На фронте XII армии только революционные сибирские и 5-й, 7-й и 8-й латышские стрелковые полки являлись некоторым заслоном против германского нашествия.

Еще 15 февраля, когда происходила беспорядочная, стихийная демобилизация старой армии, Исколастрел принял

решение, что «латышские стрелковые полки не следует демобилизовывать. Они должны быть очищены от нежелательных элементов и немедленно переформированы в части социалистической Красной Армии», чтобы в случае оккупации всей Латвии немцами латышские стрелки могли на других фронтах продолжать борьбу за победу социалистической революции вместе с русскими рабочими и солдатами. Когда через несколько дней началось наступление германских войск, стрелки, отступая под натиском превосходящих сил противника с боями через Валмиеру, Валку на Псков, взрывали за собою склады с боеприпасами, железнодорожные мосты, переправы и разрушали железнодорожное полотно. Немцы зверски расправлялись с латышскими стрелками, попавшими к ним в плен. Четвертая рота 7-го Бауского латышского полка стояла в Руиене. Отступая к Пскову, рота под Юрьевом была окружена немцами и взята в плен. Стрелков поместили в Юрьевской тюрьме, а через два дня их поодиночке стали выводить и расстреливать. Из всей роты спаслись только два человека. Эти зверства еще более озлобили латышских стрелков против оккупантов.

Как только началось наступление германских войск, В. И. Ленин утром 19 февраля 1918 г., по решению ЦК партии, от имени Совнаркома послал радиogramму германскому правительству о согласии Советской России заключить мир. Но немцы продолжали наступление.

В минуту смертельной опасности для республики вождь революции В. И. Ленин объявил Советское социалистическое отечество в опасности и призвал всех трудящихся дать отпор иностранным захватчикам. На призыв вождя немедленно откликнулись питерские рабочие, которые создавали красноармейские отряды и отправлялись на фронт.

21 февраля в Пскове на совместном заседании Искоборсева, большевистского Искосола XII и Исколастрела было решено всеми силами воспрепятствовать у Пскова дальнейшему продвижению немцев к Петрограду, нанося противнику контрудары. Члены большевистского Искосола и Исколастрела все время находились на передовых позициях. Быстро в боевую готовность были приведены отдельные отряды латышских стрелков, отступавших из пределов Латвии. 7-му латышскому полку, который двигался к Пскову со стороны Валки, было приказано прикрывать Псков со стороны Видземского шоссе. Немцы, воспользовавшись железной дорогой, которую они быстро восстановили, опередили 7-й полк и ворвались в город. Но полк с боем прорвался через Псков и вышел из окружения. Сейчас же за Псковом создавались новые оборонительные позиции. Р. Кисис, которому поручено было руководство боевыми

операциями на р. Черех в окрестностях Пскова, рассказывает, что 22 февраля позиции на Черехе в направлении Острова были укреплены двумя вновь организованными полками Красной Армии.

Утром 23 февраля начались бои с немцами у р. Черех. На железнодорожной линии Псков—Даугавпилс был взорван мост и отбито нападение немецкого бронепоезда. Стрелки разрушили также мост на шоссе Псков—Даугавпилс и отбили атаки немецких броневиков. Бои продолжались до поздней ночи.

После захвата немцами Пскова к Торошино подоспели на помощь из Петрограда значительные силы красногвардейцев и часть 6-го латышского полка. Начальником вновь созданного укрепленного района Гдов—Торошино, по распоряжению В. И. Ленина, был назначен славный сын латышского народа Ян Фабрициус. Борьба мужественных защитников социалистической родины затруднялась тем, что, поощренная германским наступлением, поднимала голову и внутренняя кулацкая контрреволюция. Но решительными действиями Яна Фабрициуса контрреволюционные вылазки были подавлены.

С прибытием пополнений из Петрограда боевые действия против немцев приняли еще более ожесточенный характер; у деревни Смолна на берегу Чудского озера красногвардейцами был уничтожен немецкий кавалерийский отряд численностью 500 человек.

Бои красногвардейцев и бойцов вновь создаваемой Красной Армии с немецкими захватчиками шли не только под Псковом, но и по всей линии немецкого наступления на Петроград. Особенно упорные бои развернулись у Нарвы. В боях под Нарвой отличился отряд красногвардейцев с Путиловского завода — «Путиловско-Юрьевский партизанский отряд», в котором почти половину бойцов составляли латышские и эстонские рабочие. Обороной Нарвы руководил генерал Парский, бывший командующий XII армией. Большую энергию в мобилизации масс на борьбу против немецких захватчиков проявил председатель Нарвского исполкома Анс Дауман³⁶, латышский революционер-подпольщик. Немцам у Нарвы и Пскова были нанесены тяжелые контрудары. Их наступление было приостановлено. В этих славных боях с иностранными захватчиками, наряду с русскими рабочими и крестьянами, деятельное участие принимали и латышские стрелки, рабочие и безземельные крестьяне Латвии.

Хотя германское продвижение было приостановлено, молодая рабоче-крестьянская республика все же вынуждена была принять грабительский Брестский мир. Советское правительство, подписав Брестский мирный договор, вывело страну из

империалистической войны, и страна получила передышку, необходимую для упрочения Советской власти, создания вооруженных сил республики и хозяйственного строительства. Для молодой Советской республики Брестский мир был необходим

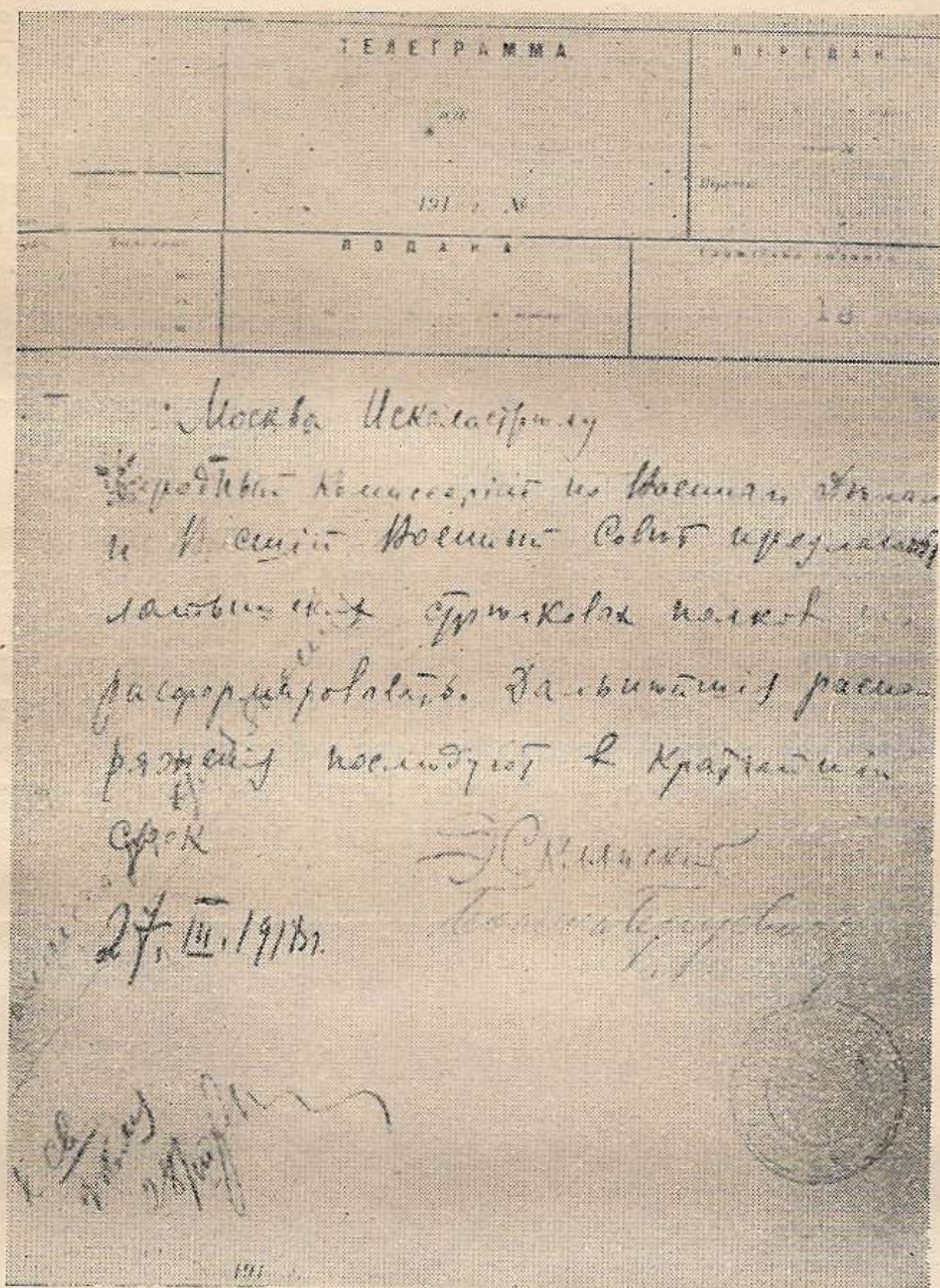

Рис. 9. Распоряжение Наркомвоена Исколастрелу от 27 марта 1918 г. не расформировывать латышские стрелковые полки.

для собирания и укрепления ее сил. В. И. Ленин, назвав Брестский мир «несчастливым миром», писал: «Невыносимо тяжелы условия мира. А все же история возьмет свое...».

Грабительский Брестский мирный договор, навязанный

* В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 32.

кайзеровской Германией молодой Советской республике, отрывал Прибалтику от России. Вся Прибалтика, в том числе и Латвия, подпадала под ярмо германской оккупации.

Латышские революционные стрелки, несмотря на агитацию буржуазных националистов и меньшевиков, призывавших стрелков не оставлять Латвию, в огромном большинстве остались верны идеям социалистической революции. Сохранив революционную дисциплину в своих воинских подразделениях, они ушли в Советскую Россию и, войдя в состав создаваемой Красной Армии, встали на защиту завоеваний Октябрьской революции и Советской власти.

Немцы, заняв Псков и Нарву, оказались под самым Петроградом. Настоятельной необходимостью стал переезд Советского правительства из Петрограда в Москву. В. Бонч-Бруевич, которому была поручена организация переезда, пишет: «Переезд состоялся 10 марта 1918 года. В первую очередь переезжали Совнарком и ВЦИК. Охрана правительственного поезда и поезда с ценностями была поручена латышским стрелкам. По приезде в Москву 12 марта над Кремлем было поднято Красное знамя — знамя пролетарской революции». Владимир Ильич Ленин, осматривая вместе с Бонч-Бруевичем Кремль, очень волновался — сохранены ли все ценности Кремля и золотой запас, хранившийся в погребах Кремля. «Было решено, — пишет Бонч-Бруевич, — экстренно ввести в Кремль прекрасно известный нам по Смольному и

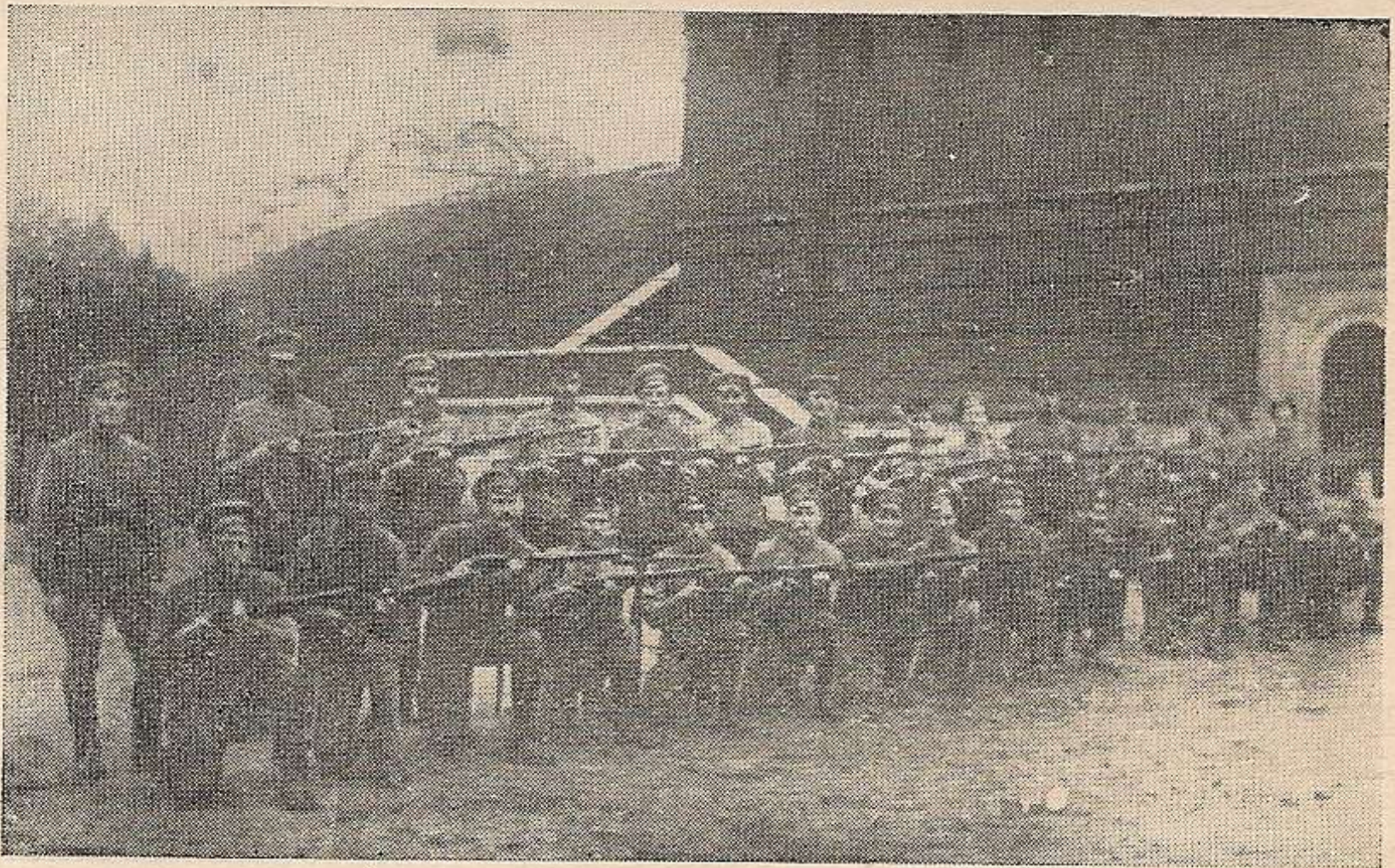

Рис. 10. Подразделение 9-го латышского полка летом 1918 г. в Кремле на военных занятиях.

достаточно проверенный батальон стрелков — латышей-коммунистов, прибывший вслед за нами из Петрограда и находившийся в то время в одной из казарм Москвы. Я сейчас же написал приказ и отослал его начальнику батальона с нарочным. . . Владимир Ильич хотел как можно скорее переехать в Кремль, чтобы наладить занятия правительства. Мы медленно шли к Троицким воротам, когда на всех парах вкатил самскатчик стрелкового латышского батальона и подал мне пакет, в котором был рапорт командира о том, что латышские стрелки по боевой тревоге скорым маршем двигаются к Кремлю. Сообщили коменданту о принятии батальона и о расквартировании его».

«С латышами, — писал комендант Кремля П. Мальков, — прошли первые самые трудные месяцы моей кремлевской жизни, когда все только налаживалось, входило в норму. Навсегда в моей памяти останутся скромные, на редкость нетребовательные, беспредельно преданные делу пролетарской революции латышские стрелки, чья беззаветная отвага, исключительное мужество и хладнокровие, чей каждодневный героизм вписаны золотыми буквами в историю первых лет существования Советского государства. В Кремле латышей было больше, чем в Смольном. К нашему приезду там уже был расквартирован 4-й Видземский латышский стрелковый полк. С прибытием пятисот латышских стрелков из Питера сформировали еще один полк — 9-й. 4-й полк вскоре из Кремля вывели. 9-й полк нес в 1918 г. охрану Кремля и выполнял различные боевые задания. . . Размещались латыши в казармах, что напротив Арсенала, направо от Троицких ворот.»

Латышские стрелки в Москве несли охрану Кремля, правительственных учреждений и здания, в котором жил и работал великий Ленин, и эту почетную службу они исполняли верно и честно. Батальон латышских стрелков, несший охрану Кремля, был укомплектован до размера полка, и ему было присвоено наименование 9-го латышского полка. В Москве находились и другие латышские полки. Один из них — 2-й полк — по специальному заданию председателя ВЧК Ф. Дзержинского 11 и 12 марта провел в Москве широкие операции по ликвидации контрреволюционных анархистских гнезд, где часто под вывеской анархистов собиралось белое контрреволюционное офицерство. Анархисты захватили для своих организаций лучшие особняки на Поварской улице, Малой Дмитровке и в других местах Москвы. Латышей они встретили выстрелами, ручными гранатами и даже пулеметным огнем. Но, несмотря на яростное противодействие анархистов, все их контрреволюционные центры в Москве были ликвидированы.

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1918 Г.

Ко времени подписания Брестского мирного договора латышские стрелковые полки, ушедшие из Латвии в Россию, были сконцентрированы в двух пунктах — в Москве и в Бологом, между Москвой и Петроградом. Как часть вновь создаваемой Красной Армии предполагалось организовать латышский корпус, начальником которого был назначен И. Вацietис. К концу марта части предполагаемого корпуса были собраны в следующих местах: 1-й, 2-й, 4-й, 9-й латышские полки с артиллерией и соответствующими кавалерийскими частями — в Москве, 5-й и 8-й латышские полки с одной батареей — в Бологом, 6-й полк с одной батареей и кавалерийской частью — в Петрограде, 7-й полк — в Великих Луках. Штаб первой дивизии располагался в Москве, штаб второй дивизии — в Бологом, а штаб предполагаемого корпуса — в Москве.

В связи с полной демобилизацией старой армии и созданием новой Красной Армии была проведена реорганизация и латышских стрелковых полков. Из их состава были устранены нежелательные элементы, а полки на добровольных началах были пополнены эвакуированными латышскими рабочими. Так в составе Красной Армии были созданы советские латышские стрелковые полки. Но латыши в России, оторванные от своей родины, количественно не могли обеспечить создания корпуса. Приказом по Красной Армии от 13 апреля 1918 г. было произведено объединение всех латышских полков и частей в Латышскую советскую стрелковую дивизию³⁷, которая явилась первой дивизией в создаваемой Красной Армии. Дивизия состояла из трех бригад, в каждую из которых входило по три полка с приданными им артиллерийскими, технического снабжения и авто-авиаподразделениями. Кроме того, при дивизии состоял один кавалерийский полк. Дивизия насчитывала 17—18 тыс. бойцов. Командиром ее был назначен полковник И. Вацietис, комиссарами — К. Петерсон, один из создателей в 1917 г. большевистской военной организации в

Рис. 11. 1-й латышский батальон, который в апреле 1918 г. в полном составе вступил в Красную Армию.

латышских полках, а в 1919 г. — военный комиссар Советской Латвии, и Карл Дозит³⁸, бывший в то время председателем Исколастрела.

После реорганизации латышских стрелковых полков в них значительно возросло число членов партии, что было отмечено на конференции коммунистических организаций латышских стрелковых полков, состоявшейся 25 апреля 1918 г. На этой конференции присутствовал председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, который в своем выступлении горячо приветствовал латышских стрелков как дисциплинированный, крепко спаянный отряд пролетарской революции. Конференция в своей резолюции отметила, что создание Латышской стрелковой дивизии будет способствовать усилению боеспособности всей Красной Армии.

В рядах Красной Армии Латышская стрелковая дивизия представляла собой стойкую, сильную своей пролетарской сознательностью и товарищеской спайкой ударную группу войск, служившую примером для многих других частей.

Летом 1918 г., в связи с контрреволюционными выступлениями, имевшими место в разных районах Советской России, латышские стрелки были размещены в важнейших политических и стратегических пунктах Советской страны. Штаб дивизии по-прежнему оставался в Москве. Там же находились 1-й, 2-й, 3-й и 9-й латышские полки. Один батальон 1-го полка временно был направлен в Нижний Новгород. Авиачасть латышей с двадцатью самолетами находилась близ Москвы, в Люберцах. 5-й и 8-й полки и одна батарея были размещены в

Рис. 12. Латышские стрелки во время демонстрации на Красной площади в 1918 г.

Бологом. Часть 6-го и 7-го полков стояла в Петрограде, часть — около Нарвы и Пскова на случай возможного германского наступления. 4-й полк находился в окрестностях Сызрани. В Симбирск, Тамбов и Вологду были направлены отдельные латышские стрелковые батальоны. В Аткарске — Крыжанове происходило формирование трех латышских кавалерийских полков с артиллерийским дивизионом.

1918 год был тяжелым для молодой Советской республики. Передышка, полученная в результате Брестского мира, скоро была сорвана. Против Советской власти ополчились империалисты Антанты и внутренняя контрреволюция. Левые эсеры, входившие еще в состав ВЦИК и занимавшие в правительственных учреждениях ответственные посты, также выступили против Брестского мира и, защищая кулаков, — против аграрной политики партии большевиков и Советского правительства.

На открывшемся 4 июля 1918 г. в Москве V съезде Советов левые эсеры потребовали отмены декретов о комитетах бедноты и продотрядах. Съезд отверг это требование. Левые эсеры ушли со съезда и стали готовиться к восстанию. 6 июля они убили германского посла Мирбаха, чтобы спровоцировать войну с Германией, и подняли в Москве контрреволюционный мятеж. Левые эсеры имели в своем распоряжении орудия и пулеметы. В ликвидации мятежа левых эсеров самое деятель-

ное участие принимали все латышские полки, находившиеся в Москве. Распоряжением В. И. Ленина руководство всеми военными операциями по подавлению мятежа было возложено на начальника Латышской дивизии И. Вацietиса. Большую роль в разгроме левых эсеров сыграл латышский артиллерийский дивизион, которым командовал Э. Берзинь³⁹. Артиллерия была подвезена на руках на самое близкое и возможное для стрельбы расстояние. Во время мятежа охрана правительственных учреждений в Кремле находилась в надежных руках 9-го латышского полка, а 2-й и 7-й латышские полки вместе с курсантами военных школ энергично атаковали мятежников. Батарея артиллерийского дивизиона латышских стрелков в упор расстреляла штаб левых эсеров в Трехсвятительском переулке. Мятеж левых эсеров был подавлен.

В то время как левые эсеры подняли мятеж в Москве, правые эсеры, руководимые Б. Савинковым, субсидируемые и вдохновляемые дипломатами стран Антанты, пытались организовать восстания против Советской власти одновременно в 23 городах вокруг Москвы, привлекая к этому делу командный состав бывшей царской армии. Однако эсерам и офицерству удалось поднять восстание только в некоторых городах — в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Наиболее серьезным было эсеровское восстание в Ярославле, где мятежникам удалось захватить город и удерживать его в своих руках с 6 по 21 июля 1918 г. Видную роль в организации Ярославского восстания

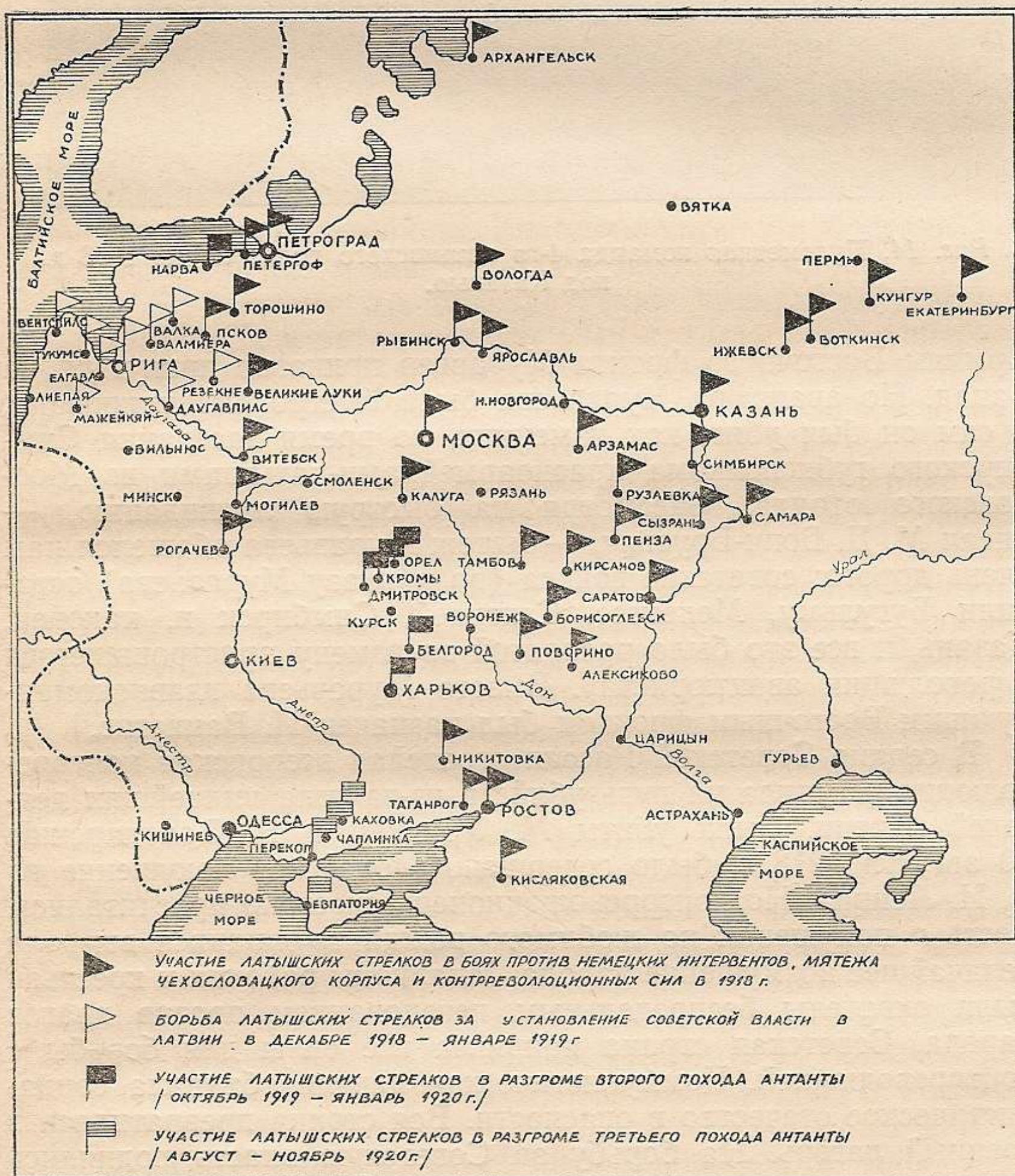
Рис. 13. Латышские стрелки на подавлении левоэсеровского мятежа в Москве в июле 1918 г (в центре Э. Берзинь).

играли также контрреволюционные латышские офицеры — бывшие полковники царской армии Бриедис, Гоппер и др. Захватив город, белогвардейцы растерзали комиссара Ярославского военного округа, бывшего комиссара латышских стрелковых полков и председателя большевистского Искосола XII С. Нахимсона-Михальчи. Ярославское восстание было окончательно ликвидировано 21 июля частями Красной Армии. В подавлении восстания активно участвовали 6-й, 7-й латышские полки и другие части латышских стрелков. Латышский стрелок-пролетарий здесь, на фронте гражданской войны, выступал против латышских офицеров-белогвардейцев. Председателем Ярославского губернского Военно-революционного комитета Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет на время ликвидации белогвардейского мятежа назначил верного сына партии Яна Ленцмана⁴⁰.

Внутренняя контрреволюция не представляла для Советской власти серьезной угрозы, так как она не имела в стране опоры среди широких народных масс, но выступления контрреволюции были использованы империалистами Запада как предлог для организации военной интервенции. Англичане высадили войска на севере России, захватили Мурманск, а позднее Архангельск. На юге России, в Одессе, высадили десант французы, японцы заняли Приморье. Союзники снабжали военным снаряжением, боеприпасами, деньгами и обмундированием белогвардейские армии, созданные бывшими царскими генералами Корниловым, Алексеевым, Деникиным и др. В 1918 г. молодая страна Советов находилась в огненном кольце интервенции и гражданской войны.

Важное место в своих планах свержения Советской власти империалисты Антанты отводили чехословацкому корпусу, превращенному англо-американскими империалистами при помощи контрреволюционного чехословацкого офицерства в орудие вмешательства Антанты во внутренние дела Советской России. Корпус в составе около 60 тыс. человек был сформирован в России из пленных чехов и словаков для борьбы с Германией. Советская власть разрешила чехам, при условии сдачи оружия, выехать через Сибирь и Владивосток во Францию. Эшелоны с чехами растянулись на всем протяжении Сибирской железнодорожной магистрали от Волги до Владивостока, причем обязательство сдать оружие они не выполнили. Части чехословацкого корпуса, поддавшись контрреволюционной агитации и поощряемые дипломатами Антанты, в середине 1918 г. восстали и на пути своего следования стали захватывать станции и города, свержая там Советскую власть, расстреливая большевиков и рабочих. На Волге чехословаки захватили Самару, Сызрань, 21 июля 1918 г. — Симбирск и в августе

подошли к Казани. Контрреволюционные выступления отрезали центр Советской России от важнейших сырьевых, топливных и хлебных районов страны. Положение Советской республики стало угрожающим. Усиливался голод. Из-за отсутствия угля останавливались промышленность и железнодорожный транспорт. Для создававшейся Красной Армии не хватало хлеба, обмундирования и вооружения. Положение ухудшилось изменой главнокомандующего Восточным фронтом левого эсера Муравьева, который, будучи уверен в победе левых эсеров в Москве, объявил мир чехословакам, а войну — Германии.

Латышские стрелки на фронтах гражданской войны.

Рис. 14. Пулеметная команда 4-го латышского полка летом 1918 г. под Казанью.

Армиям Восточного фронта Муравьев приказал двинуться на Запад. Но авантюра Муравьева была быстро ликвидирована, а сам он был убит, как изменник, во время заседания Симбирского губисполкома красноармейцами-латышами из Московского отряда. «Несмотря на быструю ликвидацию, — писал М. Д. Бонч-Бруевич, — мятеж Муравьева обошелся нам очень дорого: советские войска (по приказу Муравьева) оставили Бугульму, Мелекесс, Сенгилей, Симбирск и, наконец, Казань, и все это было расплатой за измену пристроившегося к революции авантюриста». Вместо Муравьева главнокомандующим Восточным фронтом был назначен И. Вацетис.

В сердце Советской России оголтелая эсеровская контрреволюция вступила на путь убийств из-за угла виднейших деятелей партии. Были убиты М. Урицкий и В. Володарский. 30 августа 1918 г. было совершено злодейское покушение на В. И. Ленина. Но контрреволюционеры жестоко просчитались. Весть о покушении на любимого вождя трудящихся вызвала величайшее возмущение народа. Миллионы рабочих и крестьян были охвачены беспредельным негодованием против врагов народа. Советская страна напрягла все силы для борьбы с контрреволюцией. Коммунистическая партия объявила социалистическое отечество в опасности. Вся страна превратилась в военный лагерь. На борьбу за Советскую власть поднялись многомиллионные массы трудящихся. Около половины всех членов партии и комсомола ушло в Красную Армию.

В рядах молодой Красной Армии одними из самых боеспособных были закаленные в боях, дисциплинированные части латышских стрелков. Во второй половине 1918 г. латышские полки, входившие в состав Латышской стрелковой дивизии, были разбросаны по многим фронтам гражданской войны. Комиссар Латышской дивизии Карл Дозит в одной из своих статей писал, что отдельные полки или части дивизии можно было встретить на всех фронтах. «Трудно даже описать, — отмечал К. Дозит, — всю сложность боевой обстановки, в какой находились полки в 1918 г. на своих участках. Линия фронта, тянувшегося на тысячи верст, начиналась у Белого моря, шла через Урал, Самару, Царицын и вплоть до Азовского моря. Этот фронт можно разделить на 3—4 важнейших района, где шли ожесточенные бои. И везде в этих районах в боях участвовали те или иные части Латышской дивизии, сражались латышские стрелки.» Так, например, 6-й Торошинский латышский полк, или так наз. Торошинская группа, и 7-й полк бились на Урале, в районе Екатеринбурга. 2-я бригада (1-й, 4-й, 5-й, 6-й полки и кавалерийский полк) сражались в районе Казани — Самары. 3-я бригада также принимала участие в боях на Волге, а затем осенью 1918 г. была переброшена на линию Поворино — Царицын против войск Краснова. В ряде районов действовали части, первоначально не входившие в состав дивизии. Так, на Северном фронте против англичан действовала отдельная латышская пулеметная команда, которую создали архангельские рабочие-латыши, эвакуированные в этот город еще во время первой мировой войны. Только в конце года команда установила связь с дивизией. В Саратове местные рабочие создали «Латышский стрелковый полк особого назначения», который впоследствии влился в 3-ю латышскую стрелковую бригаду, получив наименование 10-го полка. В Вологде был создан «Особый латышский стрелковый батальон» Красной Армии. Возникновение таких частей на местах представляет собою явление, характерное для политической обстановки конца 1918 г. В те дни почти в каждом более или менее крупном центре местные органы Советской власти стремились создать у себя воинскую часть особого назначения, привлекая в нее тех латышских рабочих, которые после демобилизации армии находились в этих местах. Эту воинскую часть обязательно именовали отдельным батальоном, ротой, командой или просто группой латышских стрелков, хотя латышей по национальности в ней было зачастую всего несколько человек.

Напрасны были попытки белогвардейцев и дипломатов Антанты подкупить командиров латышских стрелковых частей, чтобы организовать мятеж стрелков против Советской власти.

Глава английской дипломатической миссии Локкарт и его подручный Рейли сделали попытку подкупить командира латышского артиллерийского дивизиона Э. Берзиня. Но Э. Берзинь сообщил Советскому правительству о сделанных ему гнусных предложениях, и так наз. «польский заговор» был своевременно и полностью раскрыт. Всему миру стала известна постыдная деятельность дипломатов Антанты, занимавшихся организацией заговоров для свержения власти и убийства членов правительства, при котором они были аккредитованы.

«Из сделанной Локкартом, — пишет в своих воспоминаниях М. Д. Бонч-Бруевич, бывший генерал царской армии, перешедший на сторону Советской власти, — попытки подкупить латышских стрелков, охранявших Кремль, ничего, кроме международного скандала, не вышло». Латышские стрелки были и остались верны Советской власти.

Партия и великий Ленин оказывали латышским стрелкам полное доверие. Многие латышские командиры и политработники были выдвинуты партией на высшие и средние командные должности в молодой Красной Армии. И. Вацетис был командующим всеми вооруженными силами Советской республики, И. Смилга и Ю. Данишевский — членами Реввоенсовета Республики, Р. Эйдеман⁴¹ командовал XIII армией, Р. Берзинь — III армией, В. Азин, А. Дауман, Я. Лацис, Ф. Калнынь, К. Стуцка были командирами дивизий, бр. Межлаук и Р. Эйхе — ответственными политработниками в Красной Армии. За боевые заслуги все они были награждены орденами. Ян Фабрициус был награжден четырьмя орденами Красного Знамени. С полным доверием партия и Советская власть могли посылать и посылали латышских стрелков на самые ответственные и опасные участки гражданской войны. Летом 1918 г. таким участком был чехословацкий фронт на Волге.

Серьезность положения здесь усугублялась, как указывалось выше, изменой командующего Восточным фронтом Муравьева, который в дни левоэсеровского мятежа покинул свой штаб в Казани, уехал в Симбирск и издал там изменнический приказ войскам Восточного фронта отойти на Запад, якобы для того, чтобы создать там фронт против немцев. Хотя изменник вскоре был расстрелян латышскими стрелками, предательский приказ его оказал свое действие: войска Восточного фронта отходили к Волге, в расположении V армии образовался прорыв, и чехословаки подошли к Казани. С беззаветным мужеством в течение двух дней в самом городе дрался с врагом 5-й Земгальский латышский полк. Газета «Известия» (№ 177) в статье «Доблесть латышских стрелков» писала: «Необходимо отметить доблесть 5-го латышского стрелкового полка во время двухдневной обороны Казани». Как отмечала

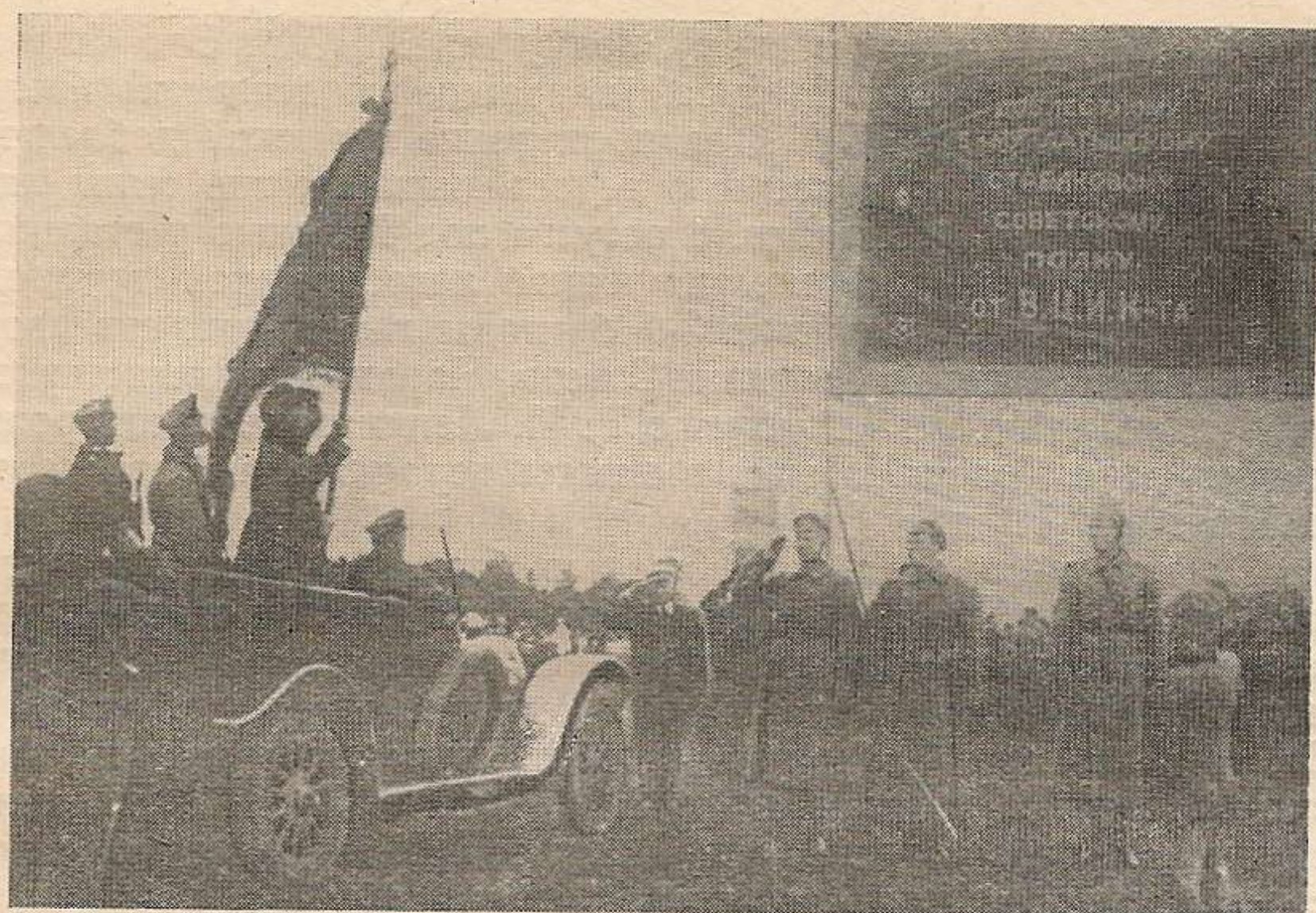

Рис. 15. Вручение 5-му Земгальскому латышскому полку почетного знамени ВЦИК за оборону Казани в августе 1918 г. Парадом командует И. Вацетис.

газета, все наиболее опасные атаки противника были отбиты стрелками 5-го латышского полка, которые самоотверженно и отважно сражались как в поле, так и в городе, несмотря на значительные потери. Только благодаря 5-му латышскому полку, отмечала далее газета, удалось удержать Казань в течение двух дней — до 6 августа. Это имело громадное значение, так как если бы Казань попала в руки противника 5 августа, то уже на следующий день он захватил бы мост через Волгу у ст. Свияжск. Потеря моста через Волгу имела бы губительные последствия. Героическая же оборона Казани приковала к себе все силы противника и дала возможность советским войскам удержать переправу через Волгу в своих руках. Свияжский мост упорно защищали бойцы 4-го латышского стрелкового полка, имевшие в своем распоряжении 8 орудий. Благодаря этому вражеская флотилия не могла пробиться вверх по Волге к Нижнему Новгороду и другим городам центра России. На освобождение Казани были брошены наряду с другими частями Красной Армии, кроме 5-го, также 1-й, 4-й и 6-й латышские полки. В первых числах сентября Красная Армия мощным ударом снова овладела Казанью.

За доблесть и геройство, проявленные в боях под Казанью, 5-му латышскому стрелковому полку было вручено почетное Красное знамя ВЦИК с надписью «Доблестному 5-му латыш-

скому стрелковому советскому полку от ВЦИК». Это был в Красной Армии первый случай награждения воинской части почетным знаменем ВЦИК за проявление воинской доблести.

В боях за Казань смертью героев пали многие сыны латышского трудового народа. 8 августа под Казанью у станции Красная Горка погиб командующий левобережной группой советских войск и командир 3-й бригады латышских стрелков Ян Юдин⁴². Постановлением Совета Народных Комиссаров, по предложению и за подписью В. И. Ленина, железнодорожная станция Красная Горка в память героя-бойца была переименована в Юдино.

13 августа в боях под Казанью был убит комиссар 4-го латышского полка А. Петерсон. Под Казанью пал также председатель Исполнительного комитета латышских стрелковых полков Юлий Заринь⁴³. В боях с чехословаками за Самару и Сызранский мост полностью погиб латышский коммунистический рабочий отряд в составе 200 человек. Отряд состоял из самарских рабочих-латышей. В жестоких боях против чехословаков у станции Араслановой 18 июля 1918 г. почти полностью погиб во главе со своим командиром К. Герцбергом⁴⁴ 6-й Торошинский латышский полк.

Во второй половине 1918 г. латышские полки, входившие в состав Латышской советской стрелковой дивизии, по-прежнему были разбросаны по многим фронтам гражданской войны. На Восточном фронте, где в ноябре 1918 г. появился

Рис. 16. Конный дозор латышских стрелков на Восточном фронте в 1918 г.

новый опасный враг Советской республики — адмирал Колчак, в рядах Красной Армии был ударный кулак в составе 1-го, 4-го, 5-го и 6-го латышских полков. К этому времени важное значение приобретал и Южный фронт, где войска казачьего генерала Краснова, пользовавшегося поддержкой немцев, занимавших Украину, упорно продвигались на север. В течение трех месяцев — с октября по декабрь 1918 г., образуя ударную группу Южного фронта, 3-я бригада Латышской дивизии под командованием И. Штейна⁴⁵ в составе 8-го и 9-го латышских полков, полка особого назначения, Витебского кавалерийского полка и Пензенского латышского эскадрона в упорных боях, неся большие потери, в районе Поворино, недалеко от Козлова (Мичуринск), сдерживала ожесточенный натиск хорошо вооруженного противника. Здесь в кровопролитном бою за овладение ст. Косарка 17 октября 1918 г. пал смертью храбрых заместитель командира 8-го латышского полка, бывший первый командир сводного батальона латышских стрелков при ВЦИК и Совнарком в Смольном (1917 г.) Ян Петерсон⁴⁶, который в одной цепи со стрелками шел на врага. В этом же бою выбыла из строя почти половина всего командного состава 8-го полка.

Реввоенсовет Южного фронта своим приказом за № 48 объявил 3-й латышской стрелковой бригаде за проявленное в боях 27 ноября 1918 г. мужество и героизм «товарищеское и братское спасибо».

Так, плечом к плечу со своими русскими братьями, в 1918 г. в рядах Красной Армии латышские стрелки самоотверженно сражались за победу Советской власти.

АРМИЯ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Германия, захватившая по Брестскому миру Латвию, не могла чувствовать себя там прочно.

В августе 1918 г. В. И. Ленин писал: «Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует. То, о чем полушутя говорили германские дипломаты — «руссификация» германских солдат, — оказалось теперь не шуткой, а горькой для них правдой. Дух протеста растет, «измены» становятся обычным явлением в германской армии»*. Генерал Людендорф, который вместе с Гинденбургом был в то время военным диктатором Германии, был вынужден признать огромное влияние русской революции на германскую армию. Он писал: «Сколько раз я мечтал, что русская революция облегчит наше военное положение. Революция в России наступила внезапно. Тогда я еще не считал возможным, что в дальнейшем революция подорвет и наши силы». Оккупанты уже не могли полагаться на своих солдат. В Латвии во время демонстраций рабочих немцы не решались посылать войска на их подавление и были вынуждены держать солдат взаперти в казармах.

Осенью 1918 г. власть захватчиков в Латвии окончательно пошатнулась. Нелегальный орган СДЛ газета «Спартакс» в октябре 1918 г. писала: «Кончилось всевластие германских империалистов. Надвигается великая буря социалистической революции!» В оккупированной Латвии все сильнее раздавался клич: «Назад к социалистической Советской России! Да здравствует свободная Латвия в свободной России!»

В ноябре 1918 г. в самой Германии произошла революция, свалившая монархию Гогенцоллернов. В новой международной обстановке Советская Россия аннулировала грабительский Брестский мирный договор. ВЦИК призвал все народы оккупированных немцами областей подняться на борьбу против немецких захватчиков и обещал «полную, до конца идущую

* В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 67.

поддержку в их борьбе за установление на их земле социалистической власти рабочих и крестьян». Державы Антанты не хотели допустить воссоединения оккупированных областей с Советской Россией. В Компьене при заключении перемирия побежденной Германией было предложено оставить свои войска в Прибалтике для отпора большевикам. Англия направила в Балтийское море свою военную эскадру, а на окраинах России Антантой создавались марионеточные правительства. 18 ноября 1918 г. при поддержке Англии и Германии марионеточное правительство было создано также в Латвии. Это правительство, возглавлявшееся представителем реакционной латышской буржуазии Карлом Ульманисом, не было избрано народом, никаким влиянием в народе не пользовалось, не имело ни денег, ни армии, ни власти. Латышский трудовой народ не признавал ульманисовского правительства и восстанавливал в Латвии свою рабоче-крестьянскую власть. В городах полулегально или нелегально создавались рабочие Советы, а в волостях — волостные Советы безземельных.

18 и 19 ноября 1918 г. в Риге в подполье состоялась XVII конференция СДЛК; важнейшим вопросом порядка дня была подготовка к вооруженному восстанию с целью захвата власти и создания Социалистической Советской Республики Латвии. Для руководства восстанием был создан Военно-революционный комитет Латвии. 4 декабря 1918 г. по инициативе Рижского и Валкского Советов рабочих депутатов было создано временное Советское правительство Латвии во главе с Петром Стучкой, которое обратилось за помощью к Советской России.

Советская Россия к этому времени значительно окрепла. Ее Красная Армия возросла численно и насчитывала свыше полутора миллионов человек, против 450 тыс., состоявших в Красной Армии в период добровольного комплектования. Хотя молодая Советская республика сражалась одновременно на шести фронтах, военное положение ее улучшилось. В своем докладе в феврале 1919 г. председателю Совета труда и обороны В. И. Ленину И. Вацетис, который в начале сентября 1918 г. был назначен главкомом, сообщал: «Вследствие успешных действий Красной Армии за последние 2½ месяца, территория Республики, несмотря на временную неудачу под Пермью и Валком, значительно расширилась как на востоке и севере, так особенно на юге и западе, где боевая линия фронта местами продвинулась на 300 верст вперед».

В конце 1918 г. в связи с революцией и разгромом империалистической Германии в мировой войне перед молодой Красной Армией встала задача помочь населению оккупированных немцами Украины, Литвы, Латвии и Эстонии изгнать оккупантов и восстановить там Советскую власть.

На западные окраины страны были выдвинуты значительные силы Красной Армии, и в первую очередь ее национальные части — эстонские, польские части и Латышская стрелковая дивизия, которые были переброшены на запад с Восточного и Южного фронтов. VII армия, оборонявшая подступы к Петрограду на Олонецком, Нарвском и Псковском направлениях и насчитывавшая в своем составе до 24 тыс. штыков и сабель, оказывала поддержку трудящимся Латвии и Эстонии, поднявшимся на свержение ненавистного ига иностранных захватчиков. Уже 25 ноября части VII армии изгнали немцев из Пскова. 28 ноября на правом участке VII армии 6-я стрелковая дивизия, имея в своем составе бойцов Феллинского (Вильяндиского) эстонского полка, при поддержке Балтийского флота, действовавшего со стороны Финского залива, заняла Нарву, где 29 ноября 1918 г. была провозглашена Эстляндская Трудовая Коммуна.

В оккупированных немцами Латвии и Эстонии дружно поднялись трудящиеся массы, чтобы сбросить оккупационный режим и воссоединиться с Советской Россией. Для борьбы против оккупантов и местных белогвардейцев, по призыву партии и трудящихся Латвии, на родину вернулись латышские стрелки, находившиеся на фронтах гражданской войны в России.

30 ноября 1918 г. в освобожденный Псков начали прибывать (из Арзамаса, с Восточного фронта) первые эшелоны 2-й бригады Латышской стрелковой дивизии. В первых числах декабря сюда прибыли 1-й, 4-й и 6-й латышские полки, 2-й латышский кавалерийский дивизион и 4-я батарея. К ним присоединилась рота латышских рабочих из Старой Руссы, которая вместе с другими шла освобождать свою родину от немецких оккупантов. Во 2-й бригаде числилось не более 1700 штыков и сабель, но бригада была сильна своим боевым духом. По прибытии в Псков 2-я бригада была направлена на левый участок VII армии. Командовал участком начальник 2-й дивизии А. Васильев, а политическим комиссаром его был Ян Фабрициус. В это же время, 15 декабря 1918 г., с Южного фронта была снята 3-я бригада Латышской стрелковой дивизии и переброшена в Даугавпилс, куда она прибыла 3 января 1919 г. В нее входили 8-й и 9-й латышские полки, 3-й кавалерийский и артиллерийский дивизионы.

Латышская стрелковая дивизия, во взаимодействии с другими частями Красной Армии, вступала в пределы Латвии по трем направлениям. И. Вацетис, который тогда был главнокомандующим всеми армиями РСФСР и осуществлял общее руководство наступлением Латышской стрелковой дивизии, писал, что продвижение было произведено тремя колоннами:

1) от Пскова на Валку—Валмиеру—Цесис—Ригу—Тукум—Вентспилс; 2) от Зилупе на Стукмани—Елгаву—Мажейкяй—Лиепаяю; 3) от Полоцка на Даугавпилс—Паневежис—Шяуляй—Лиепаяю.

В конце декабря все колонны стрелков были уже на территории Латвии и стремительно продвигались вперед.

Основную роль при освобождении Латвии играла 2-я бригада Латышской дивизии, которая вела наступление по линии Псков—Валка и далее на Ригу. Одновременно на Ригу двигались и части, вступившие в Латвию со стороны Полоцка, и группа Грюнера, наступавшая со стороны Резекне. На всех этих направлениях латышские стрелки и другие части Красной Армии победоносно продвигались вперед, отбрасывая противника и занимая города в Латвии.

Латышским стрелкам в их быстром продвижении большую помощь оказывали выступления рабочих и безземельных крестьян и созданные ими партизанские отряды. Так, например, г. Валка еще накануне вступления в него стрелков 2-й бригады был захвачен 17 декабря 1918 г. железнодорожными рабочими, которыми руководил Валкский Совет рабочих депутатов. На следующий день, 18 декабря, в Валку вступили 1-й и 6-й латышские стрелковые полки, восторженно встреченные трудящимися города. Вместе со стрелками в Валку прибыло Советское правительство Латвии во главе с его председателем П. Стучкой.

Новое Советское правительство Латвии 22 декабря 1918 г. было признано правительством РСФСР. Декрет⁴⁷, подписанный В. И. Лениным, признавал независимость Советской Республики Латвии и вменял в обязанности всем соприкасавшимся с Латвией военным и гражданским властям Советской России оказывать Советскому правительству Латвии и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Латвии от ига буржуазии.

После нескольких дней пребывания в Валке латышские стрелковые полки 2-й бригады двинулись далее в направлении на Валмиеру. По пути к ним примкнули значительные отряды добровольцев. Из числа руиенских добровольцев был создан отдельный Валмиерский добровольческий полк. Валмиера была занята латышскими стрелками 22 декабря, и здесь, так же как и в Валке, население оказало советским войскам восторженную встречу. Вслед за Валмиерой уже на следующий день, 23 декабря, был занят Цесис. Оккупантов и белогвардейцев теснили также части Красной Армии, наступавшие со стороны Даугавпилса, который был освобожден Красной Армией еще 9 декабря 1918 г. Продолжая свое продвижение, советские войска 27 декабря заняли Скривери и приближались к Огре.

Наиболее опасным для себя немцы считали все-таки наступление 2-й латышской бригады, которая, заняв Цесис, неудержимо рвалась к Риге. По приказу английского адмирала Синклера немцы спешно готовили оборону Риги, формируя отряды добровольцев для оказания отпора латышским стрелкам. Из солдат германских оккупационных войск спешным порядком была сформирована на добровольческих началах так наз. «железная дивизия», которая была выдвинута в качестве заслона против наступающих латышских стрелков и размещена в оставшихся от мировой войны окопах в окрестностях Цесиса. Но немцы не в силах были противостоять натиску латышских стрелков, рвавшихся к Риге. 23 декабря «железная дивизия» была отброшена. Отступая в сторону Риги, немцы пытались оказать противодействие наступающим стрелкам у Сигулды и, наконец, собрав все свои последние силы, — у Инчукална. В окопах, вырытых и укрепленных в годы мировой войны, остатки «железной дивизии», пополненные немецким ландесвером и оснащенные новейшей техникой, сделали последнюю попытку остановить стрелков. Но и здесь оккупанты были наголову разбиты, причем две роты ландесвера, состоявшие в основном из сыновей прибалтийских баронов, были полностью уничтожены.

Рис 17. Вступление латышских стрелков в январе 1919 г. в освобожденную Ригу.

Рис. 18. Председатель правительства Советской Латвии П. Стучка (в центре), зам. председателя правительства и председатель Реввоенсовета армии Советской Латвии Ю. Данишевский (крайний слева) и военный комиссар Советской Латвии К. Петерсон (крайний справа) в январе 1919 г. в Риге.

После жестокого разгрома «железной дивизии» и ландесвера у Инчукална дорога на Ригу для стрелков была открыта.

Пытаясь любыми средствами хоть сколько-нибудь задержать наступавших стрелков, немецкое командование отдало распоряжение взорвать мост через Юглу. Но и это не могло спасти положения. В ночь на 3 января 1919 г. началось вооруженное восстание рабочих Риги, руководимых нелегальными партийными организациями и Ревкомом. 3 января 1919 г. вечером латышские стрелки вошли в Ригу, над которой было поднято интернациональное красное знамя власти Советов.

За бои у Инчукална правительство РСФСР наградило 1-й и 4-й латышские стрелковые полки и 4-ю латышскую батарею, входившие в состав 2-й латышской стрелковой бригады, почетным Красным Знаменем.

Латышские стрелки совершили исторический подвиг — они помогли латышским рабочим, безземельным и малоземельным крестьянам создать в Латвии рабоче-крестьянское государство и взять власть в свои руки. Рабочие и крестьяне Латвии, поднявшись до положения хозяев своей страны, вступили на новый исторический путь — путь к социализму. Родившаяся в революционных боях Социалистическая Советская Республика Латвии была знаменем борьбы для трудящихся Латвии во все последующие тяжелые годы господства буржуазии.

Победу, одержанную латышскими стрелками над оккупантами и белогвардейцами, нужно было закрепить. 6 января 1919 г. Советское правительство Латвии приняло постановление о создании армии Советской Латвии для освобождения ее территории от немецких войск и белогвардейцев и обеспечения ее границ от возможного вторжения врага. В состав армии целиком была включена Латышская стрелковая дивизия, за исключением 5-го Земгальского полка, который находился в Серпухове при штабе главнокомандующего вооруженными силами РСФСР.

Армию Советской Латвии намечалось создать в составе двух стрелковых дивизий и кавалерийской части. В феврале 1919 г., до мобилизации, в этой армии числилось 12 тыс. штыков и сабель. Основной контингент бойцов составляли стрелки Латышской дивизии, пришедшей в Латвию из Советской России. Армия Советской Латвии входила в состав Западного фронта. Действовала она на линии Выру—Валка—Айнажи—Рига—Вентспилс—Елгава—Шяуляй—Даугавпилс. Армию возглавлял Революционный военный Совет, председателем которого был Ю. Данишевский, а членами — Я. Ленцман, Р. Баузе, Д. Бейка, А. Дауман и др. Командующим армией был назначен бывший подполковник П. Авен⁴⁸. Штаб и Революционный военный Совет армии Советской Латвии находились в Даугавпилсе.

Благодаря победе рабочих, трудящихся крестьян и армии Советской Латвии в Риге уже 13 января собрался высший орган Советской власти в Латвии — Вселатвийский съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов, который принял Конституцию Советской Латвии и избрал Советское правительство во главе с Петром Стучкой. С приветствием от ЦК партии и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета на съезде выступил Я. М. Свердлов. В своей речи он сказал: «В вашем лице приветствую I съезд рабочих, безземельных и стрелковых депутатов Латвии. Я приветствую от имени Центрального Исполнительного Комитета в вашем лице те десятки тысяч, которые своей кровью добыли эту свободу. В Вашем лице я приветствую те массы, которые в борьбе за возвращение своих прав, которые у них отнял германский империализм, подготовили тот праздник, который мы празднуем сейчас. Товарищи, ни с одной другой частью мира мы не связаны так тесно, как мы связаны с Красной Латвией».

На основе решений Первого Вселатвийского съезда Советов в труднейших условиях гражданской войны и разрухи рабочие и крестьяне Латвии приступили к построению нового, социалистического общества, к созданию общественного строя без помещиков и капиталистов, без эксплуатации человека чело-

веком. Советское правительство Латвии провело национализацию всех крупных промышленных и торговых предприятий, банков и кредитных учреждений, была проведена национализация всей земли и конфискация всех имений с живым и мертвым инвентарем без всякого вознаграждения бывшим собственникам.

В Риге и по всей Латвии восстанавливались старые и создавались новые промышленные предприятия, предпринимались шаги к использованию энергии Даугавы и пр. При Советской власти были введены 8-часовой рабочий день, социальное страхование рабочих, охрана труда и приняты меры к улучшению материального положения рабочих и их жилищных условий. Большая работа была проведена в области народного просвещения и культуры. Все эти мероприятия осуществлялись под защитой вооруженных сил Советской Латвии, сдерживавших напор контрреволюционных сил. Огромная созидательная работа трудящихся Социалистической Советской Республики Латвии в 1919 г. осуществлялась при братской помощи других советских республик.

Экономическое и военное положение Советской Латвии, однако, продолжало оставаться напряженным. Страна была разорена войной, опустошена и разграблена оккупантами. В. И. Ленин на чрезвычайном пленуме Московского Совета 3 апреля 1919 г. говорил: «Товарищ из Латвии говорил о том, в какое положение попали тамошние товарищи. Большая часть страны переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления, — бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск. Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки»*.

Значительные успехи армии Советской Латвии в борьбе с врагами оказались все же недостаточными для окончательного закрепления достигнутых результатов, так как силы армии Советской Латвии были ограничены. Между тем на Советскую Латвию, как на наиболее выдвинутый на запад аванпост Советской власти, был направлен комбинированный удар международной контрреволюции.

После окончания мировой войны международная контрреволюция сосредоточила свои силы на борьбе с Советской Россией. Наилучшим плацдармом для нанесения ударов по Советской России империалисты Антанты считали Прибалтику.

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 231—232.

Посланник США в Швеции Моррис еще в декабре 1918 г. телеграфировал государственному секретарю Лансингу: «Наилучшим местом для военных действий против большевиков будут Прибалтийские провинции и Финляндия. Их выдвинутое географическое положение, их порты и железные дороги, их близость к Петрограду... отсутствие укреплений на дорогах, ведущих к столице... трудность для большевиков в организации снабжения в этих уже опустошенных районах — все говорит в пользу подобных операций». В водах Балтийского моря с начала декабря находились английская эскадра и финский флот, насчитывавшие 10 крейсеров, 25 миноносцев и свыше 30 мелких судов. Тогда же буржуазному правительству Эстонии, при всемерной поддержке Англии, широко снабжавшей белоэстонскую армию снаряжением, амуницией и инструкторами, а также при помощи Швеции, Дании и Финляндии, усилившими эту армию своими добровольцами, удалось сформировать белоэстонскую армию в количестве 24 тыс. штыков и сабель.

В начале января 1919 г. VII красная армия и входившая в ее состав Эстонская советская дивизия⁴⁹, перед которой была поставлена задача освободить Таллин (Ревель), потерпели вблизи Таллина серьезное поражение, после чего белоэстонская армия, поддержанная английским флотом, повела энергичное наступление в направлении на Нарву и Псков и заняла Нарву.

Белоэстонское правительство провело на захваченной территории насильственную мобилизацию в свою армию и использовало ее не только для подавления революции у себя в стране, но и против Советской России.

Белоэстонская армия выступила также против Советской Латвии и начала наступление на Валку и Алуksне. Наступление белоэстонцев на север Латвии и занятие ими Валки вынудили командование армии Советской Латвии изменить свои стратегические планы и вместо завершения операций по разгрому немцев и белолатышей в Курземе перебросить основные вооруженные силы на север Латвии для отражения наступления белоэстонцев. Таким образом, важнейшая задача по очищению всей республики от немецких и белогвардейских войск осталась невыполненной. Важный в стратегическом отношении район — г. Лиепая и его окрестности — остался в руках противника. Немецкие войска смогли не только прочно закрепиться там, но и поддерживать прямую связь с Германией.

Между тем вначале наступление стрелков в Курземе развивалось весьма успешно. В течение января 1919 г. отряды Красной Армии, имея в передовых частях латышских стрелков, быстро продвигались вперед от Риги на запад и от Даугав-

пилса в глубь Курземе и, не встречая серьезного сопротивления, занимали один город за другим. Преследуя отступавшие части немецкой «железной дивизии» и ландесвера, а также роты белолатышей, революционные латышские стрелки 9 января заняли Елгаву. Вслед за тем были заняты Добеле, Талсы, Ауце. В городах Курземе, как и Видземе, наступлению стрелков предшествовали вооруженные выступления трудящихся. Так, например, г. Тукум за неделю до прихода стрелков был уже в руках восставших рабочих и крестьян. При освобождении Курземе далеко вперед выдвинулись красные кавалерийские части. В Тукум первым вступил 3-й особый латышский кавалерийский дивизион. Этот же дивизион получил затем приказ занять также Вентспилс, где находился хорошо оснащенный белогвардейский отряд, базировавшийся на двух кораблях в Вентспилсской гавани. Как рассказывает в своих воспоминаниях командир дивизиона Урбанович, в Вентспилс был послан один из членов Вентспилсской партийной организации, с тем чтобы помочь рабочим поднять в городе восстание и организовать взрыв кораблей, служивших базой белогвардейцам, и тем самым отрезать им путь к отступлению. Эта операция была блестяще выполнена. И 30 января, когда дивизион занял город, отряд белогвардейцев, оставшийся без кораблей, был полностью уничтожен.

После успешного занятия Вентспилса армии Советской Латвии в Курземе оставалось освободить только Лиепаю, где были сосредоточены главные силы отступавших немцев и белолатышей. Но, как указано выше, наступление белоэстонцев на севере, захват ими Валки, а также неудачи Красной Армии в Литве и Белоруссии вынудили советское командование прекратить наступление в Курземе и перебросить войска на север Латвии.

Создавшееся здесь в конце января 1919 г. положение было следующим. Вдоль восточных берегов Чудского и Псковского озер стояла 10-я дивизия VII армии и входившие в нее советские эстонские части. Далее в сторону моря фронт занимала Видземская группа войск Советской Латвии — 1-я латышская дивизия, штаб которой находился в Цесисе; командующим дивизией был А. Мартусевич⁵⁰, начальником штаба — К. Шведе⁵¹. Видземская группа состояла из трех бригад; 3-я бригада под командованием И. Штейна занимала фронт напротив Руиены — от Айнажи до Стренчи, 2-я бригада под командованием А. Фрейберга⁵² и комиссара Р. Апина⁵³ имела задачу вернуть Валку, а 2-я бригада 2-й латышской дивизии, так наз. Алуксненская группа, под командованием П. Матисона⁵⁴ сдерживала значительные белоэстонские силы, захватившие к концу января Тарту, Выру и Валку и направлявшие свой удар

против Пскова. Силы противников были слишком неравными. Латышские стрелки имели против себя врага, во много раз превосходившего их как по количеству, так и по боевой технике.

Несмотря на крайне тяжелые условия, части армии Советской Латвии, отстаивая свою родину, проявляли мужество и героизм. Впоследствии Реввоенсовет РСФСР и главком

Рис. 19 Боевое знамя ВЦИК 7-му латышскому стрелковому полку.

С. Каменев⁵⁵ приказом от 7 декабря 1919 г. отметили боевые заслуги латышских стрелков. 7-й стрелковый полк армии Советской Латвии за проявленное геройство в январских и февральских боях против белоэстонцев у Валки и Салацы был от имени ВЦИК награжден почетным Красным Знаменем революции.

Однако положение на севере Видземе, вследствие значительного перевеса сил противника, продолжало оставаться напряженным.

В это же время в Германии, после разгрома спартаковцев, буржуазная контрреволюция, особенно военщина, развернула активную деятельность, чтобы вернуть себе утраченные на востоке позиции. И. Вациетис в своем докладе В. И. Ленину

в феврале 1919 г. писал: «На фронте Либава—Ковно—Гродно—Белосток формируются германские добровольческие батальоны, из которых зарегистрирован уже 21 батальон. Имеются достоверные данные о намерении Германии восстановить свой Восточный фронт с тыловым районом Мемель—Вержболово—Лык. Воззвание главнокомандующего этим фронтом Гинденбурга определенно указывает на основную задачу германской добровольческой армии — борьбу с большевизмом в РСФСР. Силы этой армии, по агентурным сведениям, могут быть доведены к весне до 3 полных корпусов численностью не менее 150 тысяч штыков».

Один из этих корпусов — 6-й корпус — спешно создавался немцами в Курземе в районе Лиепай. 1 февраля 1919 г. германское правительство назначило вернувшегося из Финляндии после усмирения финских рабочих генерала фон дер Гольца губернатором Лиепай и командующим 6-м корпусом с подчинением ему всех имевшихся там войск — «железной дивизии», отряда русских белогвардейцев под командованием князя Ливена, баронского ландесвера, включая и белолатышские роты. Для усиления белогвардейских войск в Германии и других странах Западной Европы, особенно в Дании и Швеции, при щедрой поддержке Антанты развернулась вербовка всякого рода авантюристов и головорезов, искавших счастья в войне и разбое. Весь этот сброд в качестве «добровольцев» использовался для борьбы с большевиками в Латвии. Тысячи авантюристов-добровольцев, соблазненных возможностью легкой наживы, вступали в «железную дивизию» и ландесвер, тем более, что добровольцам было обещано латвийское гражданство и земля в Курземе.

К марту 1919 г. в Курземе, в районе Лиепай, под командованием Гольца находилась уже сорокатысячная контрреволюционная армия. Один только 6-й резервный корпус насчитывал вместе с резервами 24 тыс. человек. Корпус состоял из 34 батальонов, 12 эскадронов и 21 артиллерийской батареи в составе 14 тыс. штыков и 1150 сабель при 610 пулеметах и 84 пушках.

Для отражения армии Гольца и всех контрреволюционных сил в Курземе армия Советской Латвии имела в начале марта только три бригады, насчитывавшие 6400 штыков и 487 сабель, 184 пулемета и 22 пушки. Таким образом, по количеству войска Гольца втрое превосходили войска Советской Латвии в Курземе.

Кроме войск Гольца, с юга на Советскую Латвию наступали и белополяки, которые, заняв Вильнюс и разгромив Советскую власть в Литве, двигались к Даугавпилсу.

К весне военное положение Советской Латвии резко ухуд-

шилось. Советская Россия, в связи с усилившимся нажимом на нее со стороны международной контрреволюции и развернувшимся на востоке страны наступлением Колчака, не могла оказать Советской Латвии военной помощи, хотя фронты Советской Латвии являлись частью общего фронта Советской России против интервентов и внутренней контрреволюции. На Западе весной 1919 г. против Советской России выступали объединенные силы Финляндии, Эстонии, Германии и Польши общей численностью до 250 тыс. штыков при всесторонней помощи Антанты. Для противодействия наступлению интервентов Советская Россия имела на Западном фронте XII армию, Западную армию и армию Советской Латвии общей численностью в 82 тыс. штыков и сабель.

Войска Гольца в Курземе, укрепившись по всему левому берегу р. Венты, а также захватив г. Вентспилс, в начале марта 1919 г. перешли в наступление и заняли Мажейкяй и Ауце, 10 марта — Салдус, 15 — Тукум. Таким образом, большую часть Курземе и курземское побережье Балтийского моря снова захватили немцы.

Латышские стрелки оказывали героическое сопротивление наступавшему врагу. Ожесточенно дрались солдаты пролетарской армии Латвии, отстаивая каждую пядь своей земли от чужеземных захватчиков, от наемников империалистических держав. Но под напором превосходящих сил противника стрелки вынуждены были отступать. 19 марта войска Гольца заняли Елгаву и укрепились на берегах Лиелупе от Елгавы до Слоки. Враг оказался в 30 километрах от Риги. 25 марта части армии Советской Латвии предприняли контрнаступление с целью освободить Елгаву, но эта операция окончилась неудачей.

В связи с создавшимся на фронтах угрожающим положением 26 марта в Риге состоялось военное совещание руководителей партии и правительства Советской Латвии, на котором присутствовали председатель правительства П. Стучка, председатель Реввоенсовета армии Ю. Данишевский, командующий армией П. Славен, Я. Ленцман, Я. Берзинь-Зиемелис, О. Карклинь, Карл Петерсон, Мангул, П. Авен, Пече, Э. Берзинь, И. Томашевич, Думпис, А. Дауман и Р. Берзинь. На этом совещании командующий Курземской группой войск Советской Латвии Авен в самых мрачных красках обрисовал положение на фронте. По сведениям Авена, в районе Бауски—Тукума Гольц имел до 30 тыс. человек пехоты и 3 тыс. кавалерии, 300 пулеметов и 80 пушек. Силы Советской Армии, по словам Авена, были крайне слабы; группа К. Стуцки⁵⁶ имела только 2554 штыка и 521 саблю, всего 5378 бойцов и 1861 лошадь. Находившиеся далее в сторону Даугавпилса советские войска,

Рис. 20. Латышские стрелки на первомайской демонстрации в Риге в 1919 г.

как сообщил Авен, были деморализованы неудавшимся наступлением на Елгаву. Поэтому, заявил командующий, необходимо оставить Ригу, чтобы спасти армию. Против этого предложения решительно высказались П. Стучка, Ю. Данишевский, а также Я. Ленцман и О. Карклинь. Все они настаивали на необходимости защищать Ригу до последней возможности. На совещании было решено сделать 30 марта новую попытку отбить у врага Елгаву. Но и это наступление советских войск закончилось неудачей. Войска Гольца, оставаясь в Елгаве, занимали берега Лиелупе и создавали постоянную угрозу Риге.

Неудачным было также предпринятое 17 марта 1919 г. армией Советской Латвии наступление на белоэстонском фронте с целью выравнять линию фронта и освободить Валку и Руиену от белоэстонцев. Белоэстонская армия отразила наступление и, потеснив у Алуksне советские войска, создала угрозу прорыва фронта в районе Алуksне—Пыталово. Дальнейшее наступление белоэстонцев на юг и наступление белополяков с юга в направлении на Даугавпилс выявили планы интервентов зажать армию Советской Латвии в клещи. В докладе за № 2764 от 1 апреля 1919 г. о положении на фронте начальник штаба Западного фронта Доможиров, анализируя действия противника, указывал, что противник стремится занять кратчайшим путем линию Псков—Даугавпилс и этим поставить в критическое положение Видземскую и Курземскую группы Красной Армии (т. е. армию Советской Латвии). Командование армии Советской Латвии, чтобы сорвать этот план интервентов, решило нанести противнику контрудары как на севере, так и на юге. Поэтому начиная с 17 апреля и по 1 мая три бригады Видземской группы поочередно вступали в бой с белоэстонцами, чтобы оттеснить их дальше на север и освободить Валку и Выру. Но белоэстонцы отвечали на все удары советских войск энергичным контрнаступлением. Апрельская операция Видземской группы не дала результатов. Выру и Валка остались в руках противника.

В мае значительно ухудшилось и положение в Курземе. На стороне немцев был слишком большой перевес сил, и все попытки командования армии Советской Латвии энергичным ударом отбросить войска Гольца от Риги оставались безуспешными. В первой половине мая 3-й бригаде 2-й дивизии армии Советской Латвии под командованием Ф. Калныня⁵⁷ было дано задание занять Бауску. Упорные бои в районе Бауски продолжались с 19 по 22 мая, но выполнить поставленную задачу армии Советской Латвии так и не удалось. Наступление было отбито правым флангом войск Гольца. В то же время «железная дивизия» и ландесвер стремительным ударом смяли

стоявший под Ригой заслон советских войск и 22 мая ворвались в Ригу. Так как все более или менее боеспособные полки армии Советской Латвии находились на севере и юге республики, а защиту Риги осуществляли недавно мобилизованные полки, в которых почти не было старых опытных стрелков, прошедших боевой путь на фронтах гражданской войны, красная Рига пала.

26 мая в связи с падением Риги Реввоенсовет обратился к армии с приказом № 155 за подписью Ю. Данишевского, Р. Баузе, Ю. Межиня, Я. Ленцмана и командующего армией П. Славена, в котором говорилось: «На армию Советской Латвии обрушилась вся тяжесть международной контрреволюции. Против армии Советской Латвии идут войной наймиты немецких баронов, юнкеров и социал-империалисты, наймиты латышских и эстонских буржуев и помещиков Литвы и Польши. Всю эту армию международной денежной и земельной аристократии... снабжает Антанта — банкиры Америки, Англии и Франции... Армия Советской Латвии отходит с боем, чтобы собрать и сплотить свои силы». В эти же дни белоэстонцы и банды оголтелого белобандита Булак-Балаховича, пользуясь неудачами армии Советской Латвии у Риги, захватили Псков и учинили там зверскую расправу над псковскими рабочими и коммунистами.

Однако цель, которую ставила перед собой международная контрреволюция — захватить армию Советской Латвии в мешок, перерезав ее коммуникации путем комбинированного удара белоэстонцев с севера и белополяков вместе с Гольцем с юга и запада, — не была достигнута. Армия Советской Латвии, хотя и со значительными потерями, вышла из окружения и заняла новые оборонительные позиции в Латгалии. 30 мая 1919 г. она была переименована в XV армию Западного фронта Красной Армии РСФСР.

Основной причиной поражения армии Советской Латвии безусловно следует считать превосходство сил противника, а также неудачи советских войск на смежных фронтах. Эти неудачи оголили фланги армии Советской Латвии и оставили ее одну лицом к лицу с многократно превосходящими силами интервентов и контрреволюционеров.

После падения Риги председатель Реввоенсовета Ю. Данишевский и командующий армией Советской Латвии П. Славен 30 мая телеграфировали главкому, что падение Риги не произвело особенно сильного отрицательного воздействия на моральное состояние армии Советской Латвии, хотя некоторые части сильно пострадали. Но таких частей было немного, и они восстанавливались и спешно пополнялись. Значительно более опасный удар армии был нанесен прорывом у Пскова,

в связи с чем возникла угроза г. Острову и железнодорожному узлу Пыталово. Все же армия Советской Латвии справилась с обрушившимися на нее трудностями.

Как указывалось в постановлении ЦК КПЛ от 25 июня 1919 г., после падения Риги армия вышла из окружения и организовано, сохраняя боевой порядок, заняла новые позиции на востоке Латвии, в Латгалии. При отступлении армии была спасена артиллерия, а также хозяйственная часть армии. Из мешка вышло более 60 процентов людского состава всех полков, а старых кадровых стрелков — даже 90 процентов. В армии спешным порядком были сформированы ударные части, и она снова была готова принять бой. Свои боевые качества XV армия и латышские полки снова показали в августе 1919 г., когда после недельного боя 26 августа 2-й латышский стрелковый полк овладел Псковом и прекратил там бесчинства белогвардейских бандитов. Латышская дивизия была основной боевой силой XV армии. 10 сентября приказом за № 44/оп по Западному фронту за подписью командующего фронтом Гиттиса и начштаба Петина от имени Совета труда и обороны XV армии было выражено «товарищеское спасибо» за взятие Пскова.

2-й латышский полк, который при защите Риги от войск Гольца принял на себя главный удар противника и понес очень большие потери, 30 августа вместе с 1-м латышским стрелковым полком разбил белополяков и белолатышей у Даугавпилса

Рис. 21. Латышские стрелки в окопах на Латгальском фронте летом 1919 г.

и тем самым спас на время этот город от захвата его силами контрреволюции. 2-й латышский полк штыковым ударом отбросил противника, который уже переходил мост у Даугавпилса.

В боях с белогвардейцами за Советскую власть в Латвии в 1919 г. латышские стрелки распознали звериное лицо интервентов и белогвардейцев — немецких баронов и латышской буржуазии. Из опыта этой борьбы стрелки вынесли лютую ненависть ко всем эксплуататорам и в дальнейшем с еще большей преданностью партии и Советской власти сражались на фронтах гражданской войны за победу социализма. Латышские стрелки хорошо понимали, что только победа Советской власти в России может обеспечить существование свободной трудовой Латвии.

ЛАТЫШСКАЯ СОВЕТСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

ПРОТИВ ДЕНИКИНА

После падения красной Риги и отступления латышских стрелков в Латгалию части бывшей Латармии — теперь XV армии Западного фронта, командующим которой 1 августа 1919 г. был назначен А. Корк, заняли новую выровненную оборонительную линию от г. Острова под Псковом до Даугавпилса. Отступившие части срочно приводились в порядок, полки переформировывались и доукомплектовывались. В XV армии латышские полки снова были сведены в Латышскую советскую стрелковую дивизию в составе 10 пехотных и одного кавалерийского полка. Командующим дивизией был назначен А. Мартусевич, начальником штаба — К. Шведе. Комиссаром

Рис. 22. Латышские стрелки в Могилеве на Западном фронте в сентябре 1919 г. перед переброской их на Южный фронт против Деникина.

Рис. 23. Латышские стрелки под Орлом в октябре 1919 г.

дивизии был К. Дозит. В последующие два месяца Латышская дивизия полностью восстановила свою прежнюю боеспособность и снова сражалась на самых ответственных фронтах Советской России.

В первых числах сентября 1919 г. Латышская дивизия получила приказ перейти в распоряжение XVI армии в Могилев. 9 сентября 1919 г. части дивизии прибыли из Даугавпилса в Могилев. Отсюда дивизия походным порядком в четыре перехода была двинута к р. Березине с заданием форсировать ее и захватить крепость Бобруйск, занятую белополяками. Но она не успела еще достигнуть Березины, как была спешно возвращена назад в Могилев и оттуда переброшена на Южный фронт в район г. Орла. Здесь Латышская стрелковая дивизия своими боевыми подвигами вписала славную страницу в историю гражданской войны.

1919 г. был тяжелым годом для Советской республики в связи с грозным положением, сложившимся на фронтах гражданской войны.

В марте 1919 г. на Восточном фронте в направлении к Волге началось развернутое наступление огромной 400-тысячной белогвардейской армии Колчака. Это наступление было организовано державами Антанты и поддержано их войсками в Сибири. Используя имевшееся в начале наступления превосходство своих сил, колчаковские армии овладели Уфой, Бугульмой и рядом других городов к востоку от Волги. Колчаковцы приближались к Самаре, угрожая овладеть Поволжьем и соединиться с белогвардейскими армиями Деникина, чтобы объединенными силами ударить на Москву.

Рис. 24. На деникинском фронте. Артиллерия латышской бригады в походе.

Для предотвращения нависшей угрозы в стране в начале апреля была проведена всеобщая мобилизация. Кроме того, по призыву партии на колчаковский фронт отправились 20 тыс. коммунистов и 60 тыс. рабочих с различных предприятий страны. Партия и Советское правительство всколыхнули на борьбу с силами старого мира широкие слои рабочих и крестьян. Подняв трудовой энтузиазм рабочего класса и крестьянства, партия и правительство смогли значительно улучшить снабжение фронтов продовольствием, снаряжением и обмундированием. Летом 1919 г. наступление колчаковских войск было остановлено, и инициатива перешла в руки командования Красной Армии. Развивая достигнутые успехи, Красная Армия наносила врагу одно поражение за другим. 9 июня была освобождена Уфа, а 1 июля взята Пермь. Красная Армия продолжала гнать врага за Урал. 13 июля красные войска вступили в Златоуст, 14 — освободили Екатеринбург, а 25 — Челябинск. Перед Красной Армией стояла задача окончательного очищения от белогвардейцев Урала и Сибири.

Одновременно с отражением наступления колчаковских войск на Восточном фронте Советская республика должна была вести напряженную борьбу на Северо-Западном и Северном фронтах, где весной 1919 г. при непосредственной поддержке держав Антанты, белогвардейские армии и войска интервентов также начали наступательные действия.

Непосредственная угроза нависла над Петроградом. Белогвардейский «Северный корпус» и белоэстонцы 25 мая заняли древний русский город Псков. В июне белогвардейцами был организован мятеж на трех военных фортах под Петроградом. На севере отряды английских интервентов и белогвардейцев от Мурманска повели наступление на Котлас.

Белополяки, участвуя в общем стратегическом плане международной контрреволюции, направленном на захват прибалтийских советских республик, летом 1919 г. развернули активные военные действия в Литве и Белоруссии. Ими были заняты Вильнюс, Молодечно и 8 августа — Минск.

Советский народ ценою напряжения всех своих сил отбил удары врагов как на востоке, так и на западе. Мятежи на военных фортах были ликвидированы в течение двух-трех дней и белобандитам на Петроградском фронте было нанесено поражение, Псков был освобожден и белогвардейцы отошли в Эстонию. Красной Армии удалось также остановить наступление белогвардейцев и интервентов на севере и белополяков в Белоруссии.

Но летом 1919 г. резко ухудшилось положение на юге страны, где белогвардейская армия царского генерала Деникина, включавшая отборные офицерские дивизии, ударные кавалерийские части, оснащенная и снабжаемая Антантой, имевшая бронепоезда и авиацию, стремительно рвалась к сердцу революции — Москве. Деникину удалось создать армию в 100 тыс. штыков, 50 тыс. сабель и 600 пушек. Костяк его армии составляло русское белогвардейское офицерство, бежавшее на Дон и Кубань после Октябрьской революции. Деникинский фронт тянулся от Волги до Днепра. Сильно вырвавшаяся вперед группа белогвардейских войск на решающем направлении, от Харькова на Орел, имела 45 тыс. штыков, 14 тыс. сабель и 200 пушек. Впереди этих войск, находившихся под командованием генерала Май-Маевского, шел корпус известного палача рабочего класса и трудового крестьянства генерала Кутепова, в состав которого входили корниловская офицерская дивизия, алексеевская пехотная дивизия и марковская офицерская бригада. Войска Деникина на Орловском направлении имели задачей захват Орла и арсенала Советской республики — Тулы, а конечной своей целью — занятие Москвы.

Путь на Москву деникинцам преграждали войска Южного фронта Красной Армии. На этом фронте было до 104 тыс. штыков, 14 тыс. сабель и 607 пушек. Но советские войска медленно отступали под усиливавшимся натиском хорошо подготовившегося к наступлению противника и особенно вследствие

очень тяжелого положения с продовольствием и плохим снабжением боеприпасами.

На Южном фронте решалась судьба революции. Для спасения республики необходим был перелом на фронте. На борьбу с Деникиным по призыву партии поднялся весь народ. Еще в июле В. И. Ленин писал: «Советская республика осаждена врагом. Она должна быть *единым военным лагерем* не на словах, а на деле. Всю работу всех учреждений приспособить к войне и перестроить по-военному!»*

К осени положение на деникинском фронте стало еще более напряженным. Чтобы дезорганизовать тыл Красной Армии и распылить ее силы, Деникин бросил в рейд по тылам советских войск конницу генерала Мамонтова в составе трех кавалерийских дивизий и пешего отряда при бронемашинах и артиллерии. Рейд Мамонтова нарушил связи между штабами армий Южного фронта, отвлек на себя значительные силы Красной Армии, внес большое расстройство в ее тылы и посеял панику среди неустойчивых частей. Рейд этот облегчил деникинским войскам дальнейшее продвижение к Туле. Наступил опасный момент для Советской страны. Необходимо было организовать все силы для контрударов. Под личным руководством В. И. Ленина 21 и 26 сентября состоялся пленум ЦК партии. Пленум рассмотрел положение на фронтах и утвердил ряд чрезвычайных мероприятий для создания решительного перелома на Южном фронте и укрепления его отборными частями. Одним из этих мероприятий было создание на Южном фронте ударной группы для нанесения удара по орловской группе белых. В группу должны были войти Латышская стрелковая дивизия, бригада Павлова и бригада червонного казачества.

В то же время для удара по войскам Деникина с юго-востока и для разгрома конницы Мамонтова и Шкуро в распоряжение VIII армии направлялась красная конница — 1-й конный корпус под командованием С. М. Буденного.

Латышская дивизия тогда еще находилась на Западном фронте. В. И. Ленин поручил члену Реввоенсовета Западного фронта Серго Орджоникидзе лично организовать скорейшую отправку Латышской дивизии с запада в район Орла. Районом переброски были намечены Навля—Брасово, Комаричи—Дмитриев. Но пока шло перебазирование Латышской дивизии, Дмитриев уже был занят деникинцами, и разгрузку эшелонов пришлось произвести значительно севернее. Тыловой железнодорожный узел Навля, где должны были разместиться штаб и полевые учреждения группы, надо было срочно разгружать от

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 403.

загромождавших его эшелонов тыловых учреждений отступавших 41-й, 46-й и 57-й дивизий XIV армии. 5 октября 1919 г. Латышская дивизия находилась уже под Орлом и готова была начать боевые действия. 9 октября приказом по войскам Южного фронта за № 10726 командующий фронтом объявил, что в его распоряжение передана Латышская стрелковая дивизия, пластунская бригада Павлова и бригада червонного казачества Примакова, из которых создается ударная группа под руководством начальника Латышской дивизии Мартусевича для нанесения решительного удара по наступающему противнику. Всего в состав ударной группы входило свыше 11 тыс. бойцов; Латышская стрелковая дивизия насчитывала 8300 штыков и 600 сабель, бригада червонного казачества Примакова — 800 сабель и пластунская бригада Павлова — 1000 бойцов.

Латышская дивизия была зачислена в XIII армию, преграждавшую противнику путь на Орел и Тулу. Согласно приказу по армии за № 114, Латышской стрелковой дивизии надлежало 10 октября занять район Кром для наступления на фронте Поныри — Фатеж и защиты Орла. 11—13 октября 1919 г. части ударной группы продвигались вперед в указанном направлении, вступая в небольшие стычки с противником. В это же время, 13 октября, деморализованные части XIII армии оставили Орел, и город был занят частями белогвардейской корниловской дивизии.

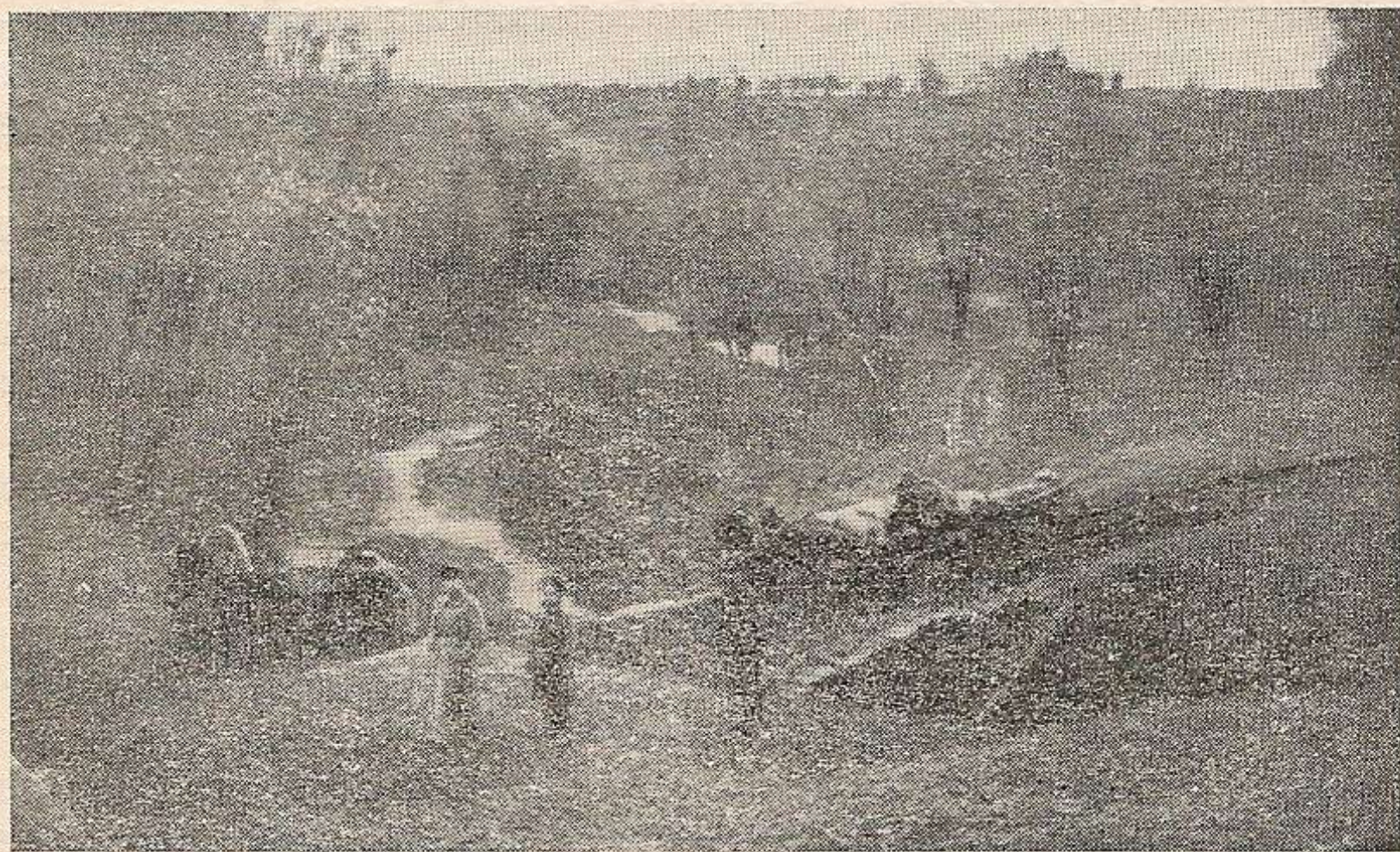

Рис. 25. Орловско-Кромское шоссе — место ожесточенных боев в октябре 1919 г.

На захват Орла деникинцами командование Южного фронта ответило контрнаступлением ударной группы на Кромы, создавая этим серьезную угрозу орловской группе противника со стороны тыла. Этим контрнаступлением ударной группы во главе с Латышской дивизией началась знаменитая Орловско-Кромская операция, продолжавшаяся свыше двух недель. Эта операция создала перелом на Южном фронте и положила начало разгрому всей деникинской белогвардейской армии.

Орловско-Кромская операция проходила в очень тяжелых условиях осеннего ненастья. В холод, дождь и туман бойцы Латышской дивизии и бригады червонного казачества, плохо одетые и плохо снабжаемые, в течение нескольких недель вели непрерывные бои с отборными, прекрасно вооруженными офицерскими полками Деникина, количественно во много раз превосходившими силы ударной группы.

15 октября латышские стрелки подошли к Кромам и к вечеру того же дня заняли город. Занятие Кром создало непосредственную угрозу для всей орловской группировки деникинцев. Белое командование принимало все меры, чтобы вернуть себе Кромы. Как видно было из перехваченного приказа по деникинской армии, белогвардейцы были вынуждены перебросить в этот район часть войск из только что занятого ими Орла. Против Латышской дивизии были двинуты из Орла 2-й корниловский полк с 5 орудиями и батальон марковцев, а также Кабардинский полк. На Кромы был выслан также белогвардейский бронепоезд «Гром победы». С другой стороны — на Дмитровск — из деникинского тыла была направлена бригада 5-го деникинского корпуса, а с левого фланга — Самурский полк. Бригада Павлова, не выдержав нажима белогвардейцев, стала отходить, но силами 2-й латышской бригады наседавшие белые были отброшены. 16—18 октября происходили непрерывные бои с переменным успехом. Развивая боевые действия, ударная группа во главе с Латышской дивизией наносила многочисленные удары офицерской корниловской дивизии, занимавшей Орел. 18 октября ударная группа получила приказ к вечеру 19 октября силами 2-й и 3-й латышских бригад и латышского кавалерийского полка занять Орел и близлежащую ст. Стишь. 19 и 20 октября под Орлом велись ожесточенные бои. Наступление грозных для белогвардейцев латышских стрелков и лихих кавалеристов заставило противника спешно оставить город. 20 октября приказом по Латышской дивизии за подписью вновь назначенного начальника дивизии Ф. Калныня и члена Реввоенсовета XIV армии Серго Орджоникидзе, постоянно в те дни находившегося в штабе дивизии, объявлялось: «Части ударной группы вступили в Орел

Рис. 26. Штаб 2-й латышской бригады в Орле после взятия города в октябре 1919 г.

20-го сего октября в 11 часов. Противник отошел от города Орла по направлению ст. Змиевка».

К. Галицкий в своей работе об Орловско-Кромской операции указывает на важное значение занятия Орла ударной группой: «Сам факт занятия Орла... имел огромное значение. Это был первый крупный успех частей ударной группы, так как отход белых от города Орла означал не только приостановку движения корпуса Кутепова на Москву, но и переход инициативы на сторону красных. Именно в этот период уже начала выясняться близость разгрома деникинщины. Перелом в положении фронта был почувствован бойцами и отразился на повышении их боеспособности».

Для развития достигнутого Латышской дивизией успеха приказом командующего дивизией от 21 октября 1-й, 2-й и 3-й латышским бригадам предписывалось повернуть на юг и продолжать преследование противника в южном направлении по линии железной дороги Орел—Курск и по шоссе Орел—Кромы—Фатеж—Курск.

Корниловцы, захватившие Орел, а теперь вынужденные его оставить, отошли в юго-восточном направлении, но 21 октября они возобновили свои атаки под Орлом на железнодорожную станцию Стишь, которая была занята 2-й латышской бригадой. Кровопролитный бой продолжался непрерывно в течение целого дня. Станция Стишь несколько раз переходила из рук в руки, пока, наконец, к ночи ею окончательно не завладели

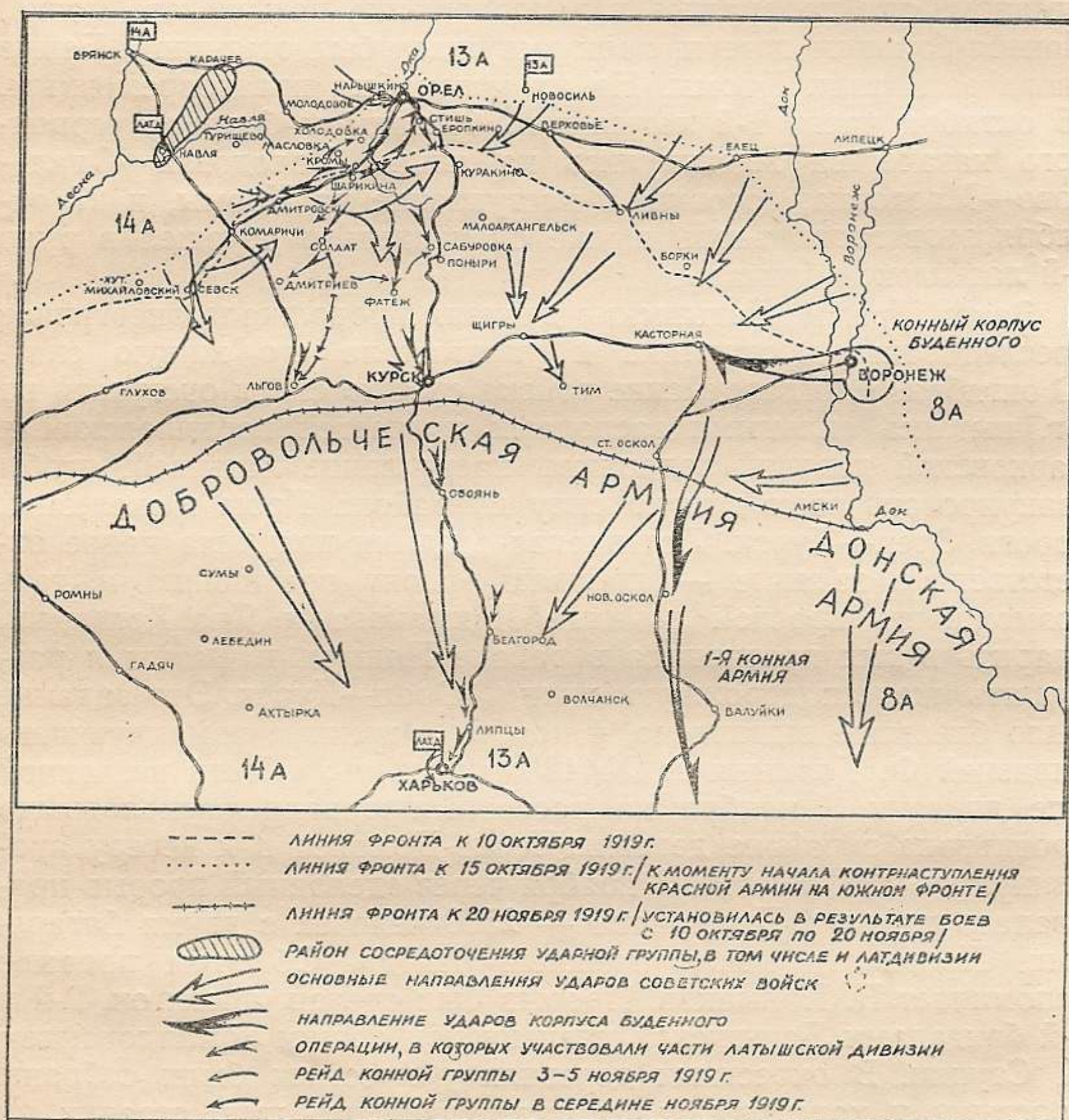
латыши, прочно укрепившиеся здесь. Об орловских боях В. И. Ленин писал: «Никогда не было еще таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые «корниловские», где треть состоит из офицеров наиболее контрреволюционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти» *.

Об этих же орловских боях рассказывал в одной из своих статей непосредственный участник их, член Реввоенсовета Республики Ю. Данишевский, находившийся в штабе Латышской дивизии. «В штабе Латышской дивизии ясно слышно, что совсем неподалеку идут сильные бои. Перехвачен приказ деникинцев, который подтверждает предположение нашего штаба, что белые намерены захватить Латышскую дивизию в клещи двумя группами — с севера и с юга и полностью уничтожить ее... 19 октября бои приняли еще более напряженный характер. Латышские стрелки и червонные казаки в плен не сдаются — раненые, если у них нет больше надежды попасть к своим, сами кончают с собой. Противник бросает против латышей свои лучшие офицерские корниловский, дроздовский, Самарский и александровский полки. 19 и 20 октября происходили самые ожесточенные бои, которые решили судьбу Орла и всего Южного фронта». Об этих боях бывший командующий Южным фронтом А. Егоров писал: «В самый тяжелый период нашей гражданской войны в октябре 1919 года, когда самому существованию Советской страны угрожала смертельная опасность, банды Деникина, заняв Орел, имели устремление и приказ Деникина захватить Москву. Латышские стрелки своим героическим натиском и беззаветной преданностью делу пролетарской революции сломили упорство врага и положили начало разгрому сил всей южной контрреволюции. Удар латышских стрелков под Орлом является для страны Советов и завоеваний Октябрьской революции одним из наиболее героических подвигов, занимавших одну из первых страниц в истории нашей Красной Армии». С. М. Буденный писал, что «моральное значение успеха Орловской операции в том, что он поднял упавший было дух наших войск и вселил в них новую веру в победу».

Одновременно решающие события разворачивались юго-восточнее Орла, около Воронежа. В то время, когда корниловская дивизия занимала Орел, VIII красная армия была взята в клещи со стороны Воронежа соединившейся белогвардейской конницей Шкуро и Мамонтова, а со стороны Боброва — 3-м

* В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 62.

конным корпусом белых. На разгром конницы Мамонтова и Шкуро был брошен 1-й конный корпус Буденного. «Назревал один из знаменательных моментов гражданской войны, — писал С. М. Буденный. — Лицом к лицу столкнулись на поединке две конницы: белая — с боевыми традициями прошлого, под руководством способных генералов с солидным теоретическим и практическим багажом, и красная — молодая, революционная, без традиций еще, но с непоколебимой верой в победу, под руководством рабоче-крестьянских командиров, мало знакомых с теорией, но получивших практику в боях гражданской войны». 23 октября 1919 г. 1-й конный корпус Буденного мощным ударом разбил конницу Шкуро и взял Воронеж. 28 октября конный корпус после ожесточенного боя с деникинцами за

Участие латышских стрелков в разгроме Деникина.

переправу через Дон форсировал его, а 29 октября разгромил белую конницу в районе Землянска.

В результате боев под Орлом и Кромами и славного рейда 1-го конного корпуса Буденного Красная Армия, которая до того отступала на север, теперь снова повернула на юг и погнала белых все дальше и дальше к Черному морю. Но разгромленные под Орлом белогвардейцы еще не считали себя побежденными. Деникинцы пополнили свои действующие части за счет имевшихся у них на юге резервов, снабдили их прибывшей из-за границы новой военной техникой и вновь попытались восстановить свое положение у Орла. 22 октября значительные силы деникинцев атаковали у Кром Латышскую дивизию. 22 и 23 октября бои шли с переменным успехом, Кромы несколько раз переходили из рук в руки. 24 октября белогвардейцам временно удалось достигнуть успеха. Пользуясь густым туманом, они прорвались в расположение латышского полка. Понеся большие потери, полк вынужден был отступить. Белые снова захватили Кромы. Но их успех был кратковременным. 25 октября части 1-й латышской бригады и бригада червонного казачества выдвинулись на линию Холодовка—Опальково—Масловка, перешли в наступление на Кромы, и 27 октября этот город вновь и уже окончательно перешел в руки 3-й латышской бригады.

Заняв Кромы, Латышская дивизия продолжала энергичное преследование противника и уничтожала его живую силу. 30 октября белогвардейские войска спешно стали отступать на юг, пытаясь сильными заслонами из частей корниловской и марковской дивизий задержать наступление латышей, чтобы эвакуировать свою живую силу из района Кром и железной дороги Орел—Курск. Латышская дивизия получила новое ответственное задание — прорвать фронт противника и дать возможность красной коннице Примакова и Яна Кришьяна ударить в тыл противника в районе Поньри и Фатеж и разрушить железнодорожную линию Орел—Курск. Это задание было блестяще выполнено. 4 ноября в приказе командующего дивизией Ф. Калныня за № 48 говорилось: «Части вверенной мне дивизии 3 ноября на рассвете прорвали расположение противника в районе деревни Чернь-Домовец и к вечеру продвинулись к Ждановке. 3 ноября через сделанный прорыв прорвалась конница Примакова — 2500 человек с двумя батареями. Противник начал спешный отход». Об этом прорыве вспоминает В. Примаков. Прорыв был сделан, писал он, 2-й и 3-й бригадами Латышской дивизии под общим командованием К. Стуцки. В окрестных деревнях у крестьян были собраны простыни и холстины, и, замаскировавшись ими, стрелки по только что выпавшему снегу неслышно двинулись вперед.

Рис. 27. В штабе Латышской дивизии на Южном фронте. В центре — командующий XIV армией И. Уборевич и начальник Латышской дивизии Ф. Калнынь. В центре стоит командир 2-го латышского полка О. Лацис.

Бесшумно и быстро сняв передовые посты противника, латыши внезапно напали на спящих дроздовцев. Бой длился недолго. Прорыв удался.

В сделанную латышскими стрелками брешь вихрем ворвалась красная конница Примакова, незадолго до того преобразованная в кавалерийскую дивизию, в которую был влит и латышский кавалерийский полк Яна Кришьяна, а также новое значительное пополнение — четыре полка кубанских казаков. Углубившись на 70 верст в тыл противника, красная конница разделилась на три группы. Кубанские красные казаки совершили налет на г. Фатеж, где захватили два танка и две пушки, а из местной тюрьмы освободили 400 политических заключенных, из которых тут же был сформирован батальон добровольцев на тачанках. Основная часть красной конницы напала на ст. Поныри, где захватила несколько эшелонов с военным снаряжением деникинцев и взорвала станцию. Латышский кавалерийский полк направился на ст. Возы, где уничтожил и сжег несколько вражеских эшелонов со снаряжением, взорвал склады и станцию. 5 ноября командующий Латышской дивизией Ф. Калнынь сообщил в штаб армии, что 8-я кавалерийская дивизия Примакова, действуя в районе Понырей, создала панику в тылу противника, разбила один дроздовский полк и захватила 12 пулеметов. Противник начал отступать, оставляя одну деревню за другой. 6 ноября, по окончании двухдневного рейда, все части кавалерийской дивизии Примакова соединились в деревне Ольховатка.

В это время деникинцы, собрав имевшиеся в этом районе резервы, атаковали Латышскую дивизию, чтобы оттеснить латышей и закрыть брешь. У деревни Саборовка произошло сражение. Деникинцы были взяты в клещи с одной стороны латышами, с другой — отдохнувшей красной конницей Примакова. В этом бою были разбиты 5 батальонов корниловцев и взяты большие трофеи. Напуганные деникинцы сильно преувеличивали силы красной конницы и в своих донесениях говорили о «десяти тысячах красных казаков».

Но ударная группа, не имея резервов, не могла максимально развить свой успех. Не было резервов и у XIV армии. Деникинцы же, наоборот, еще располагали некоторыми резервами. Они спешно подвозили их к фронту, чтобы выручить свою разбитую Кромскую группу. 11 ноября начальник Латышской дивизии Ф. Калнынь и комиссар дивизии К. Дозит телеграфировали в штаб армии: «Превосходящие силы противника возможно опрокинуть только решительным, энергичным согласованным ударом всех сил». Вплотную к Латышской дивизии подошла Эстонская дивизия. 13 ноября Латышская дивизия, во взаимодействии с другими частями XIV армии, начала общее наступ-

ление, имея ближайшей целью захват г. Фатежа. Начались упорные бои по всему фронту. Белые оказывали упорное сопротивление, особенно в районе Дмитриева и Фатежа, но энергичными действиями красных казаков и Латышской дивизии сопротивление противника было сломлено, и 14 ноября в 11 часов утра 7-й латышский полк занял Фатеж. В тот же день 8-я кавалерийская дивизия Примакова снова ворвалась в тыл противника, для чего был произведен прорыв фронта белых у села Солдат.

Под прикрытием сильного бурана дивизия Примакова прорвалась через фронт противника к ст. Льгов, которая 16 ноября была захвачена латышскими кавалеристами и кубанскими казаками. Белогвардейская дроздовская дивизия оказалась зажатой между красной кавалерией и 7-й дивизией Красной Армии. Дроздовцы у Льгова были разбиты наголову, 2400 человек были взяты в плен, на поле боя белые бросили 27 пушек. Стремясь выйти из-под ударов Красной Армии, белогвардейцы отступали по всему фронту. В результате сокрушительных ударов Латышской дивизии, блестящих рейдов конницы Примакова и крупных успехов 1-го конного корпуса Буденного под Касторной белая армия Деникина, несмотря на то что резервы у нее еще не иссякли, безостановочно откатывалась назад.

В связи с начавшимся успешным наступлением на деникинском фронте командующий XIV армией М. Уборевич и член Реввоенсовета Южного фронта Серго Орджоникидзе обратились с воззванием к XIV армии. Указав, что Латышская дивизия сломала сопротивление противника западнее Фатежа, а 8-я кавалерийская дивизия зашла в тыл противника, они призвали всю армию использовать достигнутые успехи для окончательного разгрома врага: «Всем командирам, комиссарам, всем красноармейцам решительно броситься на врага для одержания окончательной победы — ни арьергарды, ни погода не должны задерживать нас... не давать противнику увести за реку Сейм ни одной пушки, ни одного пулемета. Раз и навсегда мы должны очистить путь на юг...»

По XIV армии был дан приказ: «Надо общими силами и общим порывом настичь противника и на его плечах ворваться в Курск». И действительно, 19 ноября Советская республика была оповещена, что правофланговые части XII армии заняли Курск.

Успехи и победы давались Красной Армии нелегко. Они достигались ценою огромных жертв и тяжелых лишений, ценою напряжения всех духовных и физических сил. Красная Армия проявила исключительный героизм, самоотверженность, самообладание и упорство в достижении единой цели — раз-

грома врага и защиты власти рабочих и крестьян, власти Советов.

После успешного разгрома Красной Армией белогвардейских войск под Орлом и Кромами военная обстановка требовала не прекращать наступления, чтобы помешать врагу оправиться. Резервов у XIV армии не было. Латышская дивизия была измотана в непрерывных боях с противником, она потеряла почти половину своего командного и красноармейского состава. Но дивизия продолжала неудержимо стремиться вперед, несмотря на зимнюю стужу, пургу, бураны и гололедицу. Плохо одетые и обутые (в дивизии не хватало ни сапог, ни белья, ни шинелей), латышские стрелки устремлялись все дальше на юг, гоня перед собой белогвардейские войска. Нередко, вырвавшись далеко вперед, латышские подразделения рисковали потерять связь со своими штабами и другими частями. Так, 16 ноября начальник штаба Латышской дивизии Шведе докладывал в штаб армии: «Продвигаемся вперед, но боимся, что потеряем связь с армией или бригадами. Непосредственной связи с бригадами нет. Прибывшая колонна [связистов] не имеет ни изоляторов, ни проводов». Шведе указывал на крайне недостаточное снабжение армии боеприпасами и продовольствием: «К японским винтовкам нет патронов. Патронов к русским винтовкам вообще мало...» О тяжелом положении со снабжением дивизии боеприпасами и продовольствием Шведе говорил со штабом армии и лично с Серго Орджоникидзе неоднократно. 16 ноября он докладывал: «В смысле продуктов, хлеба и зернового фуража находимся в отвратительном положении. Мука на исходе. Положение ненормальное и преступное». 22 ноября Шведе снова докладывал: «Транспорт дивизии, ввиду занесенности дорог снегом, находится в критическом положении — сидим без патронов, хлеба, снарядов». Но никакие трудности не останавливали Красную Армию. Она продолжала гнать врага к Черному морю. Бои продолжались непрерывно. Противник продолжал оказывать сопротивление, бросая в дело всю оставшуюся у него технику и резервы. 1 декабря начальник Латышской дивизии в разговоре с командующим XIV армией Уборевичем докладывал: «Противник оказывает упорное сопротивление в районе шоссе Обоянь—Белгород... 29 и 30 ноября в этом районе велись упорные бои. У противника бронемашины. Он переходил в контратаки. Потери с обеих сторон значительные. На 1 декабря намечается операция по ликвидации противника в районе шоссе».

4 декабря начальник Латышской дивизии Ф. Калнынь получил задание совместно с конной группой Примакова овладеть г. Белгородом. Выполняя боевой приказ, 7-й латышский

Рис. 28. Вступление латышских стрелков в Харьков 12 декабря 1919 г.

полк, поддержанный 8-м латышским полком, 7 декабря занял Белгород. Уходящие деникинцы, перед тем как покинуть город, жестоко расправились с трудовым населением. При взятии Белгорода красными войсками близ города в овраге было найдено 400 трупов, изувеченных белыми. Среди них много было детей и женщин.

12 декабря латышские стрелки вступили в Харьков. Утром этого дня начальник штаба Латышской дивизии Шведе докладывал командующему XIV армией Уборевичу: «Сегодня вторая и третья бригады вышли на линию Харьков. Харьков был обойден нашей группой с юго-запада, и противник отступил в юго-восточном направлении. Несмотря на это, противник еще вчера оказывал упорное сопротивление в районе Липцы—Рузское—Лозовая. В этом районе взяты пленные и около 400 снарядов». Спустя несколько часов Шведе сообщил С. Орджоникидзе: «Хотя от полевого штаба еще не получили определенных сведений, но твердо думаю, что и части второй бригады вступили в Харьков, так как полевой штаб собирается завтра туда переехать». А через день — 14 декабря, в освобожденный Харьков уже прибыли командующий XIV армией Уборевич и С. Орджоникидзе, которые, находясь в полевом штабе Латышской дивизии, отсюда поддерживали связь со всеми частями армии.

После занятия Харькова Латышская дивизия продолжала уничтожать арьергарды противника. Латышские стрелки захватили много пленных и богатые трофеи. 17 декабря 6-й латышский полк сломил упорное сопротивление 2-го сводного и одного корниловского полков и офицерского батальона. При окружении латышами корниловского полка было взято в плен более 4 тыс. солдат и 39 офицеров, захвачены 41 английское орудие, 41 зарядный ящик со снарядами, 450 пулеметов с пулеметными лентами, 241 винтовка и 230 лошадей.

Боевые заслуги латышских стрелков были высоко оценены командованием Красной Армии. В телеграмме командующего XIV армией командирам 1-й, 2-й и 3-й латышских бригад, зачитанной во всех ротках, батареях, эскадронах и командах Латышской дивизии, говорилось: «Отмечая доблестные действия войск Латышской стрелковой дивизии, их успешное продвижение к югу, разгром частей добровольческой армии, захват пленных, орудий, пулеметов, — Революционный военный Совет XIV армии, восхищаясь их подвигами и неудержимым стремлением к скорейшему разгрому противника, шлет всем частям Латышской дивизии свой братский привет и спасибо за блестящие успехи и доблестное руководство. Реввоенсовет возбуждает ходатайство о награждении 1-й, 2-й и 3-й латбригад орденом Красного Знамени. Предлагается комбригам предста-

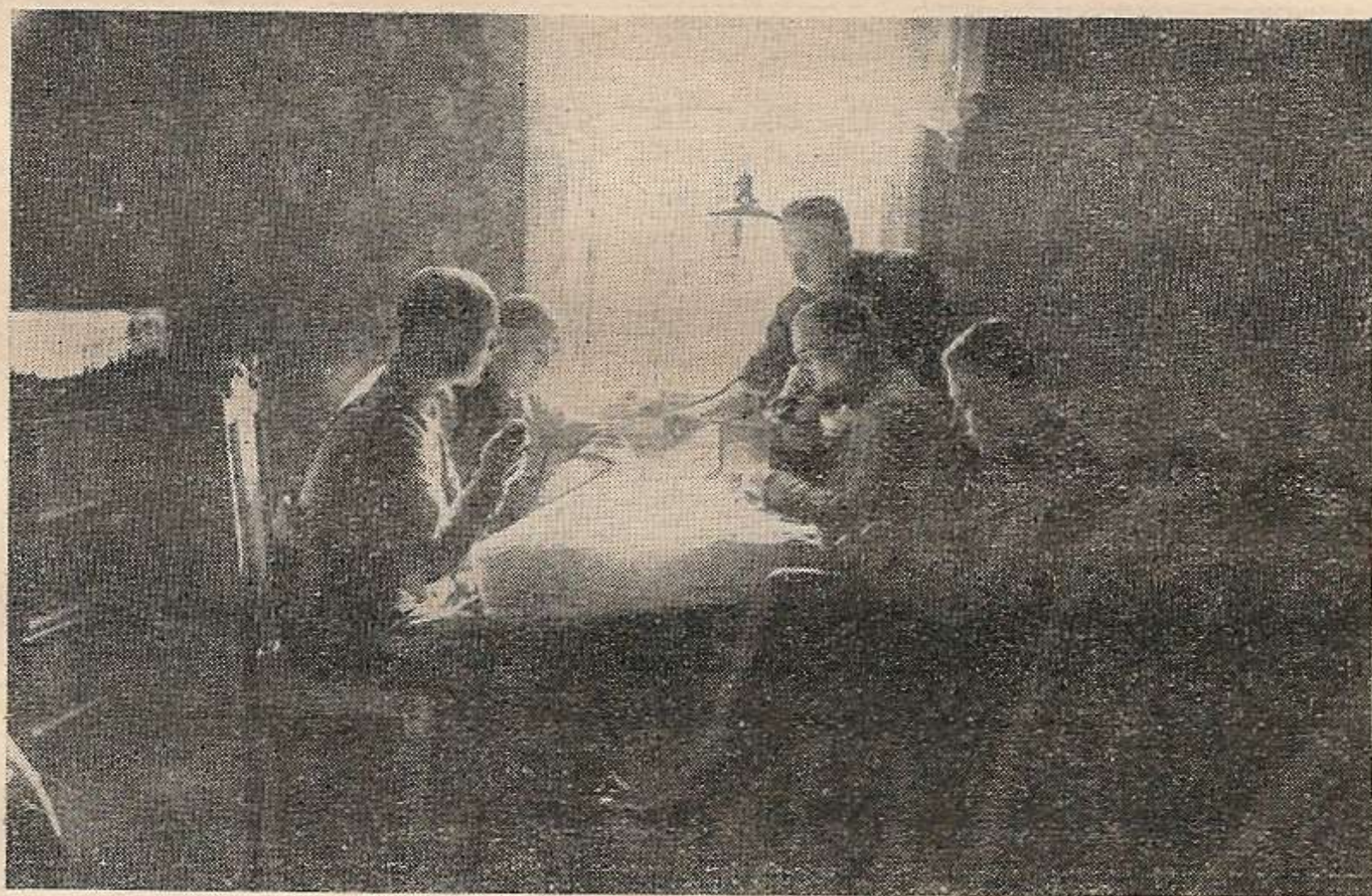

Рис. 29. В штабе Латышской дивизии на Южном фронте в 1919 г. Слева направо: начальник дивизии Ф. Калнынь, комиссар Р. Апин, начальник штаба К. Шведе, командир артиллерийского дивизиона Э. Берзинь и командир 2-й бригады А. Фрейберг.

вить к такому же награждению всех наиболее отличившихся командиров и красноармейцев, помня, что этот орден есть символ великих подвигов за светлые идеалы человечества». За боевые заслуги в деле разгрома деникинских войск высший орган власти Советской республики ВЦИК наградил Латышскую дивизию боевым Красным знаменем ВЦИК, которое начальник политотдела XIII армии Лисовский вручил дивизии на торжественном параде войск. Вручая дивизии революционное Красное знамя, Лисовский сказал: «Мне выпало великое счастье передать славной Латдивизии революционное Красное знамя. Вся Советская Россия знает Латдивизию, ценит и дорожит ее заслугами в гражданской войне. Несите высоко революционное знамя».

Персональными наградами — золотыми часами с выгравированными на них надписями — по постановлению Реввоенсовета XIV армии от 30 декабря 1919 г. были награждены начальник Латышской дивизии Фридрих Карлович Калнынь, начальник штаба дивизии Карл Теодорович Шведе и начальник разведки дивизии Август Яковлевич Иван.

Латышская дивизия, борясь в рядах Красной Армии, нанесла большой урон деникинцам. Разгромленный противник бежал, но и силы Латышской дивизии были окончательно подорваны в непрерывных боях. Людские потери были огромны. Дивизии необходим был отдых и пополнение. Об этом начальник дивизии Ф. Калнынь рапортовал в штаб армии. Приводим целиком этот документ.

«В Дмитриев — командарму 14

Латышские части, занимая фронт между Двинском и Островом, всегда являлись в тяжелые минуты теми, которые помогали другим частям. Латышей часто перебрасывали с одного места на другое. Так, например, у Пскова и Двинска, у Полоцка и Борисова. Для ликвидации наступавшего противника во все эти места были переброшены латышские части. Но все эти переброски и бои потребовали от латышей максимума энергии, выдержки, выносливости и жертв — потерь, как среди стрелков, так и командного состава. Наконец, в начале сентября дивизия была целиком снята с фронта 15-й армии и переброшена на фронт 16-й армии, причем дивизии было дано задание брать крепость Бобруйск, форсируя реку Березину. Части дивизии, совершив самым экстренным порядком четыре перехода, уже приступили к подготовке операции, как дивизия была снята более чем спешным порядком и переброшена на Южный фронт. Прибыв на Южный фронт, дивизия немедленно

была брошена навстречу наступающему противнику, который уже угрожал Мценску, и нам выпала задача разбить и рассеять лучшие силы противника. Задача после упорных, жестоких и длительных боев была выполнена, и противник был разбит. Началось его преследование, и Латдивизия, не зная ни отдыха, ни покоя, находясь в непрерывных боях с 16 октября по настоящее время (28 ноября), сильно расшаталась, и много лучших бойцов выбыло из строя. Ряды сильно поределели, как стрелков, так и в командном составе. Наконец, в последнее время от усталости людей и невозможности помыться (т. к. в русских деревнях бани отсутствуют) поднялась сильная заболеваемость, которая приняла очень серьезный характер.

Все изложенное говорит за то, что дивизии необходим отдых, чтобы она могла привести себя в порядок: помыться, починить обувь и снаряжение, пополнить ряды как комсостава, так и красноармейцев, дабы дивизия снова могла представлять собой тот грозный и сильный кулак, каким она была в начале боев под Орлом, и чтобы в нужную минуту снова могла быть ударной силой, сокрушающей лучшие силы противника. Преследование противника могут выполнять и более слабые части. Противник окончательно еще не сокрушен, и лучшие силы должны быть сохранены. На основании вышеизложенных причин ходатайствую дать частям дивизии отдых, чтобы она могла привести себя в порядок, в надлежащий вид и пополнить себя бойцами и командным составом, а также в техническом отношении.

Комдивлат Калнынь. Наштадивлат Шведе.
28 ноября 1919 г. 20 час. Станица Рыжкова».

Об измотанности войск и эпидемии тифа на Южном фронте в конце 1919 г. пишет в своих воспоминаниях и С. М. Буденный: «Напряженные наступательные бои последних месяцев, конечно, очень ослабили стрелковые соединения фронта. Вследствие быстрого продвижения боевых частей тыловые учреждения отставали, а некоторые вообще потеряли связь со своими войсками. Железнодорожный транспорт на Юге страны был почти полностью разрушен. Он не мог обеспечить не только переброску пополнений для армий, но даже и подвоз крайне необходимых боеприпасов. Ко всему этому район боевых действий был окончательно разорен и охвачен страшной эпидемией тифа. Госпитали были забиты главным образом тифозными больными. Все это не могло не отразиться на боеспособности наших войск».

На крайнее утомление бойцов Латышской дивизии неоднократно указывалось и в докладах политотдела дивизии Реввоенсовету республики: «Дивизия с самого начала операций

на Южном фронте не имела ни одного дня отдыха. В многочисленных и кровопролитных боях дивизия понесла большие потери как убитыми, так и ранеными. Преследуя противника, дивизии иногда приходилось делать с боями, независимо от погоды, по 20—30 верст в сутки. В последних боях наблюдались случаи, когда стрелки от усталости засыпали в цепи». Большие опустошения в рядах бойцов Латышской дивизии произвела эпидемия тифа. Так как дивизии в будущем придется еще вести тяжелые бои, указывал политотдел, то непременно надо дать дивизии отдых, чтобы вернуть ей былую боеспособность.

О том, что Латышской дивизии для восстановления ее боеспособности нужен был отдых, указывал также и И. В. Сталин в своей телеграмме с Южного фронта В. И. Ленину: «... латдивизия, ... через месяц, обновившись, вновь представит грозную для Деникина силу»*.

20 декабря Латышская дивизия была переведена в армейский резерв и по приказу Ф. Калныня сосредоточена в районе Харьков—Змиев—Чугуев. При этом комбриг 1-й бригады Ф. Риекст⁵⁸ должен был сосредоточить бригаду в самом Харькове, где на нее возлагалось несение гарнизонной службы. Комбригу 2-й бригады А. Фрейбергу было приказано сосредоточить бригаду в Змиеве и комбригу 3-й бригады К. Стуцке — расположиться со своей бригадой в районе Чугуева.

* * *

В то время, когда на юге страны Красная Армия победоносно громила войска одного из опаснейших врагов Советской власти — Деникина, одна из частей Латышской дивизии — 5-й латышский полк — участвовала в разгроме другого врага страны Советов — армии генерала Юденича, пытавшегося нанести удар с запада и дерзким налетом захватить колыбель революции — Петроград. Угроза Петрограду, а тем более его захват должны были, по плану Антанты, значительно облегчить Деникину овладение Москвой и вместе с тем помешать успеху советско-эстонских мирных переговоров. Антанта возлагала на Юденича большие надежды и щедро снабжала его деньгами и военным снаряжением. Все части армии Юденича были одеты в английскую форму и вооружены английскими винтовками. Всего в армии Юденича насчитывалось 18 тыс. штыков и 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда и

* И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 275.

6 танков. Как и у Деникина, в армии Юденича было много офицеров: на каждых четырех солдат в ней приходился один офицер.

В первый период операции Юденичу удалось достигнуть некоторых успехов — им были взяты Красное Село, Вырица, Гатчина, перерезаны две железные дороги, которые вели к Петрограду. Юденич уже не сомневался в победе и готовился к торжественному вступлению в Петроград, а его контрразведка поспешила составить списки тех, над кем готовилась учинить зверскую расправу. Но героические рабочие Петрограда и войска VII и XV красных армий сорвали планы русских белогвардейцев и международной контрреволюции. На помощь защитникам Петрограда высшее военное командование Красной Армии решило срочно в числе других частей перебросить с Южного фронта доблестный 5-й латышский полк. 19 октября 1919 г. полк выгрузился из эшелонов в Петрограде, а 20 октября уже сражался против войск генерала Юденича. 5-й латышский полк, 188-й и 189-й полки образовали в районе Колпино ударную группу, на которую в начатом 21 октября наступлении Красной Армии возлагалась задача — нанести главный удар с востока, со стороны Колпино, в обход правого фланга армии Юденича. 21 и 22 октября ударная группа одержала уже первые успехи, а к вечеру 23 октября она нанесла противнику решительный удар и выбила белогвардейцев из Павловска и Красного Села, отбросив их от ворот Петрограда. Начиная с этого момента все войска Красной Армии перешли в решительное наступление. Юденич был разбит, и остатки его войск были выброшены из пределов страны. После двухдневных боев войска Юденича в беспорядке бежали в сторону Нарвы, чтобы спастись на территории белой Эстонии.

Эта победа была тем более значительной, что войска Юденича имели на своем вооружении танки, которыми их снабдили англичане. Но и танки не устроили защитников Советской республики.

Отмечая исключительные заслуги 5-го латышского стрелкового полка в деле разгрома белогвардейских войск Юденича осенью 1919 г., ВЦИК наградил 5-й Земгальский латышский стрелковый полк вторым боевым знаменем ВЦИК. Выданная полку почетная грамота гласила: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов в ознаменование исполнения 5-м латышским стрелковым полком своего долга перед социалистическим отечеством в бою против его врагов на Петроградском фронте вручает ему от имени Центрального органа Советской республики боевое знамя в знак тесной связи полка

**РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА**

ИЗГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ,
КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМ. ДЕПУТАТОВ.

В ГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ,
КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМ. ДЕПУТАТОВ,
В ОДИНАДЦАТЫЙ МЕСЯЦ ПЯТИ
ЛЕТИИ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ СОВЕТОВ

СВОЕГО ДОЛЖА ПЛЮС СОВЕТСКОМУ РАБОЧЕМУ
УЧАСТИЮ В БОЮ ПРОТИВ БО БАНД ЮДЕНИЧА
В ПЕТРОГРАДЕ
ВРУЧАЕТ ЭТО ОУ ЛАТВИЙСКОМУ БОЮВУ ЗНАМЕНИ
СВОЕЙ РЕПУБЛИКИ БОЮВУ ЗНАМЕНИ, В ШАНГ ТЕСНОМ
СВЯЗИ ПОЛКА СО ВСЕМ РАБОЧИМ КЛАССОМ В ЭТО
БОЮВУ ЗА ПОБЕДУ СОВЕТСКОМУ РАБОЧЕМУ

Председатель ВЦИК М. Лукин

Вручает в у. ч. 5-му латышскому полку

25 Октября 1919 г.

№ 10120/4

Рис. 30. Почетная грамота ВЦИК к боевому знамени ВЦИК, врученному 5-му латышскому полку за участие в боях под Петроградом против банд Юденича в октябре 1919 г.

со всем рабочим классом в его борьбе за торжество коммунизма».

Славными победами над белогвардейскими армиями Деникина и Юденича Красная Армия и одна из ее ударных частей — Латышская дивизия — закончили боевой 1919 г.

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ БАНД МАХНО

В 1920 г. армии Южного фронта закончили разгром Деникина. Победоносно двигаясь вперед, Красная Армия уничтожала отступавшего противника и захватывала тысячи пленных, сотни орудий, пулеметов, винтовок. Еще в декабре 1919 г. советские войска освободили Донбасс, а в январе 1920 г. уже подходили к Черному морю.

Особые заслуги по окончательному разгрому Деникина принадлежат конной армии Буденного. В январе 1920 г. конница Буденного взяла Таганрог и Ростов. Конная группа Примакова овладела Бердянском и Мариуполем.

11 января в приказе по армиям Южного фронта за № 02 объявлялось: «Основная боевая задача доблестных войск Южного фронта выполнена — живая сила Добрармии разбита и разрезана. Донецкий бассейн взят, части Южной армии взяли Бердянск, Мариуполь, Таганрог, Ростов, Нахичевань и вышли к Азовскому морю. Частями Юго-Восточного фронта был занят Новочеркасск».

В то же время решающие победы были одержаны и на Восточном фронте. Красная Армия взяла в плен остатки 1-й, 2-й и 3-й армий Колчака в количестве до 60 тыс. человек и огромную военную добычу.

В связи с решением на Южном фронте основной задачи — разгрома армии Деникина — и с появлением новой угрозы на западе, со стороны Польши, на фронте была проведена реорганизация: Южный фронт был переименован в Юго-Западный. Командующим фронтом был назначен А. Егоров, членом Реввоенсовета — И. В. Сталин, начальником штаба — Петин. 46-я дивизия и конная группа Примакова перешли в XIII армию. В составе XIV армии остались 41-я и 45-я дивизии и Латышская дивизия, а также переданные из XIII армии 42-я дивизия и 13-я кавалерийская бригада.

В январе 1920 г. Латышская дивизия, находившаяся в армейском резерве, получила новое боевое задание — очистить тыл армии от бандитских кулацких банд, поднявших восстание на Украине. Еще 26 декабря 1919 г. командующий Южным фронтом А. Егоров обратился с приказом по армиям фронта, в котором указывалось, что «в то время, как Красная

Рис. 31. Начальник Латышской дивизии Ф. Калнынь, командир 2-й бригады А. Фрейберг и комиссар дивизии К. Дозит на Южном фронте в начале 1920 г.

Армия Южного фронта самоотверженно и героически разбивает армии Деникина и освобождает юг России от царских генералов и капиталистов, возвращая хлебородные губернии и каменноугольные копи, в тылу наших армий появляются банды грабителей и мародеров, скрывающихся в лесах и деревнях и расхищающих народное имущество».

Латышская дивизия была переведена в центр повстанческого района, в Павлоград. В феврале 1920 г. начальнику дивизии было предписано принять самые решительные меры по очистке района расположения дивизии от банд. В течение февраля, выполняя приказ, 1-я латышская бригада очищала от бандитов район по железной дороге от Ольвиополя через Новоукраинку до Елисаветграда, а 6-й полк, находившийся в Алешках, — район Александровска и Чигирина. В марте дивизия продолжала борьбу с бандитизмом. 7 марта в приказе командующего Юго-Западным фронтом А. Егорова и члена Реввоенсовета фронта И. В. Сталина вновь указывалось на необходимость принятия срочных и решительных мер для полной и окончательной ликвидации бандитизма. Выполнение этой задачи в огромном районе Верхнеднепровск—Екатеринослав—Александровск—Пологи—Цареконстантиновка, Чаплино—Павлоград, а также Кривой Рог—Софиевка возлагалось

на Латышскую дивизию. Для этой цели в распоряжение дивизии был передан ряд частей и бригад, а по приказу от 9 марта 1920 г. ей были приданы также 2 бронепоезда: один для действий в направлении Екатеринослав—Кривой Рог, другой — в направлении Екатеринослав—Орехов—Цареконстантиновка. Районы действий дивизии были целиком подчинены соответствующим комбригам, на которых полностью возлагалась ответственность за скорейшее и окончательное уничтожение банд. При этом комбригам дивизии были подчинены все находившиеся в пределах указанных районов войсковые части.

Борьба с кулацкими бандами в тот период представляла чрезвычайно трудную и сложную задачу. Она требовала от всех бойцов и командиров отваги, находчивости, выдержки и самообладания и была сопряжена с огромной опасностью. Весь район действий дивизии был наводнен хорошо вооруженными бандитскими шайками, располагавшими пулеметами и крестьянскими тачанками, что давало им возможность быстро передвигаться и маневрировать. Банды внезапно возникали и так же внезапно рассеивались, скрываясь в домах кулаков, с которыми они были крепко спаяны. Весной 1920 г. в районе Кривого Рога, Никополя и Александровска оперировали банды Малашко, Тютюнника, Федорченко и др. Они грабили советские учреждения, расстреливали коммунистов, разрушали железные дороги, терроризировали население. Около Никополя группировались банды Махно, имевшие в своем распоряжении много пулеметов. В Алверовской волости действовала банда махновцев под командой Петренко в количестве 500 человек, в районе Потоцкое — банда Федорченко, насчитывавшая 500 человек и имевшая 8 пулеметов и одно трехдюймовое орудие, у Кривого Рога — банда в 200 человек под командой Чирвы. В районе ст. Долгинцево действовали местные бандиты в количестве 600 человек, у которых было 12 пулеметов и одно орудие.

Для борьбы с этими бандами и лучшей согласованности действий Латышская дивизия, по приказу командующего Юго-Западным фронтом от 12 марта, была подчинена непосредственно начальникам тыла армий; при этом 2-я латышская бригада направлялась на правый берег Днепра и поступала в подчинение начальника тыла XIV армии, а 1-я и 3-я бригады оставались на левом берегу Днепра и поступали в оперативное подчинение начальника тыла XIII армии. 2-я бригада дивизии и кавалерийский латышский полк были переброшены в район Кривой Рог—Софиевка и, охватив его со всех сторон, уничтожили банду Малашко, не дав ей возможности отступить на север, в сторону сосредоточения павленковских банд. 2-й полк 1-й бригады был назначен в дивизионный резерв и пере-

веден в Екатеринослав для прикрытия этого железнодорожного узла и ст. Синельниково. Один латышский полк был размещен в Чаплино. 3-я бригада очистила от банд район Орехов—Большой Токмак—Гуляй-Поле—Чаплино.

УЧАСТИЕ ЛАТЫШСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В РАЗГРОМЕ АРМИИ ВРАНГЕЛЯ

В апреле 1920 г. Латышская дивизия получила новое назначение. Остатки армии Деникина, скрывшись на Крымском полуострове, снова начали проявлять активность. Перед войсками XIII армии была поставлена задача овладеть Крымским полуостровом. Для выполнения этой задачи в XIII армию по приказу командующего Юго-Западным фронтом передавалась в полном составе Латышская дивизия и начдиву предлагалось к вечеру 5 апреля сосредоточить дивизию в районе Натальино—Магдалиновка. Это была подготовка к штурму Перекопского вала.

Крымский полуостров и засевшие там остатки разгромленных деникинских войск были использованы Англией и Францией для организации нового контрреволюционного центра и создания там под командованием генерала Врангеля нового белогвардейского фронта против Советской России. Этот фронт создавался одновременно со вторжением войск панской Польши в пределы Украины. «Наступление поляков, начавшееся весной, — писал М. В. Фрунзе, — в значительной степени облегчило задачи Врангеля. Отвлечение наших сил на польский фронт не позволило нам быстро собрать достаточные силы и ликвидировать в самом начале внезапно выросшую угрозу».

Весной 1920 г. на французских и английских кораблях было переброшено в Крым 35—40 тыс. белогвардейцев. Взамен скандально провалившегося вождя «похода на Москву» генерала Деникина Антанта выдвинула теперь командующим новым белогвардейским фронтом одного из соратников Деникина генерала Врангеля — «черного барона». 4 апреля 1920 г. в Севастополе на военном совете, в котором участвовали все оставшиеся в Крыму деникинские высшие генералы, состоялось официальное «избрание» англо-французского ставленника.

Барон Врангель придерживался еще более реакционных взглядов, чем Деникин. Правительство, созданное при Врангеле, было чисто монархическим. Опираясь на щедрую помощь со стороны Англии и Франции (последняя даже признала правительство Врангеля де-юре), Врангель приступил к реорганизации своих войск. Ему удалось создать почти 80-тысячную

армию в составе четырех корпусов. Армия Врангеля была хорошо обмундирована и вооружена: она имела броневики, бронепоезда и даже танки. В числе государств, принимавших участие в оснащении врангелевской армии, были и США. На всей занятой Врангелем территории свирепствовали контрразведка и полицейские части. Крестьяне юга России почувствовали свирепую власть разъяренного помещика — генерала и барона.

Укрывшись от преследования Красной Армии на Крымском полуострове, белогвардейцы приняли все меры, чтобы защитить себя от возможного вторжения советских войск в Крым. Под руководством и при помощи англо-французских инженеров Крым был превращен в неприступную крепость. Этому способствовало географическое положение Крыма, который соединялся с Северной Таврией (т. е. югом Украины) только узким Перекопским перешейком, Арабатской стрелкой и Чонгарским мостом. На перешейке белогвардейцами были созданы две линии укреплений — Турецкий, или Перекопский, вал, представлявший собой остатки старинных турецких крепостных сооружений, а за ним, между Соленым озером и морем, — Ишуньские (Юшуньские) укрепления. На вершине Перекопского вала находились хорошо укрепленные окопы врангелевцев, а перед валом проходил глубокий ров, на дне которого было протянуто несколько рядов проволочных заграждений. Перед рвом дальше на север простиралась ровная степь. Укрепив при помощи французских инженеров Перекопский перешеек, Врангель мог небольшими силами защищать Крым, уничтожая наступающих из пулеметов и артиллерийских орудий.

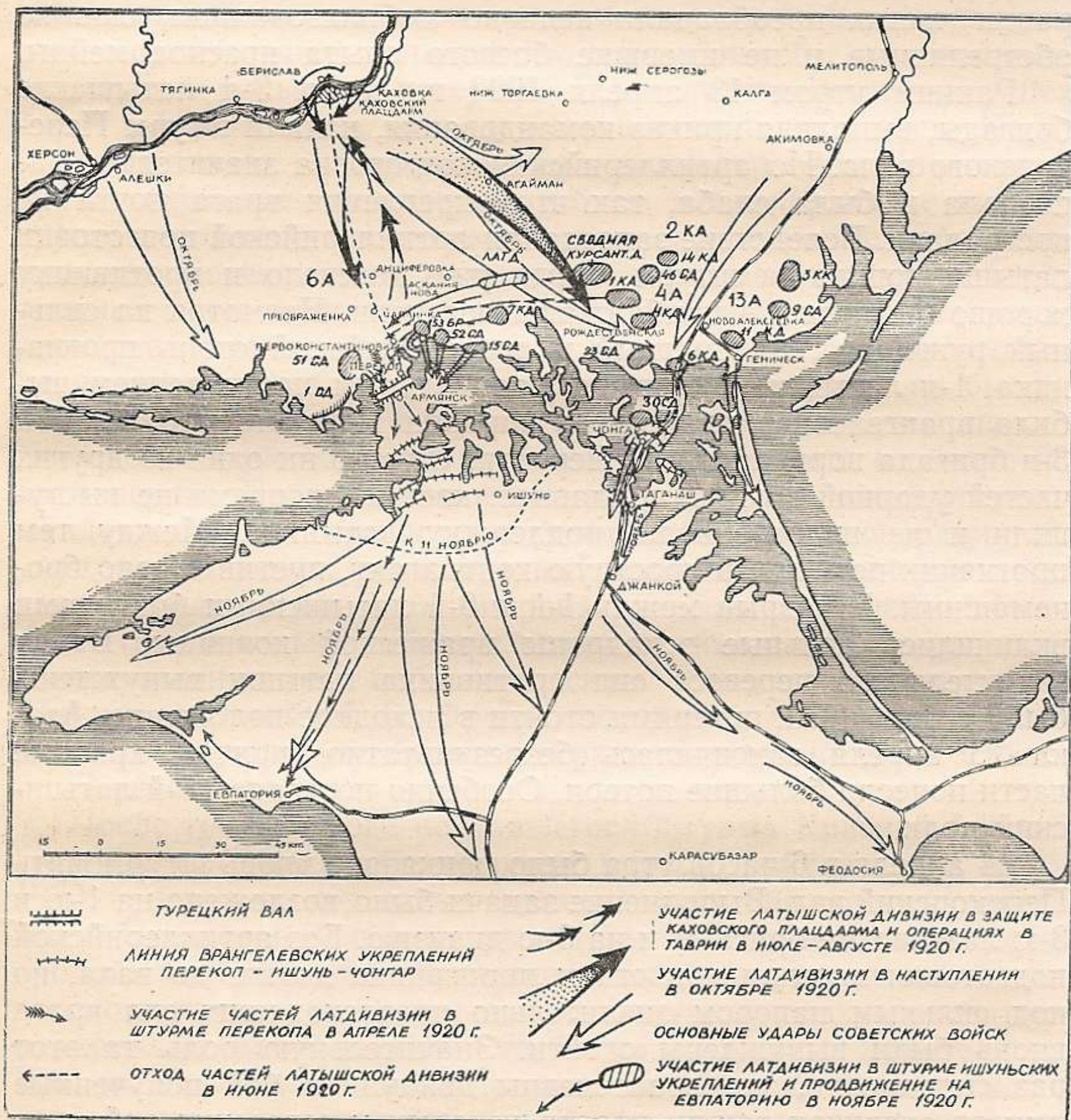
Первая попытка Красной Армии еще в марте 1920 г. штурмовать Перекоп силами Эстонской и 46-й кавалерийской дивизий с целью выбить из Крыма бежавшие туда от разгрома остатки деникинских войск закончилась неудачей.

Однако опасность, которую представляло собой белогвардейское осиное гнездо в Крыму, особенно в связи с наступлением белополяков на Украину, была слишком очевидной. В апреле 1920 г. советское военное командование приняло решение энергичными действиями ликвидировать крымскую группировку Врангеля.

3 апреля 1920 г. командующий XIII армией на основании директивы командующего Юго-Западным фронтом о занятии Крымского полуострова, последнего оплота южной контрреволюции, отдал приказ начальнику Латышской дивизии с 5 апреля принять командование войсками Перекопского направления и с подчиненными ему частями, при поддержке сильного артиллерийского огня, выбить противника с Перекопского пе-

решейка и межозерного района и выйти на р. Чатарлык. В оперативное подчинение начальника Латышской дивизии передавались 3-я стрелковая дивизия, 8-я казачья червонная дивизия и группа Нестеровича в составе 124-й стрелковой бригады, тяжелого сводного артиллерийского дивизиона, кавалерийского полка 42-й дивизии, 13-й кавалерийской бригады, 42-го автоброневоего и 4-го автопулеметного взводов.

Для проведения этой операции вновь создавалась ударная группа во главе с Латышской дивизией под командованием Ф. Калныня. Но в апреле 1920 г. по количественному составу Латышская дивизия уже не была такой, как во время боев под Орлом, когда в дивизии насчитывалось 8300 штыков и 600 сабель, т. е. она представляла собой почти 10-тысячную

Участие латышских стрелков в разгроме Врангеля.

закаленную в боях пролетарскую армию, с большой прослойкой партийцев — бывших подпольщиков. Героические бои с отборными офицерскими дивизиями Деникина не прошли для Латышской дивизии бесследно. С октября 1919 г. по 1 января 1920 г. дивизия в боях с деникинцами потеряла убитыми и ранеными свыше 5 тыс. бойцов. На январь 1920 г. в дивизии, считая и вновь прибывшее пополнение, числилось всего 4524 штыка и 260 сабель. В феврале и марте в дивизии свирепствовала эпидемия тифа. В результате накануне Перекопской операции в дивизии в строю было только 2600 бойцов. Во время апрельского штурма Перекопа вся ударная группа вместе с приданными частями насчитывала 8380 строевых бойцов, остальные числились во всякого рода командах. Во всех приданных Латышской дивизии для проведения Перекопской операции частях преобладали недавно мобилизованные, еще не обстрелянные и не имевшие боевого опыта красноармейцы.

Ранним утром 13 апреля 1920 г. 1-я и 3-я латышские бригады, выполняя приказ командования, начали штурм Перекопского вала. Но артиллерийская подготовка значительно запоздала и была слаба, так что укрепления врага почти не пострадали. Вследствие запоздания артиллерийской подготовки латыши пошли на штурм, когда уже рассвело и противнику хорошо были видны приближавшиеся цепи. Несмотря на сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника, 1-я латышская бригада фронтальным наступлением выбила врангелевцев из первого кордона Перекопского вала, а 3-я бригада ворвалась в г. Перекоп. Однако ни одна из других частей ударной группы и, главное, конница вовремя не выступили и не подоспели на поддержку латышам. Между тем противник перешел в яростную контратаку, пустив в дело бронемашину. В разрыв между 1-й и 3-й латышскими бригадами вклинились сильные эскадроны вражеской конницы. Ввиду значительного перевеса сил противника латыши вынуждены были с большими потерями отойти в исходное положение. Атака 13 апреля закончилась безрезультатно, причем красные части понесли большие потери. Особенно пострадал 8-й латышский полк.

14 апреля в 6 часов утра было приказано вновь штурмовать Перекопский вал. Выполнение задачи было возложено на 1-ю и 3-ю латышские бригады и на 3-ю дивизию. Без артиллерийской подготовки латыши под огнем противника дошли до вала, но под сильным напором значительно превосходящих сил врага вновь были вынуждены отойти. Значительную роль на этот раз сыграло то, что врангелевцы двинули в бой полученные ими от англичан танки, против которых у советских войск не было никаких средств защиты, и, кроме того, как известно,

этот новый тогда еще вид военной техники на первых порах производил на красноармейцев устрашающее впечатление. Артиллерия не оказала пехоте достаточной поддержки против танков, а потом отошла в тыл. 16 апреля была сделана еще одна попытка атаковать Перекопский вал, но и она окончилась безуспешно.

В приказе по армии за № 056 командование констатировало, что несвоевременное и неточное выполнение приказов, слабо налаженная связь между частями привели к полной неудаче операции и значительным потерям с нашей стороны. Командующий XIII армией Паука следующим образом излагал причины неудачи: «1) опоздали с подходом к первой линии на 4 часа резервы бригады 8-й кавалерийской дивизии, а также бригада 3-й дивизии. Части эти, несмотря на определенные задания, не смогли поддержать разрезанные контрударом неприятельской конницы 1-ю и 3-ю бригады, вынужденные отступать с большими потерями. В результате частичный успех 1-й и 3-й латышских бригад, занявших западную часть Перекопского вала, противником был ликвидирован. Проявилось также неумение артиллерии отбить маневрирующие конные группы противника и закрыть огнем определенные небольшие проходы Перекопского вала, через которые эти группы противника проникали. Неумение погасить или ослабить артиллерийский огонь противника. И слишком поспешное отступление артиллерии, хотя непосредственной угрозы не было». Таким образом, всю вину за неудачу штурма Перекопского вала командарм возлагал на 8-ю и 3-ю дивизии и особенно на артиллерию. Но это объяснение не вскрывает основного: командование XIII армии при разработке плана операции не учло, что Перекоп, превращенный военными инженерами Антанты в неприступную бетонированную крепость, нельзя было брать одним только лобовым штурмом, имея в своем распоряжении сравнительно небольшие силы. Это учел командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе, который в ноябре 1920 г. сочетал лобовую атаку Турецкого вала с ударами через Сиваш по Перекопу с тыла.

После трехкратного неудавшегося штурма Красной Армией Перекопского вала обе стороны в этом районе до 6 июня 1920 г. никаких серьезных военных действий не предпринимали. Врангелевцы под руководством иностранных инженеров продолжали работы по совершенствованию укреплений Перекопского вала, а советские войска получили приказ окопаться и укреплять свои позиции, чтобы не выпускать Врангеля из Крыма. Но, как указывал позднее К. Стуцка, один из непосредственных участников этих боев, работы по укреплению позиций производились вяло и все три оборонительные линии

не были настолько хорошо укреплены, чтобы они могли удерживать противника, когда он, тщательно подготовив свою операцию, 7 июня 1920 г. прорвался большими силами из Крыма в Северную Таврию. Части Красной Армии, стоявшие против Врангеля, были наступавшим противником расколота на две части и отброшены на север. Правая часть, в том числе Латышская дивизия и 52-я дивизия, с большими потерями отошли на правый берег Днепра. Врангель, выйдя в Северную Таврию, попытался развить свой успех и проникнуть в Донбасс, чтобы лишит Советскую Россию донецкого угля. Но этой цели Врангель не достиг.

Неудачный штурм Перекопского вала в апреле 1920 г., а также июньское отступление Латышской дивизии под натиском врангелевских войск, хотя и значительно превосходивших ее как в живой силе, так и в технике, вызвали много нареканий и обвинений дивизии в «неустойчивости». Вместо Ф. Калныня начдивом был назначен К. Стуцка, комиссаром дивизии стал Р. Апин.

Однако в неудаче апрельского штурма Перекопского вала Латышскую дивизию винить нельзя. Дивизия как была, так и осталась крепкой боевой частью пролетарской Красной Армии. Как указывалось выше, неудачи были обусловлены причинами военно-стратегического характера: при тогдашнем уровне военной техники Перекопский вал небольшими сравнительно силами не мог быть взят лобовым ударом без обходных операций через Сиваш.

В августе 1920 г. в правобережную (на Днепре) группу войск Красной Армии входили: 51-я дивизия, только что переброшенная из Сибири на врангелевский фронт, в количестве примерно 11 тыс. человек, 52-я дивизия, насчитывавшая 3 тыс. бойцов, Латышская дивизия в количестве 5 тыс. стрелков и 15-я дивизия в составе 3 тыс. бойцов.

Когда в августе 1920 г. намечались крупные операции по ликвидации Врангеля, Латышская дивизия снова вошла, вместе с 51-й и 52-й дивизиями, в ударную группу. Именно ей было поручено выполнение ответственной задачи — форсирование Днепра в ночь с 6 на 7 августа для захвата Каховки. Форсирование такой широкой водной преграды, как Днепр, берега которого бдительно охраняли вражеские заставы, при отсутствии тогда у Красной Армии достаточной саперной техники, представлялось делом чрезвычайно сложным и трудным, но все же осуществимым. Участник форсирования Днепра, командир 3-го латышского полка, ныне полковник в отставке Я. Адамсон⁵⁹, в своих воспоминаниях рассказывает: «Латышская стрелковая дивизия, и в частности 3-й латышский стрелковый полк, которым в то время я командовал, занимала

участок обороны у Берислава. Я получил устный приказ командира 1-й латышской бригады тов. Элсиса⁶⁰ в 12 часов 6 августа. Было указано, что 3-й латышский стрелковый полк переправляется первым. Остаток времени перед началом форсирования реки мы использовали для командирской рекогносцировки. На противоположном берегу имелся большой лиман. Мы знали, что на это место противник меньше всего обращал внимания (на карте значилось — непроходимые плавни) и поэтому решили переправить полк у лимана, в двух километрах юго-западнее Берислава. Переправой руководил начальник саперной команды Буркин. В 23 часа 6 августа первой переправилась команда разведчиков. Сбив заставу противника, она овладела небольшим плацдармом. Это и обеспечило переправу главных сил полка». И далее Я. Адамсон рассказывает: «Пленные, которых мы захватили, были понтонерами. Из допроса выяснилось, что врангелевцы в эту ночь рассчитывали также форсировать Днепр. Они хвастались, что завтракать будут в Бериславе. Но это им не удалось, мы опередили противника во времени. 3-й латышский стрелковый полк, преодолев труднопроходимые плавни, наступал дальше и с боем форсировал реку Конку. Сломив ожесточенное сопротивление противника, полк рано утром вошел в Каховку. Личный состав полка с

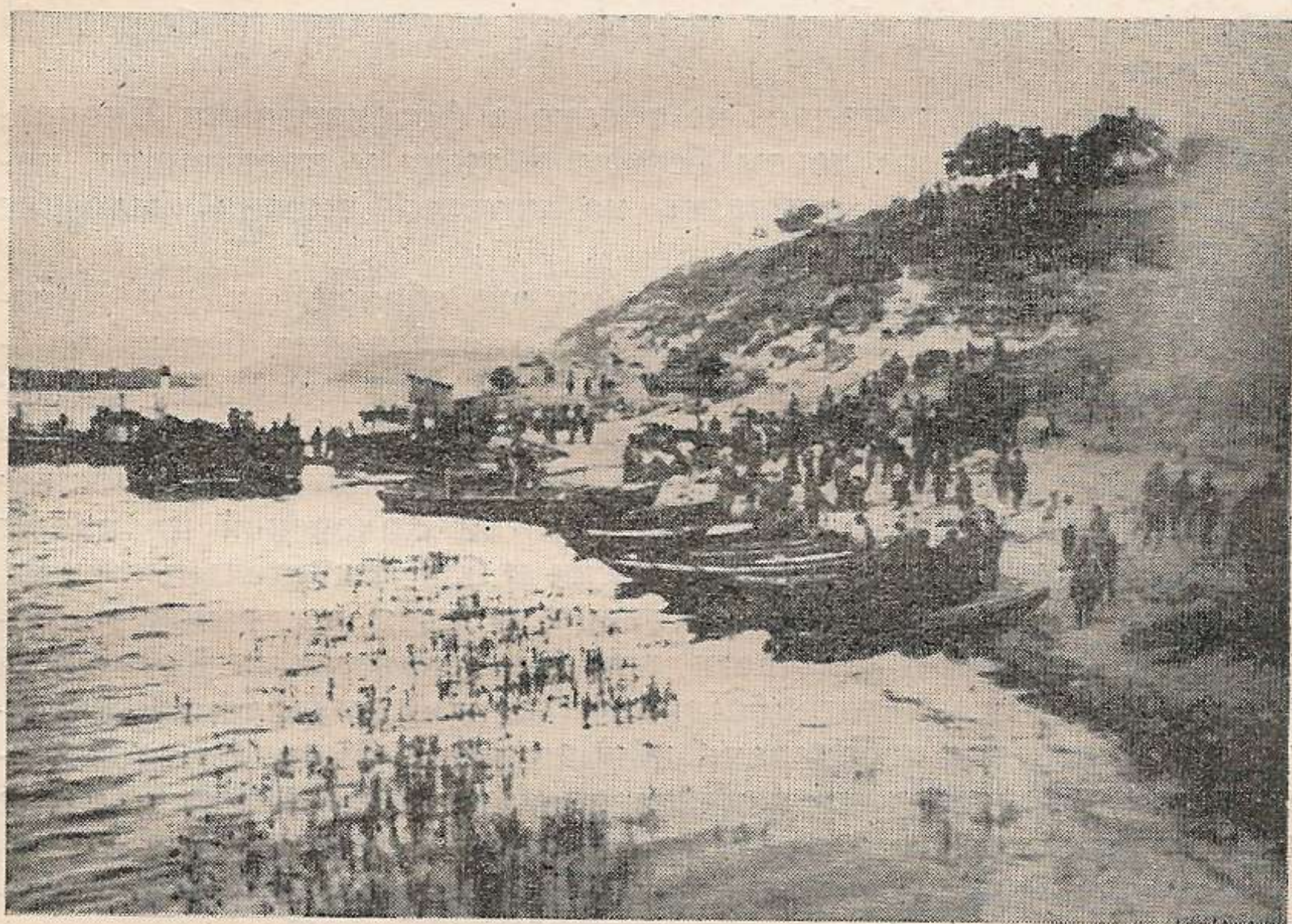

Рис. 32. Латышские стрелки перед форсированием Днепра у Берислава в августе 1920 г.

честью выполнил поставленную перед ним боевую задачу. Вслед за 3-м латышским стрелковым полком переправился 1-й латышский полк. В середине дня саперы навели мост, по которому были переброшены остальные части Латышской и 52-й стрелковой дивизий». В сборнике «Перекоп», изданном редакцией «Истории гражданской войны», дано живое описание форсирования Днепра: «Лишь самая строгая тайна могла обеспечить удачу. На берег Днепра у Берислава свозились понтоны, чинились лодки, строились плоты и спускались на воду. Все тщательно маскировалось. За городом устанавливалась артиллерия. По ночам бойцы учились грести и управлять лодками. . . Переправа началась в 3 часа утра 7 августа. На лодки были посажены лучшие гребцы. Согласно приказу 2-я рота выступила первой. Бойцы понимали, что от них зависит успех не только всей бригады, но, может быть, и всей правобережной группы 13-й армии. Вся рота села в лодки по 3—4 человека. Некоторые лодки пропускали воду, черпалок не было, и воду приходилось выливать фуражками. Лодки выстроились в одну линию и бесшумно двинулись вперед. Белые заметили лодки только тогда, когда они были уже недалеко от левого берега. Стрелки быстро кинулись на берег и бросились на врангелевцев в штыки. Некоторые даже не ждали, пока лодки пристанут к берегу, а, выпрыгнув в воду без выстрела, врукопашную кидались на врага. Белые не выдержали удара и бежали в камыши».

Но задача заключалась не только в форсировании Днепра, а в создании на его левом берегу, в тылу у противника, надежного плацдарма, опираясь на который можно было бы уничтожить врага.

Противник всеми силами стремился сбросить части Красной Армии с левого берега реки. Командование белых перебросило на Каховский участок сводный кавалерийский корпус Улагая в составе 1-й кавалерийской дивизии, 2-й донской кавалерийской дивизии и кубанских частей, общей численностью до 4500 сабель. Кровавопролитные бои за Каховский плацдарм продолжались около недели. Бросая в бой значительные силы, противник ценой огромных потерь старался восстановить положение. Но красные части прочно удерживали Каховский плацдарм. В результате боев этот важнейший плацдарм, овладение которым передавало инициативу в руки Красной Армии, был окончательно закреплен за нашими частями, после чего началось тщательное укрепление его.

Овладение Каховским плацдармом и его расширение стоили Красной Армии огромных усилий и жертв. Тяжело пострадала и Латышская дивизия. Особенно большие потери были в командном составе. Латыши отвоевывали каждую пядь земли

Рис. 33. Артиллерия Латышской дивизии на врангелевском фронте летом 1920 г.

ценой жизни многих своих лучших сынов. 12 августа 1920 г. у Черненька-Тарны крупными отрядами вражеской кавалерии был окружен 4-й латышский полк в составе 436 человек. После ожесточенного боя остатки полка, около 120—150 человек, сложили оружие. Врангелевцы произвели сортировку пленных, всех латышей в количестве 84 человек загнали в скотный сарай и после зверских истязаний расстреляли из пулеметов.

В боях за Каховку погиб один из самых преданных и самоотверженных бойцов за победу социализма, командир 2-го латышского стрелкового полка Освалд Лацис, старый большевик-подпольщик. 7 августа в боях за Каховку О. Лацис был ранен, но остался в строю, а 30 августа, когда он во главе 2-го латышского полка шел в цепи, вражеская пуля сразила его навсегда.

«С форсированием Днепра и взятием Каховки для Латдивизии настал период тяжелых августовских боев. Вся дивизия тогда пришла в движение. Все внимание, все силы были отданы на выполнение боевых заданий. Из августовских боев, насыщенных моментами героизма и чрезвычайного напряжения и закончившихся в первых числах сентября славным разгромом неприятельской ударной группы с танками, — дивизия вышла в составе лишь жалких остатков кадров и с совершенно потрепанным тылом. Боеспособность дивизии — подорвана», — так

в сентябре 1920 г. в своем докладе доносил политотдел дивизии Реввоенсовету армии.

В сентябре Латышская дивизия получила большое подкрепление. Пополнение шло с Поволжья, Урала и Сибири, из русских деревень и сел. Это значительно изменило национальный состав дивизии.

Весь сентябрь на врангелевском фронте прошел в сильных боях и приготовлениях к новому удару по врагу. Латышская дивизия с 7 сентября по директиве командующего Юго-Западным фронтом из XIII армии была передана в состав VI армии, находившейся под командованием А. Корка, ранее командовавшего XV армией. На VI армию возлагалась задача нанесения главного удара по Перекопскому валу и окончательного разгрома Врангеля.

27 сентября 1920 г., ввиду усиленного натиска со стороны врангелевцев, приказом по VI армии для обороны Каховского плацдарма была образована ударная группа в составе 51-й дивизии и Латышской стрелковой дивизии, под общим командованием командующего 51-й дивизией В. Блюхера.

В сентябре 1920 г. в газетах Южного фронта было помещено следующее обращение члена Реввоенсовета VI армии В. П. Потемкина «Бойцам Латдивизии»: «Сыны Латвии — славная гвардия революции! С полей своей угнетенной родины, из убогих батрацких хижин... вынесли вы страшную ненависть к баронам и попам, заводчикам и фабрикантам, кровососам и дармоедам всякого рода.

Ради борьбы с ними вы стали под боевым знаменем Советской власти. Ради нее (этой власти) вы вступили в бой с самыми заклятыми врагами рабоче-крестьянской республики, бросались в самые опасные для нее места, сражались, как львы, умирали, как герои, вечной славой покрыв себя и любимую родину — Латвию.

На Южном фронте хорошо знают доблестную Латдивизию. Сокрушительным громом, бурей железа и огня обрушилась Латдивизия на Деникина, когда тот шел на Тулу и хвалился взять Москву. Стальной щетиной штыков гнала она его расстроенные полки к морским берегам и за Перекоп.

А когда белый зверь Врангель под шумок вылез из своей Крымской берлоги, Латдивизия грудью встретила бешеный натиск врага и отбросила его от днепровских переправ. Теперь он пробует свои силы еще раз. Ну так бей же, бей ошалевшего барона, Латдивизия! Бей со всего плеча!

Бей так, чтобы от Врангеля осталось мокрое место. И докажи всем еще раз, что где твои бойцы, там нет больше баронов, генералов, господ и паразитов всяких званий.

Вперед, славные воины доблестной дивизии!

На вас с надеждой смотрят советские республики — Россия и Украина. На вас с гордостью и любовью глядит ваша родина — трудовая Латвия».

Осенью 1920 г., когда на востоке, в Сибири, а также на Северном Кавказе были уже ликвидированы белогвардейские фронты, Врангель, угрожая из Крыма и Северной Таврии Донбассу и действуя в тылу сражавшейся на польском фронте Красной Армии, грозил отрезать центр Советской республики от угля и хлеба, срывал восстановление страны и социалистическое строительство. Партия подняла рабочий класс и весь трудовой народ на борьбу с Врангелем. На фронт были мобилизованы тысячи коммунистов.

После захвата в августе Каховского плацдарма инициатива была вырвана из рук Врангеля. Весь сентябрь шла усиленная подготовка к нанесению решающего удара по последнему оплоту контрреволюции на юге страны. Снова был создан Южный фронт, командующим которым был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. 27 сентября новый командующий прибыл на фронт. М. В. Фрунзе обратился к войскам с приказом, в котором говорилось: «Вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте... На нас и на наши армии падает задача разрубить мощным ударом этот узел и развеять прахом все расчеты и козни врагов трудового народа. Этот удар должен быть стремительным и молниеносным... Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта». Силы Южного фронта росли с каждым днем. Сюда прибывали все новые и новые части Красной Армии. Особенно усиливалась конница. Помимо уже действовавшей на этом фронте II конной армии, в конце октября сюда же с польского фронта была переброшена и I конная армия Буденного.

В то же время в конце сентября и особенно в октябре резко активизировался и противник. Врангель предпринимал новые решительные попытки уничтожить Каховский плацдарм и прорваться на правый берег Днепра. В первых числах октября 1-й корпус Врангеля действительно прорвался на правый берег Днепра у Александровска и в районе Никополя, оказался позади Каховского плацдарма и, поддержанный 14 танками, намеревался атаковать Каховку лобовым ударом. Но после упорных семидневных боев противник был разбит частями 51-й дивизии и Латышской дивизии. Врангелевская конница, прорвавшаяся на правый берег Днепра, также была отброшена назад на левобережье. При этом Красной Армией были захвачены большие трофеи, в том числе 10 танков и 5 броневиков, и свыше полутора тысяч пленных.

М. В. Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину о достигнутых

успехах и выразил уверенность, что нанесенное Врангелю поражение является началом его крушения. В ответ на это В. И. Ленин предостерегал М. В. Фрунзе от чрезмерного оптимизма и предлагал тщательно подготовить операцию, чтобы «на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма» *.

Приближался день полного разгрома врага. 26 октября командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину: «Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 [октября] и 1 ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь...» В отданном в тот же день приказе войскам Южного фронта говорилось: «... Можно предполагать, что противник начал общий отход в Крым, под прикрытием маневренных арьергардов. ... Войскам фронта ставлю задачу во что бы то ни стало не допустить отхода противника в Крым и согласованным концентрическим наступлением всех армий уничтожить его главные силы, группирующиеся к северу и северо-востоку от перешейков, отрезать пути его отхода в Крым и стремиться на плечах бегущих овладеть перешейками». Далее следовали подробные оперативные задания всем армиям фронта. VI армия, в состав которой входила и Латышская дивизия, должна была главными силами, перейдя в решительное наступление, разгромить части 2-го корпуса противника и закрыть путь для отхода врангелевцев через Перекоп, а у Каховки надежно обеспечить наши исходные позиции. Не менее одной дивизии армии приказано было иметь в резерве. На I конную армию возлагалась задача нанесения главного удара. Она должна была, выйдя в тыл противника, отрезать его от перешейков и решительным наступлением с юга, совместно с VI армией и II конной армией, окружить и уничтожить главные силы противника.

В ночь на 28 октября I конная армия в составе 4 дивизий и особой кавалерийской бригады по понтонному мосту переправилась у Каховки на левый берег Днепра, и в тот же день по всему Южному фронту части Красной Армии перешли в решительное наступление. К 30 октября части Первой конной зашли в тыл противника и заняли селение Отрада. Сюда же прибыл и полевой штаб конной армии во главе с Буденным и Ворошиловым. В эти же дни XIII армия, развивая энергичное наступление, оттеснила противника и заняла г. Мелитополь. 31 октября и 1 ноября в районе Отрады происходили ожесточенные кровопролитные бои между частями Первой конной армии Буденного и основными силами врангелевцев, стремив-

* В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 392.

шимися выйти из окружения и прорваться к Чонгарскому мосту, чтобы укрыться в Крыму. Начался двухдневный яростный бой между красными конниками и превосходившими их количеством прекрасно вооруженными врангелевцами, для которых все было поставлено на карту. Бой закончился к вечеру 1 ноября полной победой красной конницы. Белогвардейцы потеряли более 100 орудий, почти все бронепоезда и около 20 тыс. пленными, что составляло примерно половину всей армии Врангеля.

РАЗГРОМ ВРАНГЕЛЯ. ОКОНЧАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И РАСФОРМИРОВАНИЕ ЛАТЫШСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Уцелевшие остатки врангелевской армии всеми путями и средствами стремились пробиться в Крым. 31 октября, когда бои шли у Отрады, части VI армии — 51-я дивизия, покрывшая себя славой в боях с Колчаком, — начали штурм Перекопа. Свои позиции противник защищал всеми средствами и с особой бдительностью. Вся местность и подступы к валу простреливались артиллерийским огнем и освещались мощными прожекторами. Проявив подлинный героизм, ударная группа Блюхера под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем противника лобовым ударом овладела двумя укрепленными позициями противника. Несмотря на это, ударная группа, понесшая огромные потери, не смогла захватить главные позиции врага — Турецкий вал.

Было ясно, что с налета, без артиллерийской подготовки атаки и обхода с Сиваша, взять перекопские укрепления не удастся. И командование Южного фронта приступило к подготовке артиллерийской и инженерной атаки Перекопского вала, которая была закончена к 6 ноября 1920 г.

В дни решающих боев с Врангелем на Латышскую дивизию приказом по VI армии от 25 октября была возложена ответственная задача — бдительно оборонять Каховский плацдарм, учитывая возможность нового удара противника в этом направлении. Для исполнения этого приказа Латышской дивизии с артиллерией надлежало перейти на Каховский плацдарм не позднее 25 октября и занять линию от Каховки до Аскании-Новой, приняв все меры, чтобы быть в полной готовности к решительному наступлению. 1 ноября Латышская дивизия, согласно полученному приказу, вела наступление в направлении на Асканию-Новую и село Рождественское. В оперативной сводке VI армии от 1 ноября сообщалось, что 1-й и 5-й латышские полки достигли района в 12 верстах северозападнее Рождественского. В то же время 6-й латышский

Рис. 34. Командный состав Латышской дивизии у Перекопа в ноябре 1920 г. Справа налево: К. Стуцка — начальник дивизии, Р. Апин — комиссар, К. Шведе — начальник штаба.

полк, подойдя к Рождественскому с севера, был атакован большими силами кавалерии и пехоты противника. После двухчасового боя 6-й полк был окружен противником и почти полностью уничтожен. 2 ноября Латышская дивизия с боем заняла Рождественское. В последующие дни остальные части дивизии, продолжая наступление, сосредоточились в районе Аскании-Новой.

7—9 ноября 1920 г., дни третьей годовщины Великой Октябрьской революции, были решающими днями в разгроме Врангеля. Вечной славой в этих боях покрыла себя и героическая 51-я дивизия.

7 ноября, осуществляя план командования Южного фронта, части 15-й и 52-й дивизий Красной Армии начали свой беспримерный героический переход через Сиваш, чтобы переправиться на Литовский полуостров, захватить его укрепления и ударить с тыла по войскам Врангеля на Турецком валу.

Известный венгерский писатель Матэ Залка, погибший в 1938 г. в Испании, где он под именем генерала Лукача командовал интернациональной бригадой, оставил описание исторического перехода Красной Армией вброд Сивашского моря во время штурма Перекопа в 1920 г.

«Между нами, — пишет Матэ Залка, — гнало свои грязные воды Сивашское море. Мы рыскали в поисках брода, переходов и мостов через Сиваш. Переходы были только в трех местах: справа от нас Перекопский перешеек, слева — длинная и узкая Арабатская стрелка, а посредине — маленький Чонгарский мост и бетонная дамба. Вот что связывало Крым с материком. Маленький Чонгарский мост белые сожгли дотла, одни головешки торчали из беспокойной воды. Длинную Арабатскую стрелку, по которой ринулись бесстрашные полки буденновцев, губительный огонь врангелевских азовских мониторов сделал непроходимой. А Перекопский перешеек . . . белые сделали совершенно неприступным. Белые ушли в Крым, где они на заранее приготовленных позициях встали против нас стеной. Осенний ветер волновал мутные воды Сиваша. Было начало ноября. Белые зря сыпали снарядами, гранатами, пулями, шрапнелями, в которых у них недостатка не было. Четыре дня мы боролись под Чонгаром с холодной водой и горячей смертью. Вода закипала от снарядов. А на железнодорожной линии происходило единоборство нашего бронепоезда с бронепоездом белых.

Сильный зюйд-вест обнажил дно моря между Строгоновкой и Литовским полуостровом. Туда — презирая смерть — ринулись огненная дивизия и 15-я Инзенская дивизия».

8 ноября на рассвете начался героический штурм Перекопского вала. Нанесение главного удара было возложено на части 51-й дивизии. Ожесточенный артиллерийский бой за обладание Турецким валом продолжался с неослабевающей силой в течение всего дня. В полдень бойцам 152-й бригады и огневой бригады 51-й дивизии, несмотря на громадные потери и ураганный огонь противника, удалось подойти к валу на расстояние 50 шагов от него. Бойцы производили прорыв проволочных заграждений на дне оврага перед валом. Движение цепей местами совершалось ползком. К вечеру части 152-й и ударной бригад подошли к самому валу. Первая атака не увенчалась успехом. «Ураганным оружейным и пулеметным огнем из бомбометов, минометов, забрасывая нас ручными гранатами и расстреливая из орудий на картечь, — как сообщала оперативная сводка 51-й дивизии, — противник вынудил наши части отойти на линию проволочных заграждений». За первый день штурма 51-я дивизия понесла большие потери. Ее ударный полк потерял 60 процентов своего состава. Был убит командир 455-го полка, выбыл из строя почти весь младший командный состав полков, был ранен начальник бронеполка и т. п.

Только в третий раз бросившись в атаку на Турецкий вал, доблестные части 152-й и огневой бригад 51-й дивизии под

командой В. Блюхера сломили упорное сопротивление противника и овладели валом.

Перекоп был взят. Развивая дальнейшее наступление, части 152-й бригады к 8 часам утра 9 ноября заняли г. Армянск.

После овладения Турецким валом 51-я дивизия продолжала преследование отходившего на Ишуньские позиции противника. Эти позиции сами врангелевцы называли вторым Перекопом. Находясь между соляными озерами и морем, они представляли собой труднопреодолимую преграду. Наряду с окопами и проволочными заграждениями там были созданы бетонированные опорные пункты для пулеметов и пушек. Кроме того, противника здесь поддерживали с моря военные корабли интервентов, стоявшие в Черном море. Ишуньские укрепления являлись последним оплотом Врангеля после потери Турецкого вала. Продолжая развивать наступление, части 51-й дивизии подошли к Ишуньским позициям. К вечеру 10 ноября они после ожесточенного боя, несмотря на то что в бой вступили и английские и французские корабли, тяжелые орудия которых били с Перекопского залива по наступающим частям Красной Армии, овладели первой и второй линиями укреплений. На рассвете бой возобновился с новой силой.

Белогвардейцы, для которых сдача Ишуньских позиций означала полное поражение, делали отчаянные усилия, чтобы спасти положение. Они бросили в контратаку марковскую, дроздовскую и корниловскую дивизии с танками, броневиками и бронепоездами. В то же время орудия с военных кораблей интервентов продолжали с моря обстреливать красные войска. Одновременно на левом фланге создавалась угроза прорыва белой конницы в тыл 51-й дивизии. Доблестные части 51-й и 52-й дивизий, в течение трех дней ведшие непрерывные ожесточенные бои с противником и потерявшие при штурме Перекопского вала и у Сиваша убитыми и ранеными около половины своего состава, были вконец измотаны. Учитывая это и желая ввести в бой против Врангеля новые части, командование VI армии еще 9 ноября приказало Латышской дивизии сменить правофланговые части 51-й дивизии и наступать на Ишунь. Выполняя этот приказ, части Латышской дивизии 9 ноября выступили из района Аскании-Новы и 11 ноября вышли к Ишуньским позициям как раз в тот момент, когда там сложилось критическое положение. Своевременный подход свежих сил решил дело. Совместным ударом Латышской дивизии и 51-й дивизии противник был выбит из последних своих укреплений.

«С рассветом 11 ноября, — писал В. Триандафиллов, — противник вновь контратаковал 15-ю и 52-ю стрелковые дивизии, причем около 11 часов положение там сложилось настолько

критическое, что было опасение, что врангелевская конница Барбовича прорвется на Армянск, в тыл всей 6-й армии. Введением в дело последних резервов положение здесь было сохранено. Кризис боя наступил раньше на нашем правом фланге, где 51-я стрелковая дивизия, вместе с подошедшей Латышской дивизией, в этот день заняла Юшунь. С нашим выходом к Юшунь устойчивость обороны противника была настолько разрушена, что отпадал вопрос о возможности дальнейшего сопротивления белых».

В ночь с 11 на 12 ноября врангелевцы начали быстро отходить на юг. Красная Армия продолжала преследование бежавшего в панике противника. Врангелевцы отступали в такой спешке, что за ними могла угнаться только красная конница Буденного.

Подводя некоторые итоги положения на фронте, С. М. Буденный и член Реввоенсовета I конной армии К. Е. Ворошилов в приказе по конной армии от 12 ноября 1920 г. писали: «Войска барона Врангеля, не добитые нами в боях на левом берегу Днепра, укрылись на Крымском полуострове в полной уверенности, что им удастся отсидеться за естественными и искусственными укреплениями.

Царскому барону казалось, что скоро он снова возобновит свои разбойничьи набеги на Советскую республику, что его неудачи — временного характера, а расстройство его армии и потери быстро ликвидируются с помощью мировой буржуазии. Так мечтал кровавый генералитет, сидя за неприступными позициями Сиваша и искусственными сильнейшими укреплениями.

Генералы и вручившая себя их попечению буржуазия прощались... То, что невозможно для обманутых солдат барона, стало доступно беззаветной храбрости красных воинов.

Доблестные геройские полки 51-й стрелковой дивизии, под руководством беззаветно преданных республике и революции командиров, при содействии стрелковой Латдивизии, под ураганным огнем противника с моря и суши, голодные и усталые, непрерывными штурмами овладели этой крепостью. Во время боев с 8 ноября они, прорезывая несколько линий проволочных заграждений, устилая трупами своих лучших бойцов путь к победе, многочисленными атаками нанесли колоссальные потери противнику.

Сбитый пехотой, разложенный паникой, потерявший с падением этой единственной укрепленной полосы Крыма надежду на дальнейший успех своего черного дела, противник откатывается в глубь Крыма. Впереди у них гибель от нашей меткой пули или сабли, позади волны бездонного Черного моря, преграждающего путь к спасению.

Пехота блестяще выполнила возложенную на нее задачу.

Теперь дело за вами».

И конница Буденного сделала свое дело. 14 ноября Красная Армия взяла Симферополь и Феодосию. 15 ноября был освобожден Севастополь.

Латышская дивизия, перейдя с Ишуньских позиций в наступление в южном направлении, к 14—15 ноября достигла Евпатории.

Весь Крым был занят Красной Армией.

Южный фронт — последний фронт гражданской войны — перестал существовать. 16 ноября М. В. Фрунзе со станции Джанкой телеграфировал В. И. Ленину: «Сегодня нашей конницей взята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

В приказе по войскам Южного фронта от 17 ноября 1920 г. за подписями М. В. Фрунзе и члена Реввоенсовета И. Смилги были подведены итоги победоносных боев против Врангеля, закончившихся полным его разгромом и славной победой Красной Армии. «Несмотря на ловкие маневры и изворотливость тактики, — говорилось в приказе, — барон Врангель в своих попытках обосноваться в Приднепровье потерпел полное поражение. Доблестными частями 13-й армии лавина донцов и кубанцев, двигавшаяся на Донецкий бассейн, была разгромлена под Юзовкой и Волновахой. Выход противника на правый берег Днепра у Александровска и Никополя окончился поражением его 1-го корпуса и гибелью лучшей его конницы, что явилось поворотным пунктом кампании и началом разгрома Врангеля.

Последовательное наступление на правый фланг 6-й армии под Каховским плацдармом дало противнику те же результаты — грозные танки и броневики были опрокинуты героической артиллерией и пехотой 51-й и Латышской дивизий и остались трофеями у наших окопов.

20 октября армии Южного фронта перешли в решительное наступление на юг от Днепра и на Мелитопольские позиции противника. Подошедшая 1-я конная армия была двинута в тыл противнику на Сальково и Геническ. Чувствуя неизбежный конец, противник сопротивлялся отчаянно. С упорными боями наши доблестные войска настойчиво продвигались вперед, тесня и разбивая врага. Охватываемый со всех сторон, отрезанный с тыла, противник потерял много пленных, большую часть своей артиллерии, все продовольственные и боевые запасы и в беспорядке ушел на Крымский полуостров, пытаясь укрыться за естественной преградой Сиваша и в укреплениях Перекопского и Чонгарского перешейков. Но никакие преграды и укрепления не могли остановить победного марша наших армий. Обойденный по Сивашу 15-й Инзенской дивизией, Перекопский вал 11 ноября был взят штурмом героическими час-

тями 51-й дивизии. Отчаянное сопротивление противника на Юшуньских позициях было сломлено, и части 51-й, 15-й и Латышской дивизий 12 ноября вышли в Крым. Одновременно с этим, невзирая на мощь обороны Чонгарского перешейка, герои 30-й стрелковой дивизии форсировали сивашские переправы и 12 ноября с боем вышли к Джанкою. Последние попытки противника под Джанкою прикрыть отход на Керчь были ликвидированы частями 2-й конной армии. Ворота в Крым были открыты. Один за другим пали Симферополь, Феодосия, Севастополь и Керчь. К 16 ноября весь Крым был в наших руках. Победные красные знамена утвердились на берегах Черного моря».

После освобождения Крыма на очередь дня встала задача разгрузки маленького полуострова от скопившихся здесь войск, участвовавших в уничтожении последыша генеральско-помещичьей контрреволюции. Ряд частей был выведен из Крыма. Вместе с тем была произведена реорганизация отдельных соединений и частей Красной Армии, в том числе и Латышской дивизии, понесших крупные потери в предшествующих боях.

С ликвидацией Южного фронта против Врангеля и участием во взятии Юшуньских позиций закончился боевой путь Латышской стрелковой дивизии. Она была влита в состав 52-й дивизии.

Слияние это было произведено по предложению командующего VI армией А. Корка. В его донесении в штаб Южного фронта от 15 ноября говорилось: «Сегодня первыми вступили в Севастополь конные части крымской повстанческой армии, а вслед за ними 153-я бригада 51-й дивизии. Последний груженный врангелевцами пароход отошел 14 ноября в 18 часов. В Севастополе остался местный белый гарнизон (около 10 тысяч), а также разрозненные части войск, прибывшие с фронта. Огромные трофеи. В Ялте работает уже Ревком.

Полагаю: обратить Латдивизию на пополнение 52-й дивизии, наиболее надежные части врангелевцев влить на пополнение. Вывести 15-ю дивизию с Крымского полуострова и слить с 1-й дивизией.

Все это вызвано отсутствием транспорта и небольшим количеством оставшихся бойцов в отдельных частях».

28 ноября последовал приказ по войскам VI армии, по которому Латышская стрелковая дивизия объявлялась расформированной, а отдельные ее части вливались в состав 52-й стрелковой дивизии Красной Армии.

Расформирование Латышской стрелковой дивизии по окончании гражданской войны было вполне обоснованным и объясняется следующими мотивами:

1) разгромом Врангеля закончилась гражданская война;
 2) Красная Армия создавалась как единая армия трудового народа, строящего социализм и борющегося за него;

3) против существования особой Латышской советской дивизии в Советской России протестовала буржуазная Латвия, с которой только что был заключен мирный договор, и, наконец,

4) после кровопролитных боев против Деникина и Врангеля в связи с огромными людскими потерями в Латышскую дивизию влились большие пополнения, которые в основном шли за счет русского населения средней полосы России и Урала и дивизия в значительной степени утратила свой национальный характер.

По официальным данным политотдела Латышской дивизии, за время с 15 по 30 ноября 1920 г. в дивизии всего числилось бойцов:

Части	Латышей	Русских	Других национальн.	Всего
1-я бригада	1565	2263	172	4000
2-я бригада	1681	2085	445	4211
3-я бригада	1390	2226	628	4244
Артиллерийская часть	869	856	160	1885
Санитарная часть	185	395	83	663
Инженерная часть	284	514	31	829
Снабженческая часть	218	47	41	306
Дивизионная школа младшего комсостава	86	88	21	195
Всего	6278	8474	1581	16333

Кроме сведений о национальном составе дивизии, отчет политотдела дивизии содержит также данные, характеризующие классовый и партийный состав дивизии:

Части	Число			Как вступали в Красную Армию		
	рабочих	крестьян	прочих	добровольно	по общей мобилизации	по парт. мобилизации
1-я бригада	2466	1417	117	2765	1184	27
2-я бригада	2152	1721	338	3166	922	77
3-я бригада	2771	1346	127	2433	1731	57
Артчасть	1125	685	75	868	998	16
Санчасть	210	142	58	315	76	4
Инжчасть	415	385	29	598	216	10
Снабчасть	210	72	24	162	142	1
Дивизионная школа	69	70	56	99	91	5
Всего	9418	5838	824	10406	5380	197

Части	Имелось рот или др. подразделений	Парт. ячейки		Число	
		полковые	ротные	кандидатов	членов
1-я бригада	47	3	28	22	361
2-я бригада	47	4	25	26	507
3-я бригада	51	4	32	35	449
Артчасть		3	13	20	321
Санчасть		6	—	16	83
Инжчасть	6	—	5	8	84
Снабчасть	5	—	3	1	17
Дивизионная школа . . .		1	—	6	42
Всего	156	21	106	134	1864

Самый беглый анализ этих цифр дает возможность рассмотреть Латышскую стрелковую дивизию даже в последний период ее существования — в ноябре 1920 г. — как дивизию с большим числом партийцев и пролетарскую по классовому составу. Две трети ее бойцов составляли добровольцы.

В Латышской дивизии широко была развернута политическая и культурно-просветительная работа. Так, за сентябрь 1920 г., в условиях боевой обстановки, в дивизии было проведено 33 митинга-концерта, по полкам — 80 общих собраний стрелков, 59 собеседований с беспартийными, 64 партсобрания, не считая собраний отдельных кружков по партучебе. В сентябре (как и в августе 1920 г.) была проведена конференция коммунистических организаций, объединявших 2218 членов и 164 кандидата партии.

Латышская дивизия являлась образцом для других дивизий по постановке политработы. Еще на деникинском фронте, в декабре 1919 г., военный комиссар особой дивизии, вошедшей в состав XIV армии, получил указание политотдела армии связаться с политотделом Латышской дивизии, чтобы наладить у себя политработу. Латышская дивизия выделила для особой дивизии опытных политработников.

В Латышской дивизии для стрелков издавалась газета «Циняс балсс» («Голос борьбы») на латышском и русском языках.

По приказу командующего армией при Латышской дивизии была создана школа младшего комсостава, обслуживавшая все дивизии армии. В сентябре 1920 г. в этой школе числилось 195 слушателей. 4 октября 1920 г. приказом командующего войсками Бериславской группы начдива 51-й дивизии В. К. Блюхера окончившие эту школу красные командиры были распределены по всем дивизиям армии.

Рис. 35. Политотдел Латышской дивизии и редакционная коллегия дивизионной газеты «Циняс балсс» на Южном фронте в 1920 г.

* *
*

Пролетарская по своему составу, политически высоко сознательная Латышская дивизия на Южном фронте в боях с Деникиным и Врангелем, а также с кулацкими бандами Махно высоко держала знамя интернационализма.

Латышские стрелки — доблестные сыны латышского трудового народа — были носителями революционных традиций, не раз получали высокую оценку Владимира Ильича Ленина.

Став в мае 1917 г. под интернациональные знамена пролетарской революции, латышские стрелковые полки никогда уже не изменяли этому знамени и Коммунистической партии.

В решающие дни Великой Октябрьской социалистической революции латышские стрелки были надежным оплотом русского революционного пролетариата, верными и преданными солдатами социалистической революции. Не щадя своей жизни, с оружием в руках латышские стрелки защищали свою родную Советскую власть от посягательств контрреволюционеров и интервентов.

Дважды латышские революционные стрелки покидали свою родину, Латвию, — в начале 1918 г., когда она была поработана немецкими оккупантами, и в конце 1919 г., когда власть в Латвии захватила националистическая буржуазия. Револю-

ционные стрелки организованно уходили в Советскую Россию, чтобы там на фронтах гражданской войны, в первых рядах бойцов Красной Армии сражаться за победу Советской власти, за социализм.

В рядах латышских стрелковых полков в Советскую Россию из Латвии ушли лучшие представители латышского трудового народа и его Коммунистической партии. Латышские стрелки отличались высокой революционной дисциплиной, доблестью, отвагой и политической сознательностью. Из их рядов Коммунистическая партия и великий Ленин выдвинули большое число командиров, полководцев и военных организаторов Красной Армии.

В тяжелые годы гражданской войны, сражаясь в рядах Красной Армии, многие тысячи лучших сынов Латвии отдали свою жизнь за победу рабочего класса и крестьянства, за победу Советской власти.

Следуя революционным традициям своих отцов, молодое поколение латышского трудового народа в годы Великой Отечественной войны в рядах Латышского гвардейского корпуса и в партизанских отрядах доблестно сражалось против фашистской Германии.

Н. С. Хрущев, выступая 11 июня 1959 г. на митинге дружбы по случаю пребывания в Риге партийно-правительственной делегации Германской Демократической Республики, говорил: «Известно, какие славные революционные традиции имеет рабочий класс Латвии, как мужественно сражались многие сыны латышского народа в рядах Красной Армии в годы гражданской войны. Вспоминается такой эпизод. Когда войска Деникина, заняв Орел, продвигались к Туле, на один из участков фронта была направлена дивизия латышских стрелков. Дивизия разбила белогвардейцев на своем участке и сыграла большую роль в разгроме деникинских банд на этом направлении. В годы Великой Отечественной войны латышский народ вместе с другими братскими народами Советского Союза самоотверженно сражался против фашистских захватчиков за свою родную землю, за Советскую власть. Теперь в братской семье народов нашей страны трудящиеся Латвии самоотверженно трудятся над осуществлением задач коммунистического строительства»*.

Латышская стрелковая дивизия является гордостью латышского народа, и народ свято чтит память героев, павших за победу пролетарской революции и Советской власти.

* Газета «Правда», № 163, 1959 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Циня» («Борьба») — центральный орган Коммунистической партии Латвии. Первый его номер вышел нелегально в марте 1904 г. Газета «Циня» как руководящий орган революционной борьбы пользовалась огромным влиянием в народных массах во время революции 1905—1907 гг. в Латвии. В 1910 г. В. И. Ленин посвятил выходу сего номера газеты большую статью, в которой высоко оценил революционную борьбу латышского пролетариата (см. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 235—238). Впервые газета «Циня» стала выходить легально в 1917 г. — сперва под редакцией П. Стучки в Петрограде, а с 13 мая 1917 г. — под редакцией Ю. Данишевского в Риге. Временное правительство в лице А. Керенского воспользовалось захватом германскими войсками в августе 1917 г. Риги, чтобы запретить газету «Циня». Выход ее был возобновлен в Валке под редакцией Я. Круминя (Пилата) после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В годы буржуазной Латвии «Циня» выходила нелегально. — 7.

² Вацетис Иоаким Иоакимович (1873—1938). Известный военный деятель. Родился в Курляндской губернии в семье батрака. В 1897 г. окончил Виленское военное училище, а в 1909 г. — военную академию. Участвовал в первой мировой войне. Последний чин в старой армии — полковник. Вступил в Красную Армию в январе 1918 г., командовал советскими войсками, действовавшими против польского корпуса ген. Довбор-Мусницкого. 6 и 7 июля 1918 г. руководил войсками при подавлении левоэсеровского мятежа в Москве. 10 июля того же года, после измены Муравьева, вместо него был назначен командующим Восточным (чехословацким) фронтом. В начале сентября 1918 г. Вацетис был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами РСФСР. При его непосредственном участии проходила организация отпора врагу на основных фронтах гражданской войны. 8 июля 1919 г. Вацетис был освобожден от должности главнокомандующего и спустя некоторое время назначен преподавателем Военной академии РККА и председателем комиссии по рассмотрению вопросов, связанных с переходом к милицейской системе.

И. Вацетисом написано много статей по военным вопросам. На латышском языке издана его работа «Историческое значение латышских стрелков» в двух частях (издательство КПЛ «Спартак», 1922 и 1924 гг.). — 9.

³ Видземе, Курземе и Латгале — три исторически сложившиеся части Латвии, в то или иное время находившиеся под господством разных государств.

Видземе и Рига долгое время находились под властью Швеции и были присоединены к России в 1710 г. во время Северной войны. Это присоединение было закреплено Ништадтским мирным договором (1721 г.).

Курземе с 1561 г. была преобразована в Курляндское герцогство. Оно находилось в вассальной зависимости от Польши и было присоединено к России в результате второго раздела Польши в 1795 г.

Латгале (Латгалия) еще в XVI в. была включена в состав Польско-Литовского государства. К России она была присоединена в результате первого раздела Польши в 1772 г. Первоначально Латгале была включена в состав Псковской, а позже — в состав Витебской губернии.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции все три части Латвии Советской властью были объединены в одно целое — в Социалистическую Советскую Республику Латвии. — 10.

⁴ *Икшкильское предмостное укрепление.* После отхода летом 1915 г. русских войск из Курземе на левом берегу Даугавы, в излучине реки, напротив Икшкиле, осталась не занятой немцами узкая полоса берега. Здесь закрепились русские воинские части. Эта полоса русским командованием была потом сильно укреплена. Несмотря на неоднократные попытки немцев выбить русские войска с этих позиций, это им не удавалось, так как защита их обеспечивалась фланговым артиллерийским огнем русских с правого берега реки. Смена частей на Икшкильском предмостном укреплении производилась через Даугаву ночью, на лодках или по наведенному временному мосту. Переправы подвергались со стороны немцев непрерывному артиллерийскому обстрелу. Солдаты XII армии прозвали Икшкильское предмостное укрепление на левом берегу Даугавы «Островом смерти», так как защитники его, подвергавшиеся непрерывному обстрелу, находились всегда в смертельной опасности.

В июле 1917 г. русские войска с Икшкильского предмостного укрепления по приказу командования были сняты и переведены на правый берег Даугавы. И как раз здесь, у Икшкиле, в августе 1917 г. немцы после ураганного артиллерийского огня форсировали Даугаву, чтобы обходным путем двинуться на Ригу. — 13.

⁵ *Искосол XII* — Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов XII армии, организован с одобрения командующего XII армией генерала Радко-Димитриева 9 марта 1917 г. на большом солдатском митинге в Риге. Искосол XII на протяжении почти всего 1917 г. находился в руках меньшевиков и эсеров и служил для военного командования средством давления на солдатскую массу XII армии.

С мая 1917 г., когда Искосол XII объединился с Искомофом (Исполком Совета офицерских депутатов XII армии), председателем Искосола стал Г. Кучин, член ЦК партии меньшевиков, а его заместителем — бундовец А. Хараш. Они возглавляли Искосол XII вплоть до Октябрьской революции. От имени Искосола и XII армии они выступили на II Всероссийском съезде Советов против большевиков с призывом к делегатам-фронтовикам уйти со съезда. Достойный ответ Кучину и Харашу дал представитель латышских стрелков К. Петерсон, заявив, что армия не с искосольцами, что они не представляют солдат.

На армейском съезде, созванном 28 октября 1917 г., никто из прежних членов Исполкома не вошел в его новый состав. Был избран паритетный Искосол XII, по 22 члена от правого и левого блоков. Однако паритетный Искосол оказался недееспособным, и 14 ноября 1917 г. на чрезвычайном съезде солдатских депутатов XII армии был избран новый Искосол XII, в большинстве своем состоявший из большевиков. Председателем его был избран С. Нахимсон, а секретарем — Тракман, оба — большевики. — 14.

⁶ *Приказ № 1* Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов издан Советом 1 (14) марта 1917 г. Приказ предписывал немедленно избрать солдатские комитеты во всех воинских частях и подразделениях. Согласно приказу, солдаты обязаны были подчиняться только Совету рабочих и солдатских депутатов.

Приказом № 1 были установлены общегражданские права солдат, предоставлено им право участвовать в политической жизни, отменены особые права офицерства и запрещено грубое обращение с солдатами.

По приказу № 1 все виды оружия передавались в распоряжение полковых и ротных комитетов.

Историческое значение приказа № 1 состоит в том, что он нанес сокрушительный удар самовластию царского генералитета в армии и сыграл огромную роль в развитии революционного сознания солдат. — 15.

⁷ *Исколастрел* — Исполнительный комитет Объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков.

Первый состав Исколастрела, избранный на Объединенном Большом Совете латышских стрелковых полков 29 марта 1917 г., в большинстве своем был соглашательским и не отражал подлинных настроений стрелков-фронтовиков.

Приказом командующего XII армией генерала Радко-Димитриева от 30 марта 1917 г. за № 90 Исколастрел был утвержден на правах корпусного совещания.

17 (30) мая 1917 г. на Объединенном Большом Совете латышских стрелковых полков после горячих дискуссий почти все делегаты стрелков проголосовали за большевистскую резолюцию, предложенную от имени ЦК СДЛК Ю. Данишевским. Латышские стрелки в своем решении отказывались от поддержки Временного правительства и требовали перехода всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Новый Исколастрел, избранный на этом Совете, был большевистским и возглавлял всю политическую, и не только политическую, работу в латышских стрелковых полках.

Председателями нового Исколастрела были избраны В. Озол и П. Барда.

Штабс-капитан генерального штаба *Волдемар Озол* (1884—1949) был избран председателем еще первого Исколастрела. В. Озол родился в Белоруссии. Преодолев большие материальные трудности, он в 1904 г. поступил в Виленское военное училище, а перед началом первой мировой войны кончил Петроградскую военную академию. В 1916 г. был назначен начальником штаба 2-й латышской бригады.

В. Озол, будучи мелкобуржуазным демократом, терпимо относился к большевикам и сотрудничал с ними. После ухода латышских стрелков в Советскую Россию он остался в буржуазной Латвии, где подвергался преследованиям, и, наконец, был арестован и выслан из Латвии. Он уехал во Францию и жил в Париже. В 1936 г. В. Озол в интернациональной бригаде боролся против фашистов в Испании.

Вернувшись в Советский Союз, В. Озол жил в Риге и преподавал в Латвийском государственном университете и педагогическом институте.

Петр Барда родился в 1887 г. в Латгалии в семье батрака. Батрачил сам, а потом около 10 лет работал в Риге на текстильных фабриках. Член партии с 1906 г.

В начале войны был мобилизован в армию. После Февральской революции — первый большевистский председатель Исколастрела, активный борец за резолюцию 17 (30) мая 1917 г. Во время гражданской войны занимал ответственные посты в Красной Армии. Демобилизовавшись из армии, П. Барда занимал руководящие должности в текстильной промышленности в Советском Союзе. — 15.

⁸ *Большевистская Организация СДЛК* латышских стрелков была создана 26 марта 1917 г. в Риге на собрании членов партии — представителей от всех латышских полков. В комитет Организации с момента его основания вошли испытанные старые члены партии — подпольщики. Это дало комитету возможность широко развернуть политическую работу среди стрелков.

Одним из создателей Организации СДЛК латышских стрелковых полков в 1917 г. был *Петр Эйланд*, который еще в годы столыпинской реакции вступил в члены СДЛК. Во время первой мировой войны был призван в армию и зачислен в 4-й латышский стрелковый полк. Был

одним из организаторов нелегального кружка в этом полку. После Февральской революции организовал среди стрелков большевистский «Мартовский кружок», на основе которого создавалась большевистская Организация СДЛК латышских стрелковых полков. П. Эйланд был постоянным членом комитета Организации. Он был делегатом от стрелков-большевиков на Апрельской конференции РСДРП(б) в Петрограде. В 1919 г. П. Эйланд работал в политотделе Рижского Совета рабочих депутатов.

Постоянным председателем комитета Организации был *Эрнест Викман* (1893—1919). Родился в семье сельского рабочего в Екабпилсском уезде Курляндской губернии. Батрачил, работал на лесосплаве. В СДЛК вступил в 1910 г. С 1912 г. — член комитета организации СДЛК «Гайсма». В 1915 г. был призван в армию и зачислен в 4-й латышский стрелковый полк. За большевистскую агитацию неоднократно подвергался репрессиям. После Февральской революции, вместе с П. Эйландом, О. Лацисом, Г. Валдбахом и другими, создавал большевистскую Организацию СДЛК латышских стрелковых полков. В 1918 г. был председателем партийного комитета Латышской советской стрелковой дивизии. В последующие годы находился на партийной работе.

Видным работником комитета Организации был *Анс Фелдман* (1896—1938) — журналист, пропагандист. Родился в семье крестьянина Усменской волости Вентспилсского уезда Курляндской губернии. Член СДЛК с 1912 г. Проявил большую активность в распространении нелегальной литературы и прокламаций. В 1915 г. был призван в армию и зачислен в 3-й латышский стрелковый полк, где вел революционную пропаганду. После Февральской революции А. Фелдман был одним из активнейших пропагандистов большевистских идей среди латышских стрелков. Был постоянным членом большевистского комитета Организации СДЛК латышских полков. В октябре 1917 г. нес охранную службу в Смольном. После Брестского мира работал в Москве по созданию Латышской советской дивизии, был секретарем ее коммунистической организации и редактором в политотделе дивизии. После демобилизации работал в военном издательстве в Москве и латышском издательстве «Прометей». Один из организаторов издания многотомной истории латышских стрелков.

Большой популярностью и любовью среди стрелков пользовался член комитета их большевистской организации прапорщик *Освалд Лацис*, член партии с 1914 г. В армии он продолжал активную революционную работу и поддерживал связь с Видиенской организацией СДЛК. В начале 1917 г. О. Лацис был арестован царской охранкой, и только Февральская революция спасла его от расстрела. В 1917 г. он проводил огромную работу по большевизации латышских стрелков. После победы Великого Октября О. Лацис все свои силы отдавал делу организации Латышской советской стрелковой дивизии. Окончил Военную академию Генерального штаба Красной Армии. Вместе с латышскими стрелками прошел славный путь борьбы и побед на Южном фронте в качестве командира 2-го стрелкового полка. При форсировании Днепра у Каховки в начале августа 1920 г. был ранен, но боевого поста не оставил. В конце августа в районе Каховки снова был тяжело ранен и умер от ран. — 16.

⁹ «Окопная правда» — большевистская солдатская газета, издававшаяся в 1917 г. в районе XII армии и сыгравшая большую роль в большевизации солдатских масс Северного фронта. «Окопная правда» возникла как газета, издававшаяся солдатским комитетом 436-го Новоладожского полка. Первый номер ее вышел 30 апреля 1917 г. под редакцией прапорщика Ф. Хаустова. С седьмого номера газета становится органом большевистской Военной организации XII армии; редактором ее стал старый большевик А. Васильев. Вокруг газеты образовался актив, широкая редакционная коллегия, куда входили Р. Сиверс, Д. Гразкин, А. Дижбит, А. Григорьев, Р. Ковнатор и др. «Окопная правда» пользовалась широким авторитетом и любовью солдат не только XII армии, но и I и V

армий и вызывала лютую ненависть контрреволюционного офицерства, всей буржуазии и ее прессы, обливавшей «Окопную правду» грязной клеветой.

Военщина устроила поход против «Окопной правды». Приказом военного министра А. Керенского 21 июля 1917 г. газета была закрыта, а помещение редакции разгромлено отрядом казаков. Но уже через день, 23 июля, газета вышла вновь под названием «Окопный набат». В первый же день Октябрьской революции газета восстановила прежнее свое название. — 18.

¹⁰ *Рижский Совет рабочих депутатов* был избран во временном составе на созванном по инициативе СДЛК собрании 2 марта 1917 г. Официально Рижский Совет рабочих депутатов организовался 7 марта 1917 г. Через несколько недель председателем его был избран вернувшийся из ссылки большевик Р. Эндруп. В своей резолюции от 11 мая 1917 г. Рижский Совет потребовал передачи всей власти в руки Советов.

Рижский Совет рабочих депутатов фактически был руководящим Советом в неоккупированной части Латвии. После того как Ригу 21 августа (3 сентября) 1917 г. захватили германские войска, Рижский Совет был оккупантами разогнан, а часть его членов заключена в концентрационные лагеря. Деятельность Рижского Совета рабочих депутатов возобновилась в ноябре 1918 г. — вначале полулегально, а затем, после восстановления Советской власти, — открыто как органа Советской власти в Риге. Созидательная работа Рижского Совета снова была прервана 22 мая 1919 г., когда Рига была захвачена войсками генерала фон дер Гольца и белогвардейцами. — 19.

¹¹ *Объединенный Большой Совет латышских стрелковых полков*, или съезд делегатов латышских стрелковых полков, — высший выборный орган латышских стрелковых полков, который избирал новый состав Исполнительного комитета Совета — Исколастрел.

В экстренных случаях для решения отдельных вопросов собирался Малый Совет. Его делегатами были избранные представители полковых комитетов.

Ввиду того, что латышские полки в 1917 г. еще не были сведены в дивизию или в корпус, как это неоднократно предполагалось сделать, Большой Совет, а также избранный им Исколастрел фактически являлись органами, объединявшими все латышские полки. — 20.

¹² *Данишевский Юлий-Карл* (1884—1939). С 16-летнего возраста принимал участие в революционном движении. С 1903 г. — член Елгавской социалистической организации; работал в нелегальной типографии и был агитатором-пропагандистом. В 1904 г. был арестован. С 1905 г. — революционер-профессионал. Был избран в ЦК ЛСДРП, в 1907 г. на V Лондонском съезде РСДРП был избран членом ЦК РСДРП. В годы реакции — активный литературный работник и пропагандист. В начале мировой войны арестован и выслан в Нарымский край. После Февральской революции Ю. Данишевский приезжает в Москву и ведет активную революционную деятельность среди проживавших там латышей. Избирается в Московский Совет. Вместе с П. Стучкой и Я. Ленцманом избирается в президиум первой легальной (XIII) конференции ЦК СДЛК и латышских большевистских групп, состоявшейся в Москве в апреле 1917 г.

В мае 1917 г. Ю. Данишевский уже в Риге, и под его редакцией выходит газета «Циня». От имени ЦК СДЛК он внес на обсуждение Рижского Совета рабочих депутатов большевистскую резолюцию, принятую Советом 11 мая 1917 г. Принятие этой же резолюции латышскими стрелками явилось переломным моментом в истории латышских стрелковых полков, которые становятся передовым отрядом борцов за власть Советов и за победу социалистической революции.

В 1919 г. Ю. Данишевский был заместителем председателя правительства Советской Латвии и председателем Реввоенсовета армии Совет-

ской Латвии, а также членом Реввоенсовета РСФСР. В последующие годы находился на ответственной хозяйственной работе в Советском Союзе. — 20.

¹³ *Стучка Петр Иванович* (1865—1932). Выдающийся деятель международного революционного рабочего движения. Один из организаторов и создателей Латышской социал-демократической партии, а впоследствии — Коммунистической партии Латвии.

П. Стучка родился в Видземе, в Кокнесской волости, в семье зажиточного крестьянина. В 1888 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, после чего вернулся в Ригу и работал в качестве присяжного поверенного. Часто выступал по крестьянским делам, что дало ему возможность близко ознакомиться с аграрным вопросом в Латвии.

В 90-х годах П. Стучка вместе с Я. Райнисом становится редактором газеты «Диенас лапа» («Ежедневный листок»). Вокруг газеты группировалась революционная молодежь Латвии; «Диенас лапа» стала организующим центром демократического движения латышской интеллигенции — «Нового течения». На левое, марксистское крыло «Нового течения», возглавлявшееся П. Стучкой, Я. Райнисом и Ф. Розинем, большое влияние оказывал созданный В. И. Лениным нелегальный петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1897 г. движение «новотеченцев» было разгромлено царским правительством. П. Стучка был на 5 лет сослан в Вятскую губернию.

После ссылки П. Стучка принимает активное участие в создании единой марксистской партии латышского рабочего класса. Под его руководством в июне 1904 г. в Риге нелегально состоялся первый съезд ЛСДРП. Начиная с этого съезда П. Стучка почти беспрерывно являлся членом ЦК Латышской социал-демократии.

В 1906 г. П. Стучка руководил первым съездом СДЛК, на котором было утверждено объединение СДЛК с РСДРП.

После Февральской революции П. Стучка был членом ЦК СДЛК и ее представителем в ЦК РСДРП(б).

П. Стучка был активным участником Октябрьской революции и делегатом II Всероссийского съезда Советов в октябре 1917 г. С ноября 1917 г. П. Стучка входил в состав правительства РСФСР в качестве народного комиссара юстиции. Он принимал активное участие в разработке первой конституции РСФСР и первого советского законодательства.

С декабря 1918 г. по январь 1920 г. П. Стучка был председателем правительства Советской Латвии.

В последующие годы П. Стучка был активным участником международного рабочего движения и представителем КПЛ в Коминтерне, где с 1924 г. возглавлял контрольную комиссию ИККИ.

Умер П. Стучка в 1932 г. и похоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены. — 21.

¹⁴ *Розинь-Азис Фрицис* (1870—1919) — ветеран революционного рабочего движения в Латвии. Родился в Курземе в Гробиньском уезде, в бедной крестьянской семье. Окончил Лиепайскую гимназию и поступил в Тартуский университет, но в 1894 г. за революционную деятельность был из него исключен. Примыкал к «Новому течению» и был одним из наиболее революционно настроенных деятелей левого крыла этого движения. После разгрома царским правительством «Нового течения» вместе с другими был арестован и затем выслан на родину под надзор полиции. Но в следующем году Ф. Розинь эмигрировал в Англию и там с 1899 г. стал во главе «Западноевропейского латышского социал-демократического союза», сыгравшего большую роль в издании и распространении в Латвии социал-демократической нелегальной литературы. За границей Ф. Розинь был организатором нелегальной «Библиотеки социал-демократа» на латышском языке, а также создателем и редактором журнала «Соци-

алдемократс». Первый съезд ЛСДРП в 1904 г. признал этот журнал своим заграничным органом, а Ф. Розиня — официальным представителем партии в международных социалистических организациях; он принимал участие во всех международных социалистических съездах за границей.

В эмиграции Ф. Розинь написал книгу «Латышский крестьянин», которая выдержала несколько изданий. Эта книга была первой попыткой создания марксистской аграрной истории Латвии и в течение многих лет являлась настольной книгой каждого латышского коммуниста.

Ф. Розинь был делегатом V съезда РСДРП в Лондоне в 1907 г., где был избран в президиум съезда. В 1907 г. он вернулся в Латвию на нелегальную работу, но в начале 1908 г. был арестован на заседании Рижского комитета СДЛК и приговорен царским правительством к 4 годам каторги, которую отбывал в Рижской центральной тюрьме.

В 1912 г. Ф. Розинь был сослан на вечное поселение в Сибирь, откуда он бежал за границу, в Америку. Там он стал редактором латышской социал-демократической газеты «Страдниекс» («Рабочий»).

После Февральской революции Ф. Розинь рвался на родину, но буржуазное Временное правительство не пускало его в Россию. Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции Ф. Розинь получил возможность приехать в Петроград. После встречи с В. И. Лениным и П. Стучкой Ф. Розинь выехал в неоккупированную часть Латвии (в Валку), где он был кооптирован в состав ЦК СДЛ. 8 (21) ноября 1917 г. на пленуме Совета рабочих, стрелковых и безземельных депутатов Латвии (Исколата) Ф. Розинь был кооптирован и в состав Исколата и избран его председателем. В декабре 1917 г. на II съезде Советов Латвии Ф. Розинь был вновь избран председателем Исколата.

После захвата немцами всей Латвии в феврале 1918 г. Ф. Розинь переехал в Москву, был заместителем председателя ВЦИК и руководителем Комиссариата по латышским национальным делам при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР.

С восстановлением Советской власти в Латвии Ф. Розинь на Вселатвийском съезде Советов в Риге в январе 1919 г. был избран членом правительства Советской Латвии и являлся комиссаром земледелия и автором декрета о национализации земли.

Ф. Розинь умер 7 мая 1919 г. от сыпного тифа во время поездки по Латгалии. Газета «Правда» 11 мая 1919 г., отмечая смерть Ф. Розиня-Азиса, писала, что он был одним из самых верных, честных, самых достойных знаменосцев революции. — 21.

¹⁵ Райнис (Плиекшан) Ян (1865—1929) — великий революционный поэт. Родился на хуторе Варславаны Илукстского уезда Курляндской губернии. В 80-х годах учился в Петербургском университете. Там впервые познакомился с марксизмом. В эти годы подружился с П. Стучкой.

Я. Райнис был активнейшим участником «Нового течения», с 1891 по 1895 г. работал редактором газеты «Диенас лапа» («Ежедневный листок»). Когда в 1897 г. «Новое течение» царским правительством было разгромлено, Я. Райнис вместе с другими его деятелями был арестован и выслан в Псков. Из ссылки вернулся в 1903 г. Принимал активное участие в революции 1905 г. Его революционные стихи и драма «Огонь и ночь» принесли ему славу поэта революции. В конце 1905 г. Я. Райнис был вынужден эмигрировать в Швейцарию, где прожил до 1920 г. Находясь в эмиграции, Я. Райнис сотрудничал в нелегальном органе СДЛК газете «Циня».

Умер Я. Райнис в Риге в 1929 г. — 21.

¹⁶ «Бривайс стрелниекс» («Свободный стрелок») — газета латышских стрелковых полков, созданная по решению первого Большого Совета объединенных латышских стрелковых полков в апреле 1917 г. Редакция газеты с согласия тогдашнего Исколастрела попала в руки латышских меньшевиков. После принятия латышскими стрелками 17 мая большевист-

ской резолюции меньшевики во главе с М. Скуениеком вынуждены были уйти из редакции. Была образована большевистская редакция в составе Я. Германа (Аусеклис), К. Озолия и Т. Драудина. Газета пользовалась горячими симпатиями стрелков и их материальной поддержкой. «Бривайс стрелниекс» в 1917 г. был наиболее распространенной газетой и среди трудового населения Латвии. Временное правительство решило запретить большевистский орган печати латышских стрелков и избрало для этого момент, когда латышские стрелки, истекая кровью, боролись против германских войск, захвативших Ригу и Рижский уезд. Но газета продолжала выходить, только под другим названием — «Латвю стрелниекс» («Латышский стрелок»). В дни Великого Октября газета призывала стрелков на борьбу за Советскую власть и победу социалистической революции. — 22.

¹⁷ *Пулеметная горка* — холм среди болот у оз. Бабите, недалеко от р. Лиелупе (в 30 км от Риги). Летом 1915 г. был захвачен немцами и превращен в сильно укрепленное пулеметное гнездо. Во время Рождественских боев в конце 1916 г. латышские стрелки после ожесточенных боев овладели Пулеметной горкой, но понесли при этом большие потери. Для латышских стрелков Пулеметная горка являлась своего рода Верденом. — 26.

¹⁸ *Дижбит Андрей Мартынович*. Родился в 1889 г. в Вентспилском уезде Курляндской губернии. Вступил в ряды СДЛК в 1912 г. В октябре 1914 г. был арестован и выслан в Нарымский край. Весною 1916 г. совершил побег из ссылки, вел подпольную работу на Урале. После свержения самодержавия вернулся в Ригу и работал пропагандистом-агитатором среди латышских и сибирских стрелков XII армии. Одновременно работал в редакции газеты «Окопная правда». Рижской конференцией большевиков в июле 1917 г. был избран делегатом на VI съезд партии большевиков. После сдачи Риги немцам работал пропагандистом-агитатором в Петрограде. Был избран членом Петроградского Совета и ВЦИК.

После Октябрьской революции работал комиссаром по делам беженцев, потом начальником Главного управления милиции РСФСР. Активный участник гражданской войны. Был начальником особых отделов XVI и X армий, военным комиссаром I конной армии.

По окончании гражданской войны был на хозяйственной работе.

В настоящее время — персональный пенсионер. — 28.

¹⁹ *Кисис Роберт Иванович*. Родился в 1896 г. в Цесисском уезде в Видземе. Член партии с 1913 г. Работал в Видиенской организации. Во время мировой войны был призван в армию. После свержения самодержавия был членом полкового комитета 2-го латышского стрелкового полка. В октябрьские дни 1917 г. латышские стрелки послали его своим делегатом на II Всероссийский съезд Советов. Был членом большевистского Искосола. В феврале 1918 г. во время германского наступления проявил большие организаторские способности, был одним из создателей первых двух на Северном фронте полков молодой Красной Армии и командовал одним из этих полков у Пскова. В 1918 г. состоял в охране Кремля. Участвовал в подавлении мятежа левых эсеров. В 1920 г. был начальником политотдела Латышской советской стрелковой дивизии во время боев на Каховском плацдарме и штурма Перекопа.

В дальнейшем находился на ответственных должностях в Красной Армии. Потом — партийный работник. В 1945—1959 гг. — министр коммунального хозяйства Латвийской ССР. Автор книг «Октябрьская революция и латышские стрелки» и «Латышские стрелки в период гражданской войны». — 33.

²⁰ *Неоккупированная часть Латвии* — три северных уезда Видземе — Цесисский, Валмиерский и Валкский, а также Латгалия, которые после захвата Риги и Рижского уезда в 1917 г. остались не занятыми немцами.

В неоккупированной части Латвии центрами политической жизни (в расположении XII армии) были города:

1) Цесис (Венден), старинный город, упоминавшийся еще в XIII в. Немецкие рыцари здесь имели сильно укрепленный замок, руины которого сохранились до сих пор. Осенью 1917 г. в Цесисе находились Искосол и Исколастрел, а также дивизионные штабы;

2) Валмиера (Вольмар) расположена на живописном берегу р. Гауи. Как населенный пункт Валмиера известна с XIII в. Она находилась на торговом пути Рига — Псков. В 1889 г. здесь была построена железная дорога. Культурный центр Северной Латвии;

3) Валка (Валк) — город со смешанным латышско-эстонским населением. Крупный железнодорожный узел; железные дороги ведут в Ригу, Таллин и Псков. В 1917 г. после падения Риги в Валке находился штаб XII армии. Здесь собирались контрреволюционные силы.

В районе расположения V армии находился Даугавпилс (Двинск) — город на берегу Даугавы, крупный железнодорожный центр, через который проходили железные дороги на Петроград и Москву, а также на юг страны. В 1917 г. в Даугавпилсе находился штаб V армии. — 33.

²¹ *Петерсон Карл* (1877—1926) — член партии с 1898 г. Работал в Лиепайской нелегальной организации. В 1901 г. был арестован и на 3 года выслан в Енисейскую губернию. Принимал активное участие в революции 1905—1907 гг. в Латвии. В годы реакции им был организован партийный книжный магазин в Риге, который был и местом партийных явок. В 1912 г. снова был арестован и выслан. Во время первой мировой войны мобилизован и зачислен в Латышский запасной стрелковый полк. После Февральской революции выдвинулся как активный большевистский организатор латышских стрелков. Начиная с первого созыва — бессменный член Исколастрела. В 1917 г. был членом ВЦИК. Как делегат латышских стрелков участвовал в работе исторического II Всероссийского съезда Советов. Выступая с трибуны съезда, заявил искосольтцам, что они не являются представителями солдат XII армии: «Пусть они (искосольтцы-меньшевики) уходят — армия не с ними». В 1918 г. был первым военным комиссаром только что организованной Латышской советской стрелковой дивизии. Ему принадлежит большая роль в раскрытии заговора Локкарта. В 1919 г. был военным комиссаром Советской Латвии. Позже был военным комиссаром в Сибири. Умер в 1926 г. в Сухуми. — 37.

²² *Круминь Ян (Пилат)* (1894—1838). Сын безземельного крестьянина. Член СДЛК с 1912 г. В 1915 г. был кооптирован в состав нелегального ЦК СДЛК. На V съезде СДЛ, VI и VII съездах КПЛ избирался членом ЦК.

После Февральской революции Я. Круминь выдвинулся как один из активнейших деятелей партии и показал себя исключительно способным публицистом. После падения Риги в 1917 г. входил в состав бюро ЦК СДЛ. Был избран заместителем председателя Исколата, а после II съезда Советов Латвии — редактором органа Исколата — газеты «Зиньотайс» («Вестник»).

После захвата Латвии немцами Я. Круминь остался в Латвии на нелегальной работе, которую продолжал и в первые годы существования буржуазной Латвии, где до 1922 г. был руководителем нелегальной Коммунистической партии Латвии.

В последующие годы он являлся одним из представителей КП Латвии в Коминтерне и одновременно вел большую преподавательскую и журналистскую работу. — 37.

²³ *Антонов-Овсеенко Владимир Александрович* (1884—1938) — профессиональный революционер, один из активных участников Октябрьской революции. Родился в Чернигове в семье поручика резервного полка. В революционном движении начал принимать участие с 1901 г. В 1905 г., находясь в Польше, принял активное участие в вооруженном восстании. В 1906 г. был одним из организаторов вооруженного восстания в Севастополе, где его приговорили к смертной казни с заменой 20 годами каторги.

Совершил побег. Работал нелегально в Финляндии, потом в Петербурге. В 1910 г. эмигрировал во Францию. Примкнул к центристам. В 1917 г. после свержения самодержавия вернулся в Россию, вступил в партию большевиков. Выдвинулся как опытный организатор, журналист и оратор. В дни Октября вел активную борьбу в Петрограде, руководил взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Был членом Комитета по военным и морским делам. В годы гражданской войны в 1918 г. руководил Украинским фронтом. С 1922 по 1924 г. был начальником политуправления Реввоенсовета Республики. Позже был на дипломатической работе. — 37.

²⁴ *Чаринь Ян* — офицер в латышских стрелковых полках. В 1917 г. в дни Октября — заместитель председателя Исколастрела и председатель Военно-революционного комитета района XII армии. Убит на Южном фронте в 1920 г. — 38.

²⁵ *Левый блок XII армии* был создан 11 июля 1917 г. на собрании представителей 18 полков XII армии, к которым вскоре присоединились представители еще 6 полков. Левый блок ставил своей целью объединение левых сил XII армии, чтобы общими усилиями добиться созыва нового армейского съезда и перевыборов Искосола XII, захваченного соглашателями — меньшевиками и эсерами. Этой цели левый блок добился только в октябре—ноябре 1917 г. — 38.

²⁶ *Искорад XII* — Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов XII армии, в которой было до 60 тыс. инженерно-саперных, дорожных и окопных рабочих. Искорад XII как организация, объединявшая военизированных рабочих XII армии на всей территории Видземе, весной и летом 1917 г. составлял секцию Рижского Совета рабочих депутатов. После падения Риги 21 августа 1917 г. Искорад XII продолжал существовать на территории неоккупированной Латвии. Председателем Искорада XII был большевик Ф. Маркус (Ценсле). — 38.

²⁷ *Исколат* — Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии — был избран 30 июля 1917 г. В связи с захватом в августе 1917 г. Риги и Рижского уезда германскими войсками Исколат не смог развернуть своей деятельности. Значительная часть членов Исколата осталась в подполье в оккупированной немцами Латвии и попала в концентрационные лагеря.

После победы Октябрьской революции 8—9 ноября 1917 г. в Валке состоялся пленум Исколата, причем состав его был пополнен новыми членами. Исколат принял от Военно-революционного комитета района XII армии всю гражданскую власть в неоккупированной Латвии и провел коренные социальные преобразования, в том числе конфискацию всей помещичьей и церковной земли и национализацию земли. Все эти мероприятия Исколата были подтверждены II съездом Советов рабочих, стрелков и безземельных Латвии в декабре 1917 г., собравшимся в Валмиере. Председателем съезда, а также председателем Исколата — первого Советского правительства Латвии — был избран Ф. Розинь-Азис. — 38.

²⁸ *Нахимсон Семен (Михальчи)* (1885—1918). Родился в Лиепаве. Еще учеником принимал участие в работе Лиепайской социал-демократической организации. В 1905 г. как член военной организации вместе с Ленцманом, Лютером и другими принимал участие в организации Лиепайского восстания матросов. В 1906 г. бежал за границу. Заочно был приговорен царским судом к смертной казни. Нелегально неоднократно приезжал в Россию и работал здесь в партийных организациях в Каунасе. Был делегатом V съезда РСДРП, активно участвовал в его работе как большевик-ленинец. Сотрудничал в 1911—1914 гг. в газетах «Звезда» и «Правда».

В 1914 г. как военный врач был призван в армию. После Февральской революции в Петрограде был председателем Совета 1-го городского района, членом ЦК РСДРП(б), членом ВЦИК и военной секции Петро-

градского Совета. В сентябре 1917 г. был назначен комиссаром латышских стрелковых полков.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции на чрезвычайном съезде XII армии 14 ноября 1917 г. был избран первым председателем большевистского Искосола XII. После захвата немцами всей Прибалтики был военным комиссаром Ярославского военного округа. Во время эсеровского восстания в июле 1918 г. в Ярославле зверски убит белогвардейцами. — 38.

²⁹ *Поэма Карл* (1897—1933). Родился в семье сельского рабочего, прошел суровый жизненный путь. Был чернорабочим, часто оставался без работы. Февральская революция застала его в рядах стрелков Латышского запасного стрелкового полка, где он вступил в партию. Горячо агитировал за принятие стрелками резолюции 17 (30) мая.

В дни Октября был делегатом Чрезвычайной конференции СДЛ, а потом эмиссаром Военно-революционного комитета района XII армии.

В конце 1917 г. в рядах 3-го полка сражался против банд Каледина и участвовал во взятии Ростова. Вернувшись в Москву, в апреле 1918 г. участвовал в ликвидации гнезд анархистов. В 1919 г. в армии Советской Латвии К. Поэма был выдвинут на политико-просветительную работу. Позднее на Южном фронте одно время возглавлял политотдел Латышской стрелковой дивизии, а также был заместителем редактора фронтовой газеты.

Трагически погиб в Сибири в 1933 г. — 41.

³⁰ *Фабрициус Ян* (1877—1929). Родился в крестьянской семье близ Вентспилса. Принимал участие в революционном движении 1905—1907 гг. В годы первой мировой войны был мобилизован в армию и зачислен в 1-й латышский полк. Был членом комиссии по проведению выборов в Учредительное собрание в XII армии.

Большую энергию и смелость показал при организации отпора германским захватчикам в феврале 1918 г. По поручению В. И. Ленина на него было возложено командование Гдовско-Торошинским укрепленным районом, где немцам был нанесен ряд жестоких ударов. В конце 1918 г. был комиссаром левой группы войск VII армии, в состав которой входили латышские стрелки, возвращавшиеся в Латвию.

Летом 1919 г. Я. Фабрициус был переведен на Южный фронт, где был назначен начальником Ливно-Елецкого укрепленного района. После разгрома войск Деникина Фабрициус был переброшен на Западный фронт в качестве командира одной из бригад прославленной 16-й дивизии. За героизм, проявленное в борьбе с белополяками, был награжден третьим орденом Красного Знамени, а четвертым орденом Красного Знамени был награжден за воинскую отвагу во время подавления Кронштадтского мятежа.

По окончании гражданской войны занимал ответственные командные посты: был начальником дивизии, командующим корпусом и впоследствии помощником командующего Кавказской Краснознаменной армией.

Погиб в 1929 г. при воздушной катастрофе. — 41.

³¹ *Искоборсев* — Исполнительный комитет Советов Северного фронта. Находился во Пскове. Образован в мае 1917 г. Сперва его руководство находилось в руках соглашателей, но в октябре 1917 г. его председателем был избран большевик Ф. Маркус (Ценсле). — 42.

³² *Крыленко Николай Васильевич* (1885—1938) — большевик, профессиональный революционер. В 1905—1906 гг. — один из руководителей студенческого движения в Петербургском университете. Неоднократно арестовывался. В 1911—1914 гг. сотрудничал в большевистских газетах «Звезда», «Правда» и был прикомандирован партией к думской фракции социал-демократов большевиков. В 1915 г. нелегально вернулся в Москву, был арестован и затем отправлен в действующую армию. После свержения самодержавия прапорщик Крыленко был председателем армейского

комитета на фронте, делегатом I Всероссийского съезда Советов и членом Президиума съезда. Был арестован Керенским. В октябре 1917 г. вошел в состав первого Совета Народных Комиссаров как член Комитета по военным и морским делам. Был назначен советским верховным главнокомандующим. Потом был председателем Верховного трибунала при ВЦИК, наркомом юстиции РСФСР, прокурором республики. — 50.

³³ *Мальков Павел Дмитриевич* — член КПСС с 1904 г. Во время первой мировой войны был матросом Балтийского флота. В дни Октября был назначен комендантом Смольного. После переезда Советского правительства в Москву П. Мальков был назначен комендантом Кремля. С начала 1920 г. — на хозяйственной и советской работе. В настоящее время — персональный пенсионер.

Издal свои воспоминания: «Записки коменданта Московского Кремля» (в литературной обработке А. Я. Свердлова). — 50.

³⁴ *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — один из старейших деятелей Коммунистической партии. С 1896 по 1905 г. жил в эмиграции, где познакомился с В. И. Лениным. С момента основания газеты «Правда» принимал участие в газете. С 1917 по 1920 г. был управляющим делами Совета Народных Комиссаров.

Им был опубликован ряд статей и книг с воспоминаниями о революционном движении и первых годах Советской власти. — 51.

³⁵ *Кришьян Ян* — командир латышского кавалерийского отряда, отличившегося в январе 1918 г. в боях против белогвардейских и казацких банд Каледина. Под Орлом осенью 1919 г. вместе с бригадой червонного казачества Примакова кавалерийский полк Я. Кришьяна провел несколько блестящих рейдов в тыл деникинских войск. Ныне Я. Кришьян — персональный пенсионер. — 54.

³⁶ *Дауман Анс Эрнестович* — революционер-подпольщик, член партии. Родился в многодетной бедной крестьянской семье. Окончил Псковское землемерное училище. В первую мировую войну мобилизован в армию. В 1917 г. по списку большевиков прошел в Нарвскую городскую думу и был избран городским головой Нарвы. В октябрьские дни 1917 г. был председателем Нарвского Военно-революционного комитета. В феврале 1918 г. организовал защиту Нарвы от германского нападения. В 1919 г. был членом Реввоенсовета армии Советской Латвии. В октябре 1919 г. был назначен членом Реввоенсовета XVI армии, а потом командиром 10-й дивизии, которая 1 августа 1920 г. с боем взяла город-крепость Брест-Литовск. В этом бою А. Дауман пал смертью храбрых; он похоронен в столице Белоруссии. — 56.

³⁷ *Латышская советская стрелковая дивизия* (архивная справка по материалам ЦГАКА).

Латышская стрелковая дивизия сформировалась в апреле—сентябре 1918 г. из всех латышских стрелковых полков и отдельных латышских отрядов Красной Армии. 19 октября 1918 г. Латышская стрелковая дивизия была подчинена непосредственно главкому.

В январе 1919 г. дивизия вошла в состав армии Советской Латвии, получила наименование 1-й стрелковой дивизии армии Советской Латвии и сражалась за освобождение территории Латвии от белогвардейцев. В связи с реорганизацией армии Советской Латвии в XV армию Западного фронта 26 июня 1919 г. дивизия вошла в состав XV армии. На основании приказа по войскам XV армии от 8 июля 1919 г. Управление 1-й стрелковой дивизии армии Советской Латвии было переименовано в Управление 53-й советской дивизии, но вскоре, согласно приказу по XV армии за № 260 от 3 августа 1919 г., 53-я советская дивизия была переименована в Латышскую советскую стрелковую дивизию.

9 октября 1919 г. Латышская советская стрелковая дивизия была переброшена с Западного на Южный фронт, где вначале вошла в состав ударной группы фронта, а затем, в том же месяце, в состав XIV армии

Южного фронта (командарм И. Уборевич, член Реввоенсовета С. Орджоникидзе).

Согласно директиве командующего Юго-Западным фронтом от 18 марта 1920 г., Латышская советская стрелковая дивизия была передана в подчинение командования XIII армии и 26 июня 1920 г. вошла в состав правобережной группы войск Юго-Западного фронта (командующий фронтом А. Егоров, член Реввоенсовета И. В. Сталин).

После разгрома Врангеля в конце ноября Латышская советская стрелковая дивизия была расформирована. Части дивизии были влиты в состав 52-й советской дивизии.

За участие в разгроме Деникина Латышская стрелковая дивизия 28 ноября 1919 г. получила благодарность члена Реввоенсовета Южного фронта И. В. Сталина.

В марте 1920 г. дивизия была награждена Красным Знаменем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Латышская стрелковая дивизия входила в состав: XIII армии — в октябре 1919 г., XIV армии — с октября 1919 г. по март 1920 г., XIII армии — с марта по сентябрь 1920 г., VI армии — в сентябре—ноябре 1920 г.

Фонды Латышской советской стрелковой дивизии в Центральном государственном архиве Красной Армии включают приказы, донесения и оперативные сводки: 1) по боевым операциям на территории Латвии в 1919 г., 2) по ликвидации Орловской группировки войск Деникина и овладению городами Орел, Кромы, Севск, Фатеж, Дмитриев и Хутор Михайловский в октябре—ноябре 1919 г., 3) по разгрому белогвардейских частей в районе городов Белгород и Харьков в ноябре—декабре 1919 г., 4) по боевым действиям против махновских и петлюровских банд в районе городов Екатеринослав, Александровск, Верхнеднепровск и Кривой Рог в феврале—марте 1920 г., 5) по обороне нижнего течения Днепра и Каховского плацдарма в апреле—октябре 1920 г., 6) по форсированию Сиваша, штурму Перекопского перешейка (Ишуньских укреплений) и освобождению от белогвардейцев Крымского полуострова в ноябре 1920 г. — 60.

³⁸ *Дозит Карл* (1893—1938). Член партии с 1916 г. В 1917 г. — член Исколастрела. С начала организации Латышской советской дивизии состоял ее комиссаром вместе с К. Петерсоном.

После гражданской войны — полковник РККА. Напечатал несколько статей по истории латышских стрелков. — 61.

³⁹ *Берзинь Эдуард*. В 1918 г. — командир латышского артиллерийского дивизиона. Под его руководством производился обстрел левоэсеровского штаба в Трехсвятительском переулке в июле 1918 г. в Москве.

В августе того же года дипломаты Англии и Франции пытались подкупить Э. Берзиня и использовать его и латышских стрелков в своих контрреволюционных целях. Главным лицом заговора был глава специальной английской миссии при Советском правительстве Роберт Локкарт. Благодаря Э. Берзиню Всероссийская чрезвычайная комиссия раскрыла «посольский заговор» и пригвоздила к позорному столбу заговорщические приемы иностранных дипломатов.

По окончании гражданской войны перешел на хозяйственную работу и был начальником Дальстроя.

Э. Берзинь был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. — 63

⁴⁰ *Ленцман Ян* (*Кенцис, Мисинь и др.*) (1881—1938). Родился в Курземе в семье батрака. Рабочий, профессиональный революционер. Участвовал в революционном движении с 1899 г. В 1904 г. — член Лиепайского комитета ЛСДРП. Один из активнейших участников революции 1905—1907 гг., боевик. На I съезде СДЛК в 1906 г. был избран членом ЦК партии. Я. Ленцман всегда был последовательным большевиком. В 1908 г., по рекомендации В. И. Ленина, партия посылает Я. Ленцмана на партийную работу в Баку, где он проработал 3 года. Неоднократно аре-

ставывался. Во время Февральской революции проводил революционную работу в Москве, а потом в Риге. Был избран заместителем председателя Рижского Совета, приветствовал в мае 1917 г. съезд латышских стрелков и призвал их на борьбу за власть Советов. В 1919 г. был заместителем председателя Советского правительства Латвии и комиссаром внутренних дел, членом Реввоенсовета армии Советской Латвии и начальником ее политстдела. После окончания гражданской войны — на ответственной советской и дипломатической работе. Неоднократно избирался членом ЦК КПЛ. — 64.

⁴¹ *Эйдеман Роберт Петрович* (1895—1937). Родился в Видземе в Леясциемской волости, в семье народного учителя. По окончании реального училища поступил в Лесной институт в Петербурге, но в 1916 г. был призван в армию.

В Красной Армии с 1918 г. Активный участник гражданской войны, помощник М. В. Фрунзе. В мае 1918 г. Р. Эйдеман в районе Омска возглавлял борьбу против белочехов. Потом был назначен командующим Восточно-Сибирской флотилией, а в начале 1919 г. — командиром 16-й стрелковой дивизии, затем 41-й, а позднее — 46-й дивизии, которая сражалась против Деникина. За отвагу и героизм был награжден орденом Красного Знамени.

В 1920 г. во время боев за Перекоп Р. Эйдеман командовал XIII армией. В 1921 г. он был назначен заместителем командующего Украинского и Крымского военных округов. В 1924 г. Р. Эйдеман был назначен командующим Сибирским военным округом, а с 1925 по 1932 г. был начальником Военной академии им. М. В. Фрунзе. С 1932 г. — председатель Центрального Совета Осоавиахима. Р. Эйдеман был членом ВЦИК нескольких созывов и членом ЦИК СССР. — 68.

⁴² *Юдин Ян Андреевич*. Был учителем в одной из школ Цесисского района в Видземе. В начале мировой войны был мобилизован в армию. Служил в чине поручика в русских полках, затем был переведен в 4-й латышский полк.

На майском съезде стрелков в 1917 г. был избран в состав Исколастрела и руководил его юридическим отделом. Тогда же вступил в партию большевиков.

В 1918 г. принимал участие в подавлении чехословацкого мятежа и был назначен командующим всей левобережной группой советских войск у Казани. Погиб в бою 8 августа 1918 г. По инициативе В. И. Ленина было принято постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР об увековечении памяти Я. А. Юдина. В нем говорилось: «В боях с противником на Чехословацком фронте пал смертью храбрых руководитель одной из групп революционных полков товарищ Юдин. Отмечая его героическую смерть, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Железнодорожную станцию Красная Горка, у которой погиб героический товарищ, переименовать в Юдино.

2. Семье погибшего товарища Совет Народных Комиссаров выражает свое глубокое соболезнование и назначает пожизненную пенсию — 10 000 рублей в год». — 70.

⁴³ *Заринь Юлий*. Член партии, в 1917 г. работал секретарем отдела агитации и пропаганды Исколастрела. В дни Октября был членом Валкского ВРК и проявил большую энергию в работе по сплочению стрелков для борьбы со сторонниками Временного правительства в XII армии.

После захвата немцами всей Прибалтики Ю. Заринь был избран председателем отделения Исколастрела в Бологом. Он всегда находился в первых рядах борцов с врагами Советской власти и пал смертью храбрых в августе 1918 г. под Казанью. — 70.

⁴⁴ *Герцберг Карл* — командир 6-го Торошинского латышского стрелкового полка. Почти весь состав полка во главе со своим командиром

в июле 1918 г. пал смертью храбрых в бою против чехословаков под Екатеринбургом (Свердловск). — 70.

⁴⁵ *Штейн Иоган Яковлевич* — бывший поручик, командир 8-го латышского полка. В конце 1918 г. и в Советской Латвии командовал 3-й латышской бригадой. Ныне — персональный пенсионер. — 71.

⁴⁶ *Петерсон Ян* (1891—1918). Родился в Ерценской волости Валкского уезда. В юности работал пастухом у богатых крестьян. Был сельским кузнецом. Потом переехал в Ригу. В начале мировой войны был призван в армию и направлен в Петергофское военное училище, по окончании которого зачислен в 8-й латышский полк младшим офицером. В Октябрьские дни был избран командиром батальона латышских стрелков при ВЦИК и Совнаркомом по охране Смольного. Осенью 1918 г. командовал 8-м латышским полком в боях против Краснова. Пал смертью храбрых у станции Косарка 17 октября 1918 г. — 71.

⁴⁷ *Декрет о признании независимости Советской Республики Латвии* от 22 декабря 1918 г., подписанный В. И. Лениным, гласил:

«В ответ на запрос Советского правительства Латвии, Совет Народных Комиссаров заявляет:

1. Российское Советское правительство признает независимость Советской Республики Латвии. Высшей властью Латвии Российское Советское правительство признает власть Советов Латвии, до съезда же Советов — власть Правительства рабочих, безземельных и стрелков Латвии, возглавляемого тов. Стучкой.

2. Российское Советское правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Латвией военным и гражданским властям Российской Советской Республики оказать Советскому правительству Латвии и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Латвии от ига буржуазии.

3. Народному комиссариату продовольствия и Высшему совету народного хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами Советской Республики Латвии на предмет установления товарообмена между обеими республиками». — 75.

⁴⁸ *Авен Петр Яковлевич* — бывший подполковник царской службы, командир 8-го Валмиерского латышского полка. До конца июня 1918 г. был командиром 2-й латышской бригады, а потом — Латышской дивизии. В начале 1919 г. — командующий армией Советской Латвии. С июня 1919 г. — помощник командующего XIV армией. В 1920—1921 гг. — инспектор пехоты РККА. Позже возвратился в буржуазную Латвию.

В марте 1919 г. командующим армией Советской Латвии вместо Авена был назначен *Славен Петр Антонович* — бывший полковник царской армии. В 1918 г. был командующим V армией на Восточном фронте, а потом командующим Южным фронтом. В 1919 г., после падения Советской Латвии, снова занимал командные посты в Красной Армии РСФСР. В 1921 г. вернулся в буржуазную Латвию, был арестован и умер в тюрьме. — 78.

⁴⁹ *Эстонская дивизия* — организована в ноябре—декабре 1918 г. как основа вооруженных сил Эстонской Советской Социалистической Республики. После падения в январе 1919 г. Советской власти в Эстонии в рядах VII красной армии образовалась эстонская бригада. В октябре 1919 г. эстонская бригада, 86-й полк и 1-й полк Всевобуча вошли в состав сводной дивизии, переброшенной с Северо-Западного на Южный фронт, причем все 4 полка эстонской бригады были доукомплектованы до полного состава. По прибытии 15—20 октября 1919 г. на Южный фронт сводная дивизия была переименована в Эстонскую дивизию, она принимала участие в разгроме деникинских войск. — 80.

⁵⁰ *Мартусевич Антон Антонович* — литовец по национальности, бывший генерал-майор старой армии. Командовал 1-й дивизией армии Советской Латвии. В сентябре 1919 г. командовал Латышской советской

дивизией на Западном фронте и в октябре, до взятия Орла, — на Южном фронте.

До 1921 г. служил в РККА на разных командных должностях. В 1921 г. вернулся в Литву, а потом переехал в Ригу, где и умер. — 81.

⁵¹ *Шведе Карл Теодорович* — бывший штабс-капитан старой армии; был адъютантом командира 3-го Курземского полка. С августа 1918 г. — помощник начальника Латышской дивизии, а с начала 1919 г. — начальник разведывательной службы армии Советской Латвии.

С июня 1919 г. до конца 1920 г. К. Шведе был начальником штаба Латышской дивизии; при его непосредственном участии разрабатывались операции Латышской дивизии против войск Деникина на Южном фронте — у Кром, под Орлом, взятие Белгорода и Харькова и преследование разбитых офицерских полков Деникина до Черного моря.

По окончании гражданской войны, в 1921 г., К. Шведе выехал в Латвию; по дороге он умер от тифа в Сигулде. — 81.

⁵² *Фрейберг Август Давыдович* — подпоручик старой армии, командир 1-го батальона 1-го латышского полка. Командовал 2-й бригадой армии Советской Латвии. Осенью 1919 г. под Орлом командовал 2-й бригадой Латышской дивизии.

Умер от тифа на Южном фронте в 1920 г. — 81.

⁵³ *Апин Роберт* (1892—1938). Родился в 1892 г. в Яунгулбенской волости в Видземе. Член партии с 1912 г. Работал в Риге маляром. В 1915 г. призван на военную службу и зачислен в Латышский запасной полк. В 1917 г. — председатель полкового комитета 5-го Земгальского полка. В 1919 г. в армии Советской Латвии был комиссаром 2-й латышской бригады, а на Южном фронте, с августа 1920 г., — комиссаром Латышской стрелковой дивизии.

С 1922 по 1935 г. работал в Управлении штаба РККА, а с 1935 г. — на ответственной работе в Дальстрое. Член редакционных коллегий многих изданий по истории латышских стрелков, в том числе сборников «Революционный латышский стрелок» на латышском языке. Автор ряда военно-исторических статей. Автор пьесы «Авантюра» (о деле Локкарта), написанной вместе с К. Йокумом. — 81.

⁵⁴ *Матисон Павел* — осенью 1918 г. был организатором и командиром Особого (Саратовского) латышского полка. В 1919 г. командовал 2-й бригадой 2-й дивизии армии Советской Латвии. — 81.

⁵⁵ *Каменев Сергей Сергеевич* (1881—1936) — бывший офицер царской армии, известный военный деятель первых лет существования Советской власти. Командовал V армией на Урале. С 1919 по 1924 г. был главнокомандующим вооруженными силами Советской России, потом — заместителем комиссара по военным делам. Позже занимал ответственные посты в Красной Армии. — 82.

⁵⁶ *Стуцка Кирилл Андреевич* (1890—1938) — один из наиболее видных боевых командиров латышских стрелков. Родился в 1890 г. в Цесисе, где окончил городское училище и получил звание домашнего учителя. В 1914 г. был призван в армию, окончил пулеметную школу, а потом IV Киевскую школу прапорщиков. В январе 1917 г. перевелся в Латышский запасной полк. После Февральской революции был избран председателем товарищеского суда пулеметной команды 3-го Курземского полка. В ноябре 1917 г. К. Стуцка был назначен начальником пулеметной команды. Вместе с 3-м полком в январе 1918 г. сражался против Каледина. С созданием в апреле 1918 г. Латышской советской дивизии К. Стуцка был назначен командиром 3-го Курземского полка. В июле 1918 г. полк участвовал в подавлении мятежа левых эсеров в Москве. В конце 1918 г. 3-й полк двинулся в Латвию, направляясь через Елгаву, Тукум на Кулдигу. В марте—апреле 1919 г. К. Стуцка командовал Бауской группой частей Красной Армии против войск генерала фон дер Гольца, а позже был назначен командиром 3-й бригады 1-й латышской дивизии. За боевые

заслуги был награжден орденом Красного Знамени. После падения красной Риги в мае 1919 г. 3-я бригада Латышской дивизии под командованием К. Стуцки участвовала в октябре 1919 г. в боях под Кромами и Орлом, а в апреле 1920 г. — в штурме Перекопского вала. 20 июля 1920 г. К. Стуцка был назначен начальником Латышской дивизии; под его командой была проведена Каховская операция и переправа через Днепр. В ноябре 1920 г. К. Стуцка командовал Латышской дивизией в боях за Ишуньские укрепления. При расформировании дивизии и слиянии ее с 52-й дивизией К. Стуцка был назначен начальником 52-й дивизии. По окончании гражданской войны занимал высокие командные должности в Красной Армии.

К. Стуцка был председателем редакционной коллегии по изданию истории латышских стрелковых полков и автором многих статей по истории гражданской войны и латышских стрелков. — 84.

⁵⁷ *Калнынь Фридрих Карлович* (1887—1938). Родился в Валмиерском уезде в Видземе. В 1915 г., призванный в действующую армию, окончил школу прапорщиков, позднее стал штабс-капитаном.

Командовал 8-м латышским полком. В 1919 г. в Курземе командовал 3-й бригадой 2-й латышской дивизии и руководил Бауской операцией против 6-го германского корпуса генерала фон дер Гольца.

В октябре 1919 г. был назначен вместо Мартусевича командующим Латышской стрелковой дивизией и 20 октября 1919 г. во главе дивизии вошел в освобожденный Орел. Под его командованием Латышская дивизия громила и уничтожала деникинские офицерские полки и освободила Белгород и Харьков.

В апреле 1920 г. во время штурма Перекопа Ф. Калнынь был командующим Перекопской группой советских войск.

Впоследствии Ф. Калнынь был преподавателем Военной академии им. М. В. Фрунзе. Автор многих статей о боевом пути латышских стрелков в период гражданской войны. — 86.

⁵⁸ *Риекст Фриц Ансович* — бывший штабс-капитан. В 1918 г. — командир 2-го латышского советского полка. В конце 1919 г. в боях против Деникина командовал 1-й латышской стрелковой бригадой. — 110.

⁵⁹ *Адамсон Ян*. Родился в 1892 г., член партии с 1912 г., командир 3-го латышского полка во время исторического форсирования полком Днепра в августе 1920 г. у Каховки.

Ныне полковник в отставке, живет в Риге. — 120.

⁶⁰ *Элсис Ян Яковлевич* (1895—1938). Родился в Видземе в Валмиерском уезде. В первые годы мировой войны был мобилизован в армию и служил в 10-м Сибирском полку.

В апреле 1918 г. в связи с организацией Латышской советской дивизии был назначен командиром 1-го батальона 3-го латышского полка, а с июня 1918 г. — 3-го полка. В октябре 1919 г. участвовал в ожесточенных боях у Кром и под Орлом и был тяжело ранен. С июля 1920 г. Я. Элсис командовал 1-й латышской бригадой и участвовал во взятии Ишуньских укреплений.

После окончания гражданской войны находился на разных командных должностях в Красной Армии. — 121.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Создание латышских стрелковых полков	5
Латышские стрелки в борьбе за власть Советов в 1917 г.	13
Латышские стрелки в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции	36
Латышские стрелки на фронтах гражданской войны в 1918 г.	60
Армия Советской Латвии	72
Латышская советская стрелковая дивизия на Южном фронте	90
Примечания , , , ,	138—154

Теодор Янович Драудин

БОЕВОЙ ПУТЬ ЛАТЫШСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ В ДНИ ОКТЯБРЯ И В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917—1920)

Редактор *А. Венгранович*. Технический редактор
Я. Паэглис. Корректор *И. Шульц*.

Сдано в набор 21 ноября 1959 г. Подписано к
печати 2 февраля 1960 г. Формат бумаги 60×92/16.
9,75 физ. печ. л.; 9,75 усл. печ. л.; 10,16 уч.-изд. л.
Тираж 3000 экз. ЯТ 08115. Цена 7 руб. 10 коп.

Издательство Академии наук Латвийской ССР,
г. Рига, ул. Смилшу № 1. Отпечатано в типогра-
фии № 3 Управления полиграфической промыш-
ленности Министерства культуры Латвийской ССР,
г. Рига, ул. Ленина № 137/139. Заказ № 1601.

9L+9(S)21+9(S)22

7.10